ГРЕБЕНЦЫ ВЪ ПѢСНЯХЪ.

СБОРНИКЪ

старинныхъ, бытовыхъ, любовныхъ, обрядовыхъ и скоморошныхъ пѣсенъ гребенскихъ казаковъ съ краткимъ очеркомъ гребенскаго войска и примѣчаніями.

Собралъ подхорунжій 1-го Кизляро-Гребенскаго полка **Ф. С. Панкратовъ**.

ВЛАДИКАВКАЗЪ
Типо-Литографія В. П. Просвирнина.
1895.

ГРЕБЕНЦЫ

ВЪ

ПѢСНЯХЪ.

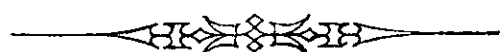
СБОРНИКЪ

Старинныхъ, Бытовыхъ, Любовныхъ, Обрядовыхъ и Скоморошныхъ пѣсенъ Гребенскихъ казаковъ съ краткимъ очеркомъ Гребенскаго войска и примѣчаніями.

Собралъ подхорунжій 1-го Кизляро-Гребенскаго полка

Ф. С. Панкратовъ.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.

Типо-Литографія В. П. Просвирнина.

1895.

Печатать дозволено. Владикавказъ, 24 Декабря 1894 года.

ПОЧЕТНОМУ КАЗАКУ

СТАНИЦЫ КАХАНОВСКОЙ

Его Превосходительству

Начальнику Терской области

и

Наказному Атаману

ТЕРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА,

Генераль-Лейтенанту

Семену Васильевичу

КАХАНОВУ.

ПОСВЯЩАЕТЪ СОБИРАТЕЛЬ.

ВВЕДЕНІЕ.

Послѣ татарскаго погрома и въ первыя времена собиранія Руси, восточная часть южно-русскихъ степей представляла изъ себя обширную необитаемую равнину, по которой бродили стада дикихъ животныхъ, а богатые дары природы, этой благословенной Богомъ страны, лежали нетронутыми. Степи давали убѣжище цѣлымъ шайкамъ татаръ, которые безпрепятственно безпокоили окраины многострадальной Руси. Какъ ураганъ, налетали они на села и деревни русскія, и послѣ цѣлаго ряда звѣрскихъ убійствъ и грабежей мирнаго населенія, возвращались къ своимъ кочевьямъ. Русскіе князья, занятые дѣлами въ государствѣ, большею частью не успѣвали во время предупреждать степныхъ хищниковъ, которые на своихъ быстрыхъ, низкорослыхъ лошаденкахъ безслѣдно скрывались, распродавая живую добычу на рынкахъ южной Россіи, а также и Турціи. Храброму и многочисленному русскому народу тяжело было переносить все это. Тѣмъ не менѣе нашлось средство противодѣйствовать ему въ случайно образовавшемся на югѣ Руси изъ бѣглыхъ людей, недовольныхъ порядками правительства, сословіи — казачествѣ, ставшемъ оплотомъ земли Русской противъ набѣговъ хищныхъ татаръ. Такимъ образомъ, казачество создалось и выдвинулось на политическую сцену вслѣдствіе естественныхъ причинъ, вслѣдствіе сложившихся условій даннаго періода времени. Привольныя и богатыя южныя степи

давно манили къ себѣ смѣлыхъ и отважныхъ людей, которые по различнымъ причинамъ не могли усидѣть на родинѣ. Такъ положено было основаніе казачеству на югѣ Руси. Въ первое время мы встрѣчаемъ казаковъ на Дону, на Терекѣ, Яикѣ, въ Запорожьи и Сибири. Впослѣдствіи, по инціативѣ правительства, создалось еще нѣсколько казачьихъ войскъ. Въ XVI стол. Рязанскіе казаки Червленнаго Яра. въ какомъ именно году—этого по исторіи не видно, по всей вѣроятности въ началѣ царствованія Іоанна Грознаго, недовольные порядками Московскаго правительства, взбунтовались, чѣмъ вооружили противъ себя Царя. Когда, посланный для умиренія мятежниковъ, воевода Дибичъ пришелъ въ Червленный Яръ, то здѣсь уже никого не было —всѣ покинули родныя пепелища и разбрелись кто куда попало: одни съ семействами спустились на своихъ легкихъ стругахъ внизъ по Дону, завоевавъ Азовъ. О завоеваніи, или по крайней мѣрѣ, о предположеніи завоевать Азовъ, есть пѣсня—

«Какъ у насъ то было на тихомъ Дону,
Во Черкасскомъ славномъ городу».

Другіе казаки разбрелись по окрестнымъ камышамъ, въ изобиліи покрывавшимъ необитаемые берега Дона, а нѣсколько шаекъ подъ командой выборныхъ атамановъ перебрались на Волгу, а оттуда въ Каспійское море. Пограбивъ хорошо безъ разбору всякіе корабли, шайка «*безпачпортныхъ людей*», была застигнута сильной бурей, разбившей въ щепки ихъ струги и потопившей большинство казаковъ. Небольшая группа въ 250 человѣкъ благополучно выбралась въ жилое мѣсто, будучи выброшена бурей въ устье Терека. Отсюда голытьба поднялась вверхъ по Тереку и основала четыре городка, юрта, причемъ три изъ нихъ получили названіе по имени атамановъ основа-

телей—Кордюка, Гладкаго и Шадрина, за четвертымъ сохранилось названіе въ память Червленнаго Яра *). Такимъ образомъ, появились — Червленный, Шадринскій, Гладковскій и Кордюковскій городки. Спустя нѣкоторое время отъ Гладковскаго городка отдѣлилась партія казаковъ, которая поднялась вверхъ по Тереку и въ 12 верстахъ отъ стараго Гладковскаго городка основала новый Гладковскій городокъ, получившій названіе Новогладковскаго, а старый городокъ сохранилъ за собой названіе Старогладковскаго. Бѣглецы ни съ разу утвердились въ основанныхъ ими городкахъ. Сначала они жили при устьѣ Сунжи, противъ станицы Щедринской, а потомъ, перебравшись на лѣвый берегъ Терека, въ 2-хъ верстахъ отъ нынѣшняго стараго Щедрина, сдѣлали себѣ небольшую крѣпостцу, обнеся ее громаднымъ рвомъ. Въ этой то крѣпостцѣ и жили нѣкоторое время казаки. Отсюда они уже разошлись по своимъ новымъ мѣстамъ, на которыхъ и въ настоящее время они находятся. «Городище», убѣжище казаковъ по переправѣ чрезъ Терекъ съ устья Сунжи, существуетъ и въ настоящее время. Валъ и ровъ хорошо сохранились, но они покрыты вѣковыми дубами; у Щедринцевъ это мѣсто теперь называется «Канканчикомъ», и служитъ весною для совершенія различныхъ Гребенскихъ обрядовъ. Тяжело пришлось въ первое время бѣглецамъ: чеченцы и кабардинцы то и дѣло безпокоили ихъ своими набѣгами. Но и Гребенцы **) въ свою очередь не оставляли безпокоившихъ ихъ горцевъ. Особенно увеличились успѣхи ихъ съ того времени, какъ кабардинцы изъ вра-

---

*) Головной уборъ Гребенской женщины—это видоизмѣненный уборъ женщинъ Рязанской губерніи.

**) Названіе Гребенцовъ получили они отъ тянущагося вдоль всего праваго берега Терека гребня.

говъ сдѣлались ихъ друзьями, вслѣдствіе женитьбы Іоанна Грознаго на дочери Кабардинскаго князя Темрюка. Побѣда надъ чеченцами давала массу трофеевъ, состоящихъ какъ изъ стадъ рогатаго скота, лошадей, а также молодыхъ красивыхъ чеченокъ. По прочномъ утвержденіи на берегахъ Терека, Гребенцы выбрали со всѣхъ станицъ депутатовъ, которыхъ отправили въ Москву бить челомъ Іоанну Грозному, чтобы простилъ онъ ихъ за побѣгъ. Какъ свидѣтельствуетъ исторія, а также и пѣсня «Ни сѣры то гуси во полѣ клохчутъ»—Іоаннъ Грозный не только простилъ ихъ за побѣгъ, но даже пожаловалъ во всегдашнее владѣніе «Терекомъ Горыньевичемъ со протоками». Такимъ образомъ, если при отчаянной борьбѣ на жизнь и смерть, Гребенцы часто лишались своихъ стадъ, а весьма часто и родныхъ семействъ, то и они въ свою очередь не оставляли въ покоѣ горцевъ. Геройскіе набѣги ихъ то и дѣло сокрушали жилища враговъ-чеченцевъ и нерѣдко съ плѣномъ людей одна и таже добыча переходила изъ рукъ казаковъ въ руки горцевъ и обратно. Однакожъ то время давно минуло и даже не достаточно хорошо изслѣдовано исторіей. Не менѣе живой интересъ мы встрѣчаемъ въ разсказахъ, которые относятся къ ближайшему къ намъ времени, концу XVIII и началу XIX столѣтія. Вся тревожная, трехвѣковая, по истинѣ молодецкая жизнь Гребенцовъ нашла себѣ живое отраженіе въ народной поэзіи ихъ. Слѣдовательно, имѣя теперь подъ рукою достаточное количество произведеній такого рода, въ которыхъ, какъ въ родниковой водѣ, отражаются— исторія и преданіе, обряды, обычаи, вѣрованія и помышленія Гребенского казачества, каждый читающій можетъ составить вполнѣ ясное понятіе о его бытѣ, духѣ, міровоззрѣніи, характерѣ, словомъ, о всѣхъ основахъ его племенной и національ-

ной самобытности. Въ собранныхъ мною пѣсняхъ легко прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ Гребенского, а потомъ и Терскаго войска, за колонизаціей первыхъ русскихъ поселенцевъ на Кавказѣ, ставшихъ сильнымъ оплотомъ земли Русской на отдаленной ея окраинѣ, за нравами, языкомъ, религіей, и, вообще за всей жизнью Гребенцовъ. Еще на школьной скамьѣ, въ гимназіи, видя, какъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, благодаря проникновенію цивилизаціи забываются свои родныя пѣсни, я задался мыслью воскресить забываемую народную литературу первыхъ колонизаторовъ Кавказа. Шесть лѣтъ работалъ я надъ сборомъ пѣсенъ по Гребенскимъ станицамъ, ходилъ во «бесѣды» и наконецъ труды мои увѣнчались успѣхомъ, хотя и неполнымъ. Еще тысячи пѣсенъ сохраняются въ устахъ Гребенцовъ, которыя я въ будущемъ постараюсь передать. Пребываніе въ полку и близкое нахожденіе какъ отъ своей станицы, а также вообще отъ Гребенскихъ станицъ, помогло мнѣ. Содѣйствіе и одобреніе Командира полка М. А. Смирницкаго еще болѣе придало мнѣ энергіи и желанія довести начатое дѣло до конца. При соединеніи пѣсенъ въ одно цѣлое, систематически изложенное, мнѣ пришлось столкнуться со многими препятствіями, которыя, при живомъ и сердечномъ участіи Отца-Командира М. А. полковника Смирницкаго, были устранены, и, благодаря лишь ему одному, я получилъ возможность свою завѣтную мечту привести въ исполненіе. Читающимъ можетъ показаться страннымъ, что въ число Гребенскихъ пѣсенъ попало много Донскихъ и Уральскихъ. Не смущаясь этимъ, нужно припомнить, что Гребенскіе казаки тѣже самые Донцы и Уральцы, а потому и понятно, что съ приходомъ ихъ на Терекъ сюдаже были перенесены и ихъ пѣсни, которыя уже можно

считать достояніемъ Гребенцовъ, плодомъ ихъ ума. При записываніи пѣсенъ я старался строго держаться того языка, которымъ онѣ мнѣ пѣлись, а потому и въ помѣщаемыхъ здѣсь пѣсняхъ — встрѣчается много словъ и выраженій такихъ, которыя понятны однимъ Гребенцамъ; поясненіе къ нимъ прилагаю здѣсь же въ примѣчаніяхъ. Собранныя мною пѣсни раздѣлены на отдѣлы: I — Историческія или старинныя, II — Военно-Бытовыя, III — Любовныя и Обрядовыя и IV — Скоморошныя. Эти послѣднія представляють изъ себя веселые пѣсни, которыя необходимо при пѣніи сопровождаются ударами въ латунный тазъ. Поютъ ихъ «при обыгрываніи» молодымъ ребятамъ, на вечеринкахъ и во мн. др. случаяхъ, о которыхъ буду говорить потомъ. Въ числѣ бытовыхъ пѣсенъ встрѣчаются двѣ искусственныя, принадлежащія перу полковника станицы Червленной П. Т. Кулебякина. Останавливаясь на пѣснѣ «я во садикъ собиралась» легко можно видѣть положеніе Гребенской женщины на работѣ за уборкой садовъ въ тревожныя времена, когда Гребенская женщина играла такую же роль какъ и мужщина. Онѣ сѣдлали мужьямъ лошадей, малолѣтняя дочь подавала отцу винтовку, сынъ держалъ подъ уздцы коня, въ то время, какъ глава семьи одѣвался, собираясь на тревогу. Въ самомъ дѣлѣ, нужно было только видѣть, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ жилъ и умиралъ Гребенецъ, съ какимъ смиреніемъ и самоотверженіемъ совершалъ онъ свои подвиги, и сколько неизвѣстныхъ потомству, героевъ-Гребенцовъ легло молча для защиты долга и чести. Изъ рода въ родъ передаются боевыя историческія воспоминанія Гребенцовъ о подвигахъ предковъ и часто въ веселой компаніи за «чапуркой родимаго» они «молятъ Бога» о погибшихъ, давая наставленія молодому поколѣнію*).

Собиратель Ф. С. ПАНКРАТОВЪ.

*) „Терское Казачье Войско“ Полк. Ржевускаго.

Въ воспоминаніе о Ковнѣ доброму барону отъ [illegible]

19 8/I 11

ОТДѢЛЪ I-й.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

(СТАРИННЫЯ).

ОТДѢЛЪ I.

Ахъ ты, батюшка, ты нашъ батюшка,
Быстрый Терекъ, ты Горыньевичъ!
Про тебя то лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая!
Ты прорылъ, прокопалъ
Круты горы, лѣса темные;
Ужъ упалъ ты Терекъ нашъ
Во сине море, во Хвалынское;
Какъ на устьице ты выкатилъ
Бѣлъ горючъ камень!
И тутъ шли прошли Гребенскіе казаки
И что съ той ли со батальицы;
Что съ той ли батальицы со Турецкія;
Не дошли они до бѣла камушка — становилися,
Становившися, они дуванъ *) дуванили:
Что на каждаго досталось по 500 рублей;
Атаманушкѣ съ есаулушкой по тысячѣ;
Одного то добра-молодца его обдуванили:
Доставалася добру-молодцу красна дѣвица;
Какъ уборъ-атъ приборъ на ней во 500 рублей;
Коса русая — во всю тысячу,
А самой то красной дѣвицѣ цѣны нѣту-ка.

* * *

---

*) Дѣлежъ.

***

Не во славномъ городѣ Вавилонѣ
Тамъ жила красная дѣвица,
Она дочь отецкая.
Прожила она красная дѣвица
Ровно она тридцать лѣтъ.
Пріѣзжали къ ея родимому батюшкѣ
Вотъ изъ горъ они князья.
Пріѣзжалъ къ ея родимому батюшкѣ
Самъ Паша-Турецкій-Султанъ.
Какъ въ его то красу красная дѣвица
Вотъ она перельстилася *),
Во его то лицо красная дѣвица
Она все влюбилася.
Совершила она красная дѣвица
Богу она тяжкій грѣхъ:
Воспородила она *на* красная дѣвица
На младóго юношу Александрушку,
Все того-ли сына Македонскаго.
Дознался ее родимый батюшка;
Онъ и сталъ ее журить-бранить.
Что журитъ-бранитъ красную дѣвицу,
Со двора ее долой гонитъ:
—«Ты сойди, сойди, красна дѣвица,
«Со мово ли со двора долой!
«Ты снеси съ меня худу славушку!»
Какъ взяла то взяла она на младого юношу,
Александрушку, сына Македонскаго;
Прижала его красная дѣвица
Къ своему ретивому сердцу,

*) Перельстилася — прельстилася.

И пошла то пошла красная дѣвица
Она все изъ граду вонъ;
Пошла то она тропиною все звѣриною.
Вдругъ на встрѣчу ей красной дѣвицѣ
Идетъ *на* старой казакъ;
На старой казакъ идетъ,
Идетъ Илья Муровичъ:
—«Что Богъ помощь тебѣ, красна дѣвица,
«Куда тебя Господь бѣдну несетъ?»
—«Я иду, иду, красна дѣвица
Что по край моря синяго;
Я хочу то хочу, красна дѣвица,
Построить теплое гнѣздышко;
Я воротичками его во чисто поле,
Окошечками во сине море;
Да тамъ будутъ ходить
На младые охотнички;
Признавать будутъ въ младомъ юношѣ
Они князя Македонскаго!»
—«Я хочу, хочу, красна дѣвица,
Я тебя еще просить буду:
Не топи на младого юношу,
Сына его Македонскаго!» (1)

* * *

Изъ села было все изъ селочка,
Изъ села было все изъ малаго,
Что изъ малаго Карачаева.
Тутъ вылетывалъ младъ ясенъ соколъ,
Тутъ выпархивалъ младъ сизой кречетъ.
Тутъ выѣзживалъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, Дюкъ Степановичъ,

Дюкъ Степановичъ, сынъ Ивановичъ.
Подъ нимъ добрый конь,
Ровно лютый звѣрь,
Да кунцомъ *) копыта, шея ко́лесомъ,
Да и гривушка все на́ лѣво;
Подъ копытцами все змѣи сопятъ;
Змѣи сопятъ, змѣи лютыя;
Змѣи лютыя, двухголовыя,
Двухголовыя, одошерстныя.
На немъ лукъ-сайдакъ,
Ровно жаръ горитъ;
Ровно жаръ горитъ, красно солнышко;
Во камчахъ **) лежатъ ровно 30 стрѣлъ,
Еще три стрѣлы;
Тридцати стрѣламъ цѣна сказана,
Какъ тремъ стрѣлочкамъ цѣны нѣту-ка:
У нихъ ушечки подзлаченыя,
У нихъ перушки все орловыя;
Какъ того орла, орла сизаго,
Орла сизаго, сизокрылаго.
Ужъ днемъ стрѣлялъ,
Ночью собиралъ.
Да тутъ ѣхали купцы торговые;
Они сбирали перушки орловыя,
Какъ того орла, орла сизаго,
Орла сизаго, сизокрылаго.

* * *

Тамъ заставушка была не махонькая ***),

---

*) Кунцовое копыто — старинное выраженіе—*стаканчиковое, торцовое* копыто.

**) Камчи—это тотъ-же самый колчанъ.

***) Махонькая—маленькая.

Она все не большенькая;
Какъ была тамъ заставушка
Она во матушкѣ была во Россіюшкѣ.
Во первыхъ то часахъ, часахъ первыихъ,
Ни ясенъ соколъ во пролетъ пролеталъ,
То добрый-атъ молодецъ на конѣ проскакалъ.
И кому же изъ насъ во погонъ ему гнать?
Гнать то не гнать на старо́му казаку,
Что тому казаку Ильѣ Муровичу;
Гнать то не гнать все Добрынюшкѣ,
Гнать то не гнать Дюкъ Степановичу;
Гнать то не гнать бѣдному Алешенькѣ Поповичу.
Онъ Алешенекъ умомъ-разумомъ
Да онъ глупешенекъ.
Какъ и есть то у насъ на два бояршечка,
Во пиру ли, во бесѣдѣ люди первые,
А на бою, на дракѣ люди послѣдніе.
Ужъ какъ гнать то не гнать *на* старо́му казаку,
Гнать то не гнать Ильѣ Муровичу.

* * *

Не далéче было дáлече во чистомъ полѣ.....
Не два сокола они вмѣстѣ изъ дубровушки
Два соколика вмѣстѣ солеталися,
Не два бо́гатыря вмѣстѣ соѣзжалися;
Не Иванушка онъ съ царемъ позаспоровался *),
Не объ ста рубляхъ, не объ тысячѣ;
Позаспоровались они о своихъ буйныхъ головушкахъ.
Ни по Божеской было по милости,
А по младеческому было по счастьицу,

*) Позаспороваться—заспорить.

Сбилъ Иванушка царя невѣрнаго,
И садится Иванушка царю на бѣлы груди.
Вынимаетъ Иванушка свой острый кинжалище,
Онъ и хочетъ пороть царю груди бѣлыя,
Груди бѣлыя, груди царскія
И поганый царь испугался,
Онъ взмолился царь къ Настасьюшкѣ,
Что ко дочери ко Митривнѣ.
—«Свороти ка, моя Настасьюшка,
Съ моихъ бѣлыхъ грудей ты Иванушку,
И за это тебя Настасьюшка
Я возьму тебя за себя замужъ;
За мною, Настасьюшка,
Ты будешь царицею,
Будешь царица ты всесвѣтная;
Всѣ цари земные тебѣ поклонятся,
А за Иванушкой будешь холопкою!»

*
* *

Что не въ славномъ было градѣ Кіевѣ,
Что у славнаго князя у Владимира,
У Солнышка-Краснаго, сына Всеславича,
Какъ сбиралася она тамъ пиръ-бесѣдушка,
Честохвальная, да почетная.
Ужъ какъ пьютъ то они гуляютъ
Князья бояре, прохлаждаются,
Промежъ собой они похваляются:
Какъ и сильнóй то хвалится своею силою,
Богатый хвалится своимъ богачествомъ,
А убогій все Божьей милостью.
Лишь Владимиръ князь одинъ не хвалится,
И, какъ солнышко, онъ улыбается,

Ужъ онъ молвитъ бесѣдѣ таковы слова:
—«Всѣ друзья мои, братья, поженилися,
Вся голутьба *) моя пересватана,
Одинъ я, добрый молодецъ, холостъ хожу,
Ужъ я холостъ хожу, незасватанный!» (2)

* * *

Какъ у насъ то было во Калмыкушкахъ.....
Собиралася тутъ соѣзжалася
Вотъ ордычушка, сила невѣрная —
Темергойцы-собаки съ Бессемейцами
Они вмѣстѣ собиралися.
Они думушку думали все единую:
Во которую, братцы, во сторонушку
Да мы на ударъ пойдемъ?
Ударимте-ка мы, братцы, во улусушки,
Что во тѣ улусы во Калмыцкіе,
На ту кибиточку бѣлу ханскую.
Молодого хана дома не случилося:
Онъ поѣхалъ во матушку во Россіюшку,
Въ каменную Москву.
Молодая ханша крѣпко испугалася;
Кричитъ-то она, зычитъ своимъ нѣжнымъ голосомъ:
—«Ужъ вы, вояси, мои слуги вѣрные,
Вы дайте, подайте мнѣ, молодой ханшѣ,
Перевезите меня на ту сторону,
Вы возьмите съ меня пятьсотъ рублей,
Коли мало, возьмите всю тысячу,
Коли мало, возьмите вороныхъ коней,

*) Голытьба.

А въ приданное вамъ дарю
Я свой золотой перстень!» (3)

* * *

Не сѣрые гуси въ полѣ гогочутъ,
Не сизые орлы клохчутъ —
Они пить и ѣсть хотятъ.
Гребенскіе наши казаки
Предъ Царемъ они стоятъ.
Передъ Грознымъ Царемъ,
Предъ Иванъ Васильевичемъ.
Гребенскіе наши казаки
Царю рѣчи говорятъ:
—«Да ты батюшка, ты нашъ надежда,
Православный Государь!
Да и чѣмъ ты насъ подаруешь,
Чѣмъ пожаловаешь? *)
Подарю я васъ, моихъ казаченьковъ,
Рѣкою вольною, Терекомъ Горыньевичемъ;
Отъ самаго Гребня до синя моря,
До синя моря до Хвалынскаго!»

* * *

Не изъ тучушки вѣтерочки дуютъ,
Не дубровушка во полѣ шумитъ.
Что ни сизые орлы въ полѣ вьются,
По надъ небесью орлы летучи;
Что ни сѣрые гусюшки гогочутъ,
По надъ бережкомъ гуси сидючи.
То расплакались младые казаченьки

---

*) Для склада пѣсни я оставляю это слово такъ, какъ оно поется у Гребенцовъ.

Передъ Бѣлымъ Царемъ стоючи:
—«Ужъ ты батюшка, ты нашъ Царь-надежда,
Православный ты нашъ Государь!
Не позволь казнить-вѣшать,
Позволь рѣчи говорить!
Какъ бывалоча ты нашъ Царь-надежда,
Много дарилъ насъ и жаловалъ,
А теперь ты нашъ Царь-надежда,
Никого изъ насъ ты не пожаловалъ.
Только жаловалъ ты нашъ Царь-надежда,
Тихимъ Терекомъ со протоками. (4)

***

Не во матушкѣ было во Россіюшкѣ,
Было въ каменной Москвѣ;
Во палатушкахъ было бѣлыхъ каменныхъ.....
Тамъ столы стоятъ черны дубовые,
А на столахъ скатерти бѣлы шелковыя;
Онѣ того-то шелку Шемахинскаго;
На столахъ-то стоятъ блюда позлащенныя,
А во блюдечкахъ ястеца сладки сахарныя;
На столахъ-то стоятъ *на* пойлица разнопьяныя.
За столомъ стоятъ стулечки кленовые;
На стулечкахъ сидятъ они
Воеводушки сидятъ все Московскія,
А по конецъ-то столовъ стоитъ
Ужъ онъ разукрашенный стулъ.
На стулѣ сидитъ батюшка православный Царь;
Паавославный Царь, православный Государь,
Да Иванъ Васильевичъ.
Онъ не пьетъ-то, не гуляетъ, не прохлаждается;

Призадумался, повѣсилъ свою буйную головушку
На бѣлыя груди.
Онъ думалъ думушку ее заединую —
Объ измѣнѣ его-ли князя Курбскаго,
Перебѣжчика къ королю Польскому.

* * *

Не шуми моя зеленая дубровушка да ты надо мной.
Ужъ ты думай, моя буйная головушка, не продумайся.
Собирись ты моя головушка съ умомъ-разумомъ.
Какъ со вечера доброму молодцу думушку думати,
Со полуночи доброму молодцу во допросѣ быть.....
Быть доброму молодцу передъ судьей;
Предъ судьей-то доброму молодцу,
Предъ Иваномъ Васильевичемъ.

* * *

Ты Малютка, ты Малютка, Илья Муромецъ-душа.
Выѣзжаетъ ли Малютка изъ того ли города Кіева;
Подъ малюткой конь, ровно лютый звѣрь;
Малютка на конѣ, ровно соколикъ на сѣдлѣ
Подъѣзжаетъ Малютка ко сырому дубу.
На сыромъ-то дубу сидитъ черный воронъ.
Какъ хотитъ-то Малютка его застрѣлити.
—«Ты застрѣлишь меня, не утѣшишь самъ себя!
Я скажу тебѣ, Малютка, всію правду:
Обладали васъ татары своей силой невѣрною,
Какъ подѣлали татары завалы высокіе».

* * *

***

Не во матушкѣ было, было во Россіюшкѣ.....
Во Россіюшкѣ было, въ каменной Москвѣ,
У крыльца то дворца было Государева;
На часахъ то стоитъ молодой казакъ,
Да онъ слезно плачетъ;
Во слезахъ то онъ словечушко молвитъ:
—«Вы подуйте, подуйте, вѣтры буйные,
Пошатните вы горы высокія,
Пошатните вы лѣса темные,
Разнесите вы царскую могилушку,
Отверните гробову доску,
Откройте вы золоту парчу:
—Ты встань, нашъ батюшка, Грозный Царь,
Да ты Иванъ Васильевичъ!
Посмотри ты на свою армеюшку—
Стоитъ армеюшка твоя не по прежнему,
Все усы то и бородушки у нихъ поострижены.

***

Собирается нашъ православный Царь,
Собирается онъ все на охотушку;
За куницами Царь въ лѣсъ,
На больше того за лисицами,
Да *на* болѣ всего нашъ Царь
Ужъ онъ за чернымъ соболемъ.
Какъ наѣзживалъ нашъ Грозный царь
Во лѣсу то онъ на махоньку избушку;
Хорошо та избушка она построена:
Все изъ лѣсу ли краснаго, лѣсу волжскаго;
А покрыта та избушка чернымъ бархатомъ,

Ужъ усыпана та избушка мелкимъ земчугомъ,
Изнутри она украшена парчей съ золотомъ:
—Да и кто-жъ въ этой избѣ, выходи сюда!
Какъ выходитъ онъ разудалый молодецъ,
Что *на* младой ли Курбскій, сынъ княжескій;
Онъ въ коричневой черкескѣ на распашечку,
А сафьянны его сапожки на босу ногу.
—«Не ты ли здѣсь, добрый молодецъ,
Царя Польскаго за красный столъ сажалъ?
Не ты ли съ нимъ пилъ, ѣлъ, пировалъ»?
—«То не я, батюшка, Грозный Царь,
Кра́ля Польскаго за дубовый столъ сажалъ,
Вся вина моя—что я сынъ того,
Того князя ли, князя Курбскаго»! (5)

* * *

Нашъ Православный Царь стоялъ у заутрени,
Со князьями онъ стоялъ, стоялъ со боярами.
Какъ на всѣхъ то князьяхъ, на всѣхъ бо́ярахъ
На нихъ платья все цвѣтныя, сукномъ кармазиныя,
На самомъ то царѣ на батюшкѣ на немъ платье черное.
Какъ и всѣ князья-бо́яре, они веселы стоятъ:
Нашъ православный Царь не веселый стоитъ:
Онъ повѣсилъ свою буйную головушку
На могучія свои плечи,
Онъ потупилъ очи ясные во сыру землю.
Пріутихло наше войско Донское
Безъ своего то ли безъ служителя,
Безъ Ивана ли сына Матвѣевича.
Какъ разбили то его славную армеюшку,
Ее нѣмцы ли мудрые;
Взяли то они *на* младо́го хорунжаго,

Молодого его племянничка;
Связали они ему руки бѣлыя,
Сковали ему ноги рѣзвыя,
Повели то его къ нѣмцу мудрому.
Ужъ какъ сталъ то нѣмецъ его спрашивати:
—«Ты скажи, скажи, добрый молодецъ,
Ты скажи, чѣмъ Царю служилъ?»
—«Я не сотникомъ служилъ, не полковникомъ,
А служилъ то *на* младымъ казаченькомъ;
Если бъ была бъ у меня сабля острая,
Ужъ я снялъ бы свою буйну голову!»

* * *

Какъ на рѣчкѣ на рѣкѣ, братцы, было на Камышинкѣ,
Собиралися, соѣзжалися они люди вольные.
Люди вольные сбиралися, они безпачпортные:
То Донскіе, Гребенскіе казаки они со Яицкими.
Атаманомъ былъ у нихъ Ермакъ Тимофѣевичъ.
Ужъ онъ рѣчи говорилъ Ермакъ
Ровно, какъ въ трубу трубилъ:
—«Ужъ вы думайте, только подумайте,
Да меня Ермака ли казака,
Вы меня послушайте:
Вотъ проходитъ у насъ, братцы,
Все лѣтушко теплое,
Наступаетъ вотъ у насъ, братцы,
Зимушка холодная.
Да и гдѣ же мы эту зимушку
Ее зимовать будемъ?
На Яикъ рѣку итти,
Да онъ переходъ великъ,
А на волгѣ быть, намъ ворами слыть,

Подъ Казань городъ итить,
Ужъ тамъ Грозный Царь стоитъ, (6)
Ужъ онъ Грозный Царь, самъ Иванъ Васильевичъ».

* * *

Не во матушѣ было, было во Россіюшкѣ,
Во Россіюшкѣ было въ Кремлѣ городѣ,
На зарѣ было на зорюшкѣ, на зарѣ было на утреней,
Со восхода солнца краснаго
Не сизые орлы изъ дубровушки орлы солеталися,
Не стрѣльцы то бойцы, раздобрые молодцы
Вокругъ они соѣзжалися.....
Они ожидаютъ то къ себѣ стрѣльцы то бойцы
Къ себѣ они атаманушку.
Не ясенъ соколъ по подъ небесью
Соколъ во пролетъ пролетѣлъ.
Нашъ стрѣлецкій атаманушка
Онъ во кругъ то къ намъ идетъ.
Онъ идетъ нашъ атаманушка
Онъ идетъ все не тряхнется,
Черны кудерцы они на головушкѣ
Они не шелохнутся;
Входитъ нашъ атаманушка во казачій кругъ,
На всѣ четыре онъ на сторонушки
Ужъ низко кланяется:
—«Здоровы ли вы мои стрѣльцы-бойцы,
Здоровы ли вы мои молодцы?
Ничегошенько вы не знаете,
Ничего то вы не вѣдаете:
Какъ на насъ то Грозный Царь
На насъ распрогнѣвался:
Чрезъ пятаго на десятаго хочетъ казнить-вѣшать,

А меня то, вашего атаманушку,
На кострѣ онъ хочетъ меня сжечь!»

*
* *

Ни туманушка онъ по балочкамъ,
Туманъ, братцы, разстилается;
Двѣ армеюшки Царя Ѳедора
На дорогахъ онѣ собиралися.
Не ясенъ соколъ по подъ небесью,
Высоко ясный летаетъ,
То добрый молодецъ по армеюшкѣ
Да онъ разъѣзжаетъ.
Ужъ онъ ищетъ то себѣ нѣмца мудраго:
—«Да кто бы могъ со дна моря достать песку желтаго,
Да и кто бы могъ изъ моихъ ноженъ
Вынуть саблю ее острую?
Кто бы могъ изъ этой саблюшки
Вывести изъ нея всю эту ржавчину?
Еще кто бы могъ этой саблюшкой
Вскрыть мои груди бѣлыя?
Еще кто бы могъ изъ грудей моихъ
Вынуть сердце ретивое?
Поглядѣлъ бы я на свое сердечушко,
Отчего во мнѣ оно изныло?
Ужъ болитъ оно, мое сердечушко,
Болитъ оно не по царски,
Ноетъ мое сердечушко,
Ноетъ оно не по боярски!»

*
* *

*
* *

Не на тихомъ было Дону,
Во Черкасскомъ было городу.
Тамъ бесѣдушка она сидѣла:
На старые старики, атаманы-казаки.
Они пьютъ то ѣдятъ, гуляютъ,
Про Азовъ *) городъ говорятъ:
—«Не дай, не дай Боже, уму-разуму
Въ Азовѣ славномъ городу
На турецкому славному пашѣ—
Не построилъ бы онъ своей башни
На устъ быстромъ славномъ Калачѣ,
Не перекинулъ бы свои онъ цѣпи
Черезъ батюшку славный тихій Донъ.
Нельзя то будетъ намъ бравымъ казаченькамъ
По тихо́му намъ Дону гулять,
Что ни лодкою, ни карабликомъ,
Ни сухимъ путемъ, ни водой!»(7)

*
* *

У насъ то было, братцы, на тихо́мъ Дону.....
Породилъ уда́лъ добрый молодецъ,
По имени Стенька Разинъ Тимофѣевичъ;
Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Съ нами молодцами онъ думу не думывалъ,
Ходилъ-гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ крѣпкую думалъ думушку съ голутьбой:
—«Ой, ребята, братцы, голь кабацкая!
Пойдемте-ка мы, братцы, во сине море гулять,

---

*) Обыкновенно вмѣсто „Азовъ" городъ, въ нѣкоторыхъ станицахъ говорятъ „*Азовый*" городъ.

Разобьемъ мы, братцы, басурманскіе корабли,
Возьмемъ мы казны сколько надо намъ!»

*
* *

Не во матушкѣ было во Россіюшкѣ,
Во Россіюшкѣ было въ Каменной Москвѣ.
Мимо крыльчика, дворечика было Государева,
Что ведутъ-то его, ведутъ князя Долгорукаго,
Что ведутъ-то его — его ручки связаны,
Они все связаны, да и крѣпко спутаны,
Крѣпко спутаны они, его ноги скованы;
Что ведутъ то его *на* 500 солдатъ;
Впереди идутъ музыкантушки,
Во ряду то съ нимъ — отецъ съ матушкой,
Позади идетъ молодая жена
Съ чадушками малыми.
Ужъ отецъ-то плачетъ, ровно рѣка льетъ,
Что мать-то плачетъ, въ морѣ вода бьетъ,
Чады малыя плачутъ — сильный дождь идетъ,
А жена плачетъ — роса утренняя падаетъ.

*
* *

Не дале́че было было да́лече,
Во чистомъ полѣ было;
Какъ далѣе было во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ, во Хвалынскомъ,
Что на славномъ островѣ персидскомъ,
Тамъ сбиралися они музуры, люди вольные,
Они думушку думали все единую:
—Кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
Кому изъ насъ, ребята, есауломъ быть?
Есауломъ быть Василію Никитичу.

Атаманомъ быть Степану Тимофѣевичу.
Атаманъ рѣчь возговоритъ, какъ въ трубу трубитъ,
Есаулъ-то рѣчь говоритъ, ровно какъ въ свирѣль
играетъ;
—«Не пора-ли намъ, братцы, со синя моря,
Что на матушку на Волгу быстру рѣку!»

*
* *

Какъ во городѣ Черкасскомъ ни со вечера у насъ, у
казаченьковъ
Есаулъ то Донской рано кличъ закликалъ:
—Ужъ вы други мои, дружечки,
Вы не пейте-ка даровóго вина,
Пойлица некупленнаго!
По утру то у насъ, у казаченьковъ
Будетъ то у насъ воспавальный кругъ!
Во кругу то стоитъ золотой бунчукъ,
У стѣны стоитъ раскрашенный стулъ,
На стулѣ то сидитъ войсковой атаманъ,
Передъ нимъ то стоитъ войсковой писарь,
Во рукахъ то онъ держитъ три указушка,
Они все скоро написанные,
Они переписанные все про Стеньку Разина,
Чтобы выслать его въ каменну Москву!
Никогда то у насъ Стенька Разинъ
Да онъ въ кругъ не хаживалъ,
А теперь то онъ во кругу стоитъ.
На немъ сапожки козловые на босу ногу,
Зеленый его кафтанчикъ на распашечку,
Свою шапочку кабардиночку держитъ во подмышечкѣ;
Возговорилъ онъ таковы рѣчи —

—«Не умыслы царскіе, умыслы боярскіе!»
Повернулся Стенька Разинъ, изъ круга вонъ пошемъ.(2)

* * *

Что ни по морю по морюшку
По синю морю по Хвалынскому
Тамъ плыветъ *на* Соколикъ корабль.
Двадцать лѣтъ корабль на якорѣ не стаивалъ,
Къ бережку круту не причаливалъ,
И онъ желтаго песку въ глаза не видывалъ.
Что бока то его сведены по туриному,
А носъ да корма—они по змѣиному.
Атаманомъ былъ на немъ
Стенька Разинъ онъ сынъ,
Есауломъ былъ Илья Муровичъ-душа;
На Илюшинькѣ кафтанъ бѣлый бархатный,
На кафтанѣ пуговки онѣ злаченыя,
А на каждой-то пуговкѣ по лютому льву.
Напали на корабль они разбойнички,
Что и тѣ то они татары съ персіанами.
Какъ хотятъ то они этотъ корабль
Все разбить его разгромить,
Илью Муровича во полонъ его взять.
Какъ нашъ Муровичъ по кораблику похаживаетъ,
Свои пуговицы злаченыя поглаживаетъ,
Его пуговки злачены разгорѣлися,
Его лютые то львы разревѣлися,
Ужъ злые то татары испугалися,
Во сине море они побросалися.

* * *

***

Ужъ вы горы, мои горы!
Прикажите-ка вы горы
Подъ собой намъ постояти!
Намъ не годъ годовати,
Ни недѣлюшку стояти,
Одну ночку ночевати,
И тою намъ всю не спати,
Легко ружья заряжати,
Чтобы Астрахань намъ городъ
Въ глуху полночь проѣхать;
Чтобъ никто насъ не увидѣлъ,
Чтобъ никто насъ не услышалъ.
Насъ увидѣлъ и услышалъ
Астраханскій воевода.
Приказалъ же воевода
Сорокъ пушекъ заряжати,
Въ Стеньку Разина стрѣляти.
Ваши пушки меня не возьмутъ,
Легки ружьица не проймутъ,
Ужъ возьметъ ли не возьметъ
Астраханска дѣвка Маша.
По бережку Маша ходитъ,
Платкомъ шелковымъ все машетъ.
Шелковымъ платкомъ махала,
Стеньку Разина перельщала.
Стеньку Разина перельстила,
Къ себѣ въ гости заманила,
За убранъ столъ посадила,
Пивомъ-медомъ угостила
И до пьяна напоила,

На кровать спать положила
И начальству объявила.
Какъ пришли къ нему солдаты,
Солдатушки молодые;
Что сковали руки, ноги
Желѣзными кандалами.
Посадили потомъ Стеньку
Во желѣзную во клѣтку;
Три дня по городу возили,
Три дня голодомъ морили.
Попросилъ же у нихъ Стенька
Хоть одинъ стаканъ напиться
И во клѣткѣ окатиться.
Онъ во клѣткѣ окатился
И на Волгѣ очутился.

*
* *

Еще мнѣ вечéръ то вечéръ мало спалось
Во снѣ много видѣлось:
Будто конь мой вороной
Разыгрался подо мной;
Разыгрался, расплясался
Подъ удалымъ добрымъ молодцомъ.
Какъ подули вѣтры буйны
Со восточной стороны,
Сорывали черну шапку
Съ моей буйной головы.
Оторвался лукъ звончатый
Все со лѣваго мовó плеча,
Разсыпались каленыя стрѣлья
Врозь по матушкѣ сырой землѣ.
Да кто же этотъ сонъ

Разгадать бы его могъ?
Да на что его гадать,
На словахъ его можно сказать.
Разгадала этотъ сонъ
Родна матушка душа его:
--Какъ тебѣ то добру-молодцу
Быть убитому;
Вороному твоему коню
Быть затрѣленну;
Молодой твоей женѣ
Быть вдовушкою;
Малымъ дѣтушкамъ твоимъ
Быть сиротушками.
Не въ Саратовѣ то было
Было въ Астрахани,
Тамъ прослышался, проявился
Все незнамый человѣкъ;
Онъ незнамый, незнакомый —
Стенька, Разина онъ сынъ.
Онъ по городу шипехонько похаживаетъ,
Въ одной тоненькой рубашкѣ,
Да въ нанковомъ халатѣ на распашечку.
Господамъ ли да боярамъ
Онъ челомъ имъ не бьетъ,
Купчикамъ, дворянчикамъ не кланяется,
Астраханскому воеводѣ онъ почтенья не даетъ.
Увидалъ же воевода со параднаго крыльца,
Приказалъ же воевода ко себѣ его привесть:
—«Ужъ вы слуги мои слуги, слуги вѣрные мои!
Вы пойдите приведите удалова молодца!»
Какъ поймали, соковали удалого молодца,
Привели къ воеводѣ незнамаго на глаза.

Какъ и сталъ же воевода
Сталъ онъ спрашивати:
--«Ты какого поведенья, чьей матери, отца?
Не со города-ль Казани,
Съ славной каменной Москвы?
Или съ Дону ты казакъ,
Иль купеческій ты сынъ?»
—«Я не съ города Казани,
Не со каменной Москвы,
Не купеческій я сынъ,
Я со матушки со волги
Стенька, Разина сынокъ!»

* * *

Не во матушкѣ было во Россіюшкѣ,
Во Россіюшкѣ было въ каменной Москвѣ.
Среди города было среди стараго,
Среди Кремля то было города.
На широкой было на площади
Собирался тутъ стрѣлецкій кругъ.
На зарѣ было на зорюшкѣ,
На зарѣ было на утренней,
Ни ясенъ соколъ во пролетъ летитъ,
Нашъ стрѣлецкій атаманъ въ кругъ идетъ.
Онъ идетъ атаманъ не шелохнется,
Кудри черныя его развѣваются.
Подошелъ онъ къ кругу ко стрѣлецкому,
Онъ снялъ шапку и поклонъ отдалъ,
Онъ поклонъ отдалъ, рѣчь возговорилъ:
—«Да и кто же изъ васъ къ Царю пойдетъ?
Что съ повинною пойдетъ, онъ съ покорною?
Ужъ я самъ не самъ ко Царю пойду

И съ повинною и съ покорною;
Я скажу ему самому Царю:
—«Не вели ты насъ, православный Царь,
Во тюрьму сажать, казнить-вѣшать,
А вели ты мнѣ слово молвити,
Прикажи ты намъ любой городъ взять
Безъ свинцу твово́, безъ пороху!»

* * *

Какъ по матушкѣ по Волгѣ
Легка лодочка плыветъ;
Какъ во лодочкѣ гребцовъ
Ровно тридцать молодцовъ.
Посередь лодки сидитъ
Стенька, Разина онъ сынъ.
Какъ возговорилъ Стенька
Ко товарищамъ своимъ:
—«Ужъ и что-то мнѣ, братцы,
Все тошнымъ-то мнѣ тошно?
Мнѣ сегодняшній денечекъ
Да грустнешенько?
Какъ и знать-то мой сынокъ
Во неволюшку попалъ.
Ужъ я въ Астрахань зайду,
Выжгу выpублю,
Астраханскаго воеводу
Я подъ судъ его возьму!»

* * *

Еще ужъ куда ты нашъ Салтыкъ-князь,
Куда еще князь убираешься?
Черезъ рѣчушку Кубанушку

Ты князюшекъ перправляешься?
Переправясь Кубань рѣчушку,
Ты тамъ становишься,
Занимать себѣ лагерь на двѣнадцать верстъ,
Со пикетами, со разъѣздами ровно на 20.
Вотъ не грозная она туча грозная,
Она грозная туча подымалася,
Подымалися въ горахъ собаки
Темергойцы-шельмы съ Бессемейцами.

* * *

Не во матушкѣ было во Россіюшкѣ,
Во Россіюшкѣ было въ каменной Москвѣ.
Ни стрѣльцы то бойцы собиралися,
Они думали крѣпкую думушку съ атаманушкой:
—«Ничего то вы, братцы, не знаете,
Ничего то вы не вѣдаете!
Православный Царь на насъ распрогнѣвался,
Онъ хотитъ черезъ пять—десять кнутомъ пройти,
А меня есаулушку во кострѣ сжечь!»
Есаулушка зашелъ во казачій кругъ,
На немъ кафтанчикъ на распашечку,
Шапку плицеву держитъ во подмышечкѣ.
Онъ вошелъ во кругъ, низко кланялся,
Со младыми со бойцами онъ прощался;
И простившись съ ними, онъ покинулъ градъ,
Градъ великій Москву каменну;
Убѣжалъ то онъ на быстрой Терекъ,
На Терекъ рѣку во Червленный градъ,
Ко казаченькамъ Гребенскіимъ.

* * *

* * *

Еще какъ бы намъ ребята пройти?
Астраханское славное царство пройдемъ со вечера,
Саратовску губерню *) по бѣлой зарѣ;
Мы Самарѣ городочку не поклонимся,
Въ Жегулевскихъ горахъ мы остановимся,
Вотъ чалочки причалимъ все шелковыя,
Вотъ мы сходоньки положимъ все кедровыя,
Атаманушку сведемъ двое подъ руки,
Есаулушка ужъ онъ и самъ сойдетъ.
Тутъ возговорилъ нашъ батюшка атаманушка:
—«Еще какъ бы намъ, ребята, Казань городъ взять?»

* * *

Вы туманы, мои туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вамъ туманушки съ синя моря долой,
Не отстать кручинѣ отъ ретиваго сердца прочь.
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей, чистъ-крупенъ дождикъ,
Ты размой, размой, землянную тюрьму,
Чтобъ тюремщики, братцы, разбѣжалися,
Во темномъ бы лѣсу собиралися.
Во дубровушкѣ во зеленой тутъ ночевали добрые молодцы:
Подъ березонькой они становилися,
На восходъ **) Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:

---

*) *Саратовску губерню*—анахронизмъ. Подобныя выраженія часто встрѣчаются въ сборникѣ.

**) На востокъ.

—«Ты взойди, взойди, красное солнышко,
Надъ горой взойди, надъ высокою,
Надъ дубровушкой, надъ зеленою,
Надъ пристанищемъ добра молодца,
Что Степана-свѣтъ Тимофѣевича,
По прозванію Стеньки Разина!
Ты взойди, взойди, красно солнышко!
Обогрѣй ты насъ людей бѣдныихъ,
Добрыхъ молодцевъ, людей бѣглыихъ!
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы охотнички,
Есауловы все помощнички,
Мы весломъ махнемъ, корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ, корабль собьемъ,
Мы рукой махнемъ, дѣвицу возьмемъ!»

***

Еще ты взойди-ка, взойди, красное солнышко!
Взойди надъ горою, взойди надъ высокою,
Взойди надъ ущельями, взойди надъ глубокими,
Взойди надъ лѣсами, взойди надъ дремучими,
Взойди надъ долинами, взойди надъ зелеными,
Взойди надъ родимою, взойди надъ сторонушкой.
Сторона-ли моя сторонушка, сторона незнамая,
Незнамая сторона, сторона невеселая!
Ужъ я не самъ то не самъ добрый молодецъ
Ужъ я не самъ зашелъ-заѣхалъ:
Занесла то меня нужда крайняя,
Она службица государева.

***

* * *

Какъ ни по морю было по моречку,
Было по морю только синему,
По синему было, по Хвалынскому.
Тамъ плыли восплывали 30 они кораблей.
Одинъ изъ корабликовъ—Черменъ корабъ *)
Напредъ то все онъ бѣжитъ, какъ соколъ ясный летитъ.
Какъ хоботъ—корму держитъ по змѣиному,
А самъ глядитъ то онъ по звѣриному.
Хорошо корабъ изукрашенъ:
Бѣлымъ серебромъ корабль изукованъ,
Желтымъ золотомъ корабль изусѣченъ,
Бѣлымъ жемчугомъ корабль изувѣшанъ.
На корабликѣ бесѣдушка она вновь построена.
Какъ во ней то сидятъ люди вольные,
Люди вольные сидѣли они торговые,
То армяне сидѣли съ казилбашами,
Съ казилбашами, съ татарами невѣрными.
Они въ шашечки играли туалторовыя,
Ни о ста рубляхъ играли, ни о тысячѣ,
О своихъ головушкахъ буйныхъ играли они.
Что ни грозная туча подымалась,
Потопляла она корабли торговые.

* * *

Какъ ни по морю было по морюшку,
Было морю синему;
Какъ по синему было по морюшку
Было по Хвалынскому.

*) Въ этомъ мѣстѣ для склада пѣсни я пишу не измѣняя слова.

Тутъ бѣжали они возбѣгали
Ровно тридцать они кораблей.
Какъ одинъ то изъ нихъ Червонъ корабль
Напередъ рѣзво бѣжитъ;
Напередъ бѣжитъ этотъ Червонъ корабль,
Какъ соколъ ясный летитъ;
Ужъ онъ хоботомъ бьетъ этотъ Червонъ корабль,
Ровно по звѣриному;
Носъ-атъ держитъ этотъ Червонъ корабль
Держитъ по змѣиному.
Хорошо этотъ Червонъ корабль изукрашенъ:
Златомъ, серебромъ Червонъ корабль изукованъ,
Мелкимъ земчугомъ *) этотъ Червонъ корабль
Да онъ изувѣшанъ.
Хорошо на немъ только бесѣдушка,
На немъ она построена;
Какъ во той было во бесѣдѣ —
Сидятъ люди они вольные;
Люди вольные сидятъ, братцы,
Толичко **) они купцы торговые:
Вотъ армяне, вотъ дворяне,
Сидятъ они съ казилбашами;
Что ни вдругъ то бѣда сучинилася ***) —
Съ горъ погодушка полуденная.
Она чуть потягивала;
Легки мачушки ****) ломала,
Тонкіе парусы она рвала.
Заносила она Червонъ корабль

*) Жемчугомъ.
**) Только.
***) Случилася.
****) Мачты.

Во иную его землю;
Во иную землю вотъ Червонъ корабль
Во дѣвичье его царство;
Во томъ царствѣ нѣтъ ни царя, ни короля —
Тамъ царюетъ, королюетъ, красна дѣвица.

*
* *

Что не выше то было города Саратова,
Чуть пониже было города Камышина.....
Тамъ текла протекала Камышушка рѣка,
За собой рѣчушка вела красненькія берега,
Все по нимъ то зеленые луга.
Что *на* устьицемъ вливались въ Волгу рѣчушку.
Не по славной было Камышушкѣ рѣкѣ,
Тамъ плыли то восплывали нарядные струги,
Что на тѣхъ ли на стружочкахъ удалые молодцы,
Удалые молодцы, Гребенскіе казаки.
На нихъ шапочки бобровы, верхи бархатные,
На нихъ бѣлые чулочки, сафьяновы сапожки,
На нихъ штаники червленны, ровно градъ
Червленный ихъ.....
На нихъ тонкія рубахи съ золотымъ галуномъ.
Они ѣдутъ, воспѣваютъ,
Рѣку Терекъ вспоминаютъ!
Когда бъ если не батюшка Разинъ,
Давно-бъ гуливали-бы на рѣкѣ,
На славной быстрой Гребенской.

*
* *

Ни во матушкѣ было во Россіюшкѣ,
Ни въ Россіюшкѣ было, въ землѣ Крымской.

Какъ по край было моря синяго,
Что на устьѣ было Дона тихаго,
На крутомъ красномъ берегу,
На желтыхъ разсыпныхъ пескахъ,
Тамъ стоитъ городъ крѣпкій Азовъ,
Со стѣной бѣлокаменной стоитъ,
Съ земляными раскатами, рвами глубокими,
Со башнями высокими, караульными.
Среди Азова города стоитъ темница темная,
Что злодѣйка — земленая тюрьма.
Что во той-ли во темной темницѣ
Засаженъ сидитъ Донской казакъ,
Донской казакъ Степанъ Тимофѣевичъ.
Случилось царю мимо темницы ѣхати,
Самому царю, Салтану Салтановичу.
И кричитъ Донской казакъ Степанъ Тимофѣевичъ:
— «Эй, ты, гой еси, турецкій царь, Салтанъ Салтановичъ,
Прикажи ты меня поить-кормить,
Либо казнить, либо на́ волю выпустить!»
Постоялъ турецкій царь Салтанъ Салтановичъ:
— «Эй, вы мурзы, улановья, да вы сгаркайте изъ темницы
Что того ли тюремнаго старосту!»
Мурзы, улановья метались черезъ головы,
Привели его улановья старосту тюремнаго;
Ужъ и сталъ турецкій царь у старосты выспрашивати:
— «Еще что это за человѣкъ сидитъ?»....
— «Эй, ты, гой еси, турецкій царь,
Что сидитъ то у насъ *на* Донской казакъ,
Что Донской казакъ Степанъ Тимофѣевичъ!»
И приказалъ скоро турецкій царь:

—«Эй вы, мурзы, улановья!
Вы ведите Донскаго казака къ палатамъ моимъ!»
Еще втупоры *) турецкій царь накормилъ-напоилъ
Добра молодца, Степана Тимофѣевича;
И тошнымъ тошо́ сталъ его спрашивати:
—«Ой, ты, гой еси, ты Донской казакъ!...
Еще какъ ты къ намъ въ Азовъ попалъ?»
Разсказалъ ему *на* Донской казакъ:
—«Да я посланъ изъ каменной Москвы,
Ко тебѣ царю во Азовъ городъ!
Ужъ я посланъ былъ посломъ скорыимъ,
И гостинцы тебѣ дорогіе везъ!
На заставахъ твоихъ меня всего ограбили
Мурзы, улановья, а моихъ товарищей —
Добрыхъ молодцевъ разсадили по темнымъ темницамъ».
Еще втупоры турецкій царь приказалъ мурзамъ улановьямъ
Собрать добрыхъ молодцевъ, Стеньки Разина товарищей;
Отпущаетъ добрыхъ молодцевъ, Стеньку Разина въ каменну Москву,
Снарядилъ добра молодца Степана Тимофѣевича,
Наградилъ златомъ, серебромъ, еще питьями заморскими.
Отлучился Донской казакъ отъ Азова города,
Загулялся Донской казакъ по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
Не явился онъ въ каменну Москву.

* * *

Что ни время то было ясному соколику.....
Онъ леталъ соколъ по подъ небесью;

*) Старинное, особенно любимое Гребенцами, выраженіе — *въ то время*.

Ужъ онъ билъ побивалъ гусей, лебедей,
На больше того мелку пташечку.....
Бывалоча мелкой пташкѣ пролету не было,
А нонче мнѣ ясну соколу время нѣту,
Сижу я яснóй соколъ во пойманѣ,
Что во той ли золотой клѣткѣ,
Во клѣткѣ, на жестяной на шесточкѣ;
У соколика ножки спутаны,
На ноженькахъ путочки шелковыя.
Что ни время то было добру молодцу,
Я ходилъ то гулялъ по синю морю Хвалынскому;
Ужъ билъ разбивалъ суда-корабли,
Что татарскіе билъ, я персидскіе,
Еще билъ побивалъ струги легкіе.....
Что не было проходу легкимъ лодочкамъ,
А теперь мнѣ добру молодцу воли нѣту.....
Я сижу младецъ въ неволюшкѣ,
Во злодѣюшкѣ сижу въ земляной тюрьмѣ.....
У добра молодца ноги спутаны.....
Ни по волѣ царской сижу младецъ,
По младеческому несмышленію;
Положу я младецъ, Тимофѣевичъ сынъ,
На плаху свою буйну голову.

*
* *

На зарѣ было на зоринькѣ,
На зарѣ было на утренней,
На восходѣ солнца краснаго,
Все денечка его прекраснаго;
Выкаталось солнце высоко,
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садика зеленаго.

Во турецкой дальней области,
За султанскими воротами,
Тамъ стояла она темна темница.
Во темницѣ двери мѣдныя,
Все запорочки желѣзныя,
Замочки все полтора пуда,
А ключи въ тридцать шесть фунтовъ.
Въ той темницѣ за рѣшеткою
Тамъ сидѣлъ добрый молодецъ,
Все Ермакъ ли онъ Тимофѣевичъ.
Онъ сидѣлъ то тамъ ни годъ, ни два,
Просидѣлъ онъ тамъ тридцать три года;
Запустилъ онъ свою бородушку ниже пояса шелковаго,
Русы кудри свои по могучимъ плечамъ:
—«Ты Султанъ-ли паша, Султанушка,
Ты Султанское величество!
Ты пой меня, корми меня,
Ты позволь меня на волю выпустить!
Напишу я на Донъ грамату,
Собиру то я всѣхъ казаченьковъ,
Ужъ я Турцію всю повырублю,
А тебя, Султанъ, во полонъ возьму!»

* * *

Ни у моря было синяго, неугасимаго,
Что у пристаньица корабельнаго,
То ни кони ли стоятъ они переузданы,
Переузданы кони стоятъ, пересѣдланы.
Нашъ Алексѣюшка Царь на войну пошелъ,
Воевать пошелъ, города разбивать.
Вотъ за нимъ бѣжатъ изъ Москвы стрѣльцы,

Что и тѣ ли молодцы, они храбрые бойцы:
—«Воротись назадъ, Царь, жена дочь родила!»
--«Не для дочери я вернусь домой—
Дочь не скорóй мнѣ посолъ,
Я для сына домой возвернусь—
Онъ посолъ мнѣ скорóй—перемѣнушка!»

* * *

Помутился славный тихій Донъ
Ота Черкасска до Чернóго моря.
Помѣшался нашъ казачій кругъ:
—«Атаманушки больше нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана у насъ Тимофѣевича,
По прозванію Стеньки Разина!
Поймали добра молодца,
Связали ему руки бѣлыя,
Повезли его въ каменну Москву,
А на славной Красной площади
Отрубили ему буйну голову!»

* * *

Ни со вечера у насъ у казаченьковъ приказъ изданъ былъ,
Чтобъ были у насъ у казаченьковъ ружья чистыя,
Чтобъ были у насъ у казаченьковъ кремни новые,
Чтобы были у насъ у казаченьковъ шашки вострыя,
Чтобы были у насъ у казаченьковъ кони сѣдланы:
Поутру то намъ бравымъ казаченькамъ
Во походъ рано итти.
Вдругъ несчастьице въ нашей армеюшкѣ,
Бѣда у насъ солучилася:
Убивали у насъ, въ нашей армеюшкѣ
Молодого его хорунжаго,

Попадали его добра молодца во бѣлыя груди,
Собивали добра молодца съ сѣдельца черкесскаго.

* * *

Ни со вечеру у насъ у казаченьковъ
Есаулъ Донской рано кличъ закликалъ:
Поутру то рано у насъ у казаченьковъ
Будетъ воспавальный кругъ.
Среди круга среди казачьяго указъ прочитали;
Доставалось моему дружку милому
Во дальнюю ему службицу;
Что во дальнюю службицу
Во Прусскую ему землю.
Ни со вечера добрый молодецъ
Самъ коня онъ хватаетъ,
Со полуночи коня своего сѣдлаетъ,
Ко бѣлой зарѣ добрый молодецъ
Со двора своего съѣзжаетъ,
Что никто то его добра молодца
Никто то его не проводитъ. (9)

* * *

По славному Дону тихому
Изволилъ нашъ Долгорукій князь гулять;
Повстрѣчали Долгорукаго князя
Со тихо́го Дона его казаки;
Подхватили князя Долгорукаго
Подъ бѣлы руки его, подъ пышныя,
Повели Долгорукаго князя во станичную избу,
Посадили его князя на «*большое мѣсто*», подъ образа,
Стали князя Долгорукаго крѣпко спрашивати:

—«Ты скажи, скажи, нашъ Долгорукій князь,
Скажи ты намъ всію правдицу:
Еще сколько на тихо́мъ Дону славныхъ казаковъ?»
Тутъ возговорилъ Долгорукій князь:
—«На всякаго казака по десять струговъ,
А на князя меня еще *на* одинъ десяточекъ!»

*
* *

Во крыму было, во славномъ было городѣ,
На широкой то было на ровной площади;
Тамъ пристроена злодѣюшкой тюрьма темная,
Что безъ оконъ, безъ дверей, тюрьма безъ дверюшекъ,
Что была то тюрьма съ одной дымной трубой.
Во тюрьмѣ то сидѣлъ тридцать три года;
Съ быстра Терека сидѣлъ Гребенской казакъ;
Довелось то Царю мимо тюрьмы ѣхать,
Довелось молодцу въ щелку глянуть ему:
—«Ужъ ты, батюшка, нашъ православный Царь,
Ты Алексѣй ли Михайловичъ!
Про тебя лежитъ на Гребнѣ у насъ
Слава добрая, Михайлычъ, рѣчь хорошая!
Ты спроси скорѣй Султанское величество,
Когда пуститъ онъ меня на волюшку?»

*
* *

Не изъ славненькаго было изъ Московскаго,
Изъ славнаго было городочка.....
Генералушки они толичко ко фельдмаршалу
Ранешенько они соѣзжалися;
Они думали вотъ крѣпкую думушку,
Они думали ее только заединую:
—«Во которую во сторонушку мы на ударъ пойдемъ?

Мы ударимся во Прутскую землю.
Ни Прутской король по своей армеюшкѣ,
Король ѣздитъ-разъѣзжаетъ,
Еще онъ господушекъ своихъ собираетъ:
—Господа-ли вы мои, господушки,
Думчатые мои сенаторушки!»

* * *

Не косицами сине море взволновалося,
Ни два сокола они изъ дубровушки,
Два соколика они вылетали.
Какъ два кораблички изъ Царя-града,
Изъ Царя-града кораблики выплывали.
На корабликахъ сидятъ мазурушки,
Вотъ мазурушки прихрабрые злые турки.
Покрашенными веселочками они загребаютъ,
Позлащенными рулечками управляютъ.
На носу то корабля тамъ стояло знамечко,
Стояло знамя оно распущенное.
На кормѣ то сидитъ нашъ батюшка,
Да онъ стрѣлецкій атаманъ.
Ужъ рѣчь то онъ говоритъ,
Ровно какъ въ трубу трубитъ,
Во трубу трубитъ, трубу золоченую.

* * *

Еще *на* два сокола они изъ дубровушки,
Соколики они вылетали;
Еще изъ Черно́го-то изъ моря
Кораблики выплывали;
Изъ Царя-града два молодца выѣзжали.

На корабликахъ сидятъ два мазурушка,
Мазурушки злые турушки.
Покрашенными своими веселочками
Кораблики погребаютъ;
Позлаченными своими рулечками
Кораблики управляютъ.
На корабликахъ стоятъ два знаменушка,
Знаменушки распущенныя.
Не косицами вотъ эти знаменушки
Сине море покрываютъ;
Подъ знаменушками стояли тамъ стулечки,
Стулечки они дубовые;
Два стулика точеные, два злаченые.
Во стулу сидѣлъ самъ паша турецкій Султанъ.
Предъ нимъ-то ли стоятъ два писаря молодые;
Во рукахъ то держутъ по перышку по орлиному,
Что по орлиному перышку, лебединому.
Они ждутъ не дождутся повелѣнія государева. (✫✫)

* * *

Изъ горъ высокихъ, изъ ущелій глубокихъ
Ни бѣлая заря она занималася,
Ни красное солнышко выкаталося
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше лѣсу Бѣломчевскаго.
Выходила наша армеюшка Царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго Петра Перваго.
Напередъ то идетъ князь Мансуровъ *).
Подъ нимъ душечка, душа добрый конь,
Ужъ онъ ровно лютый звѣрь;

*) Въ Кубанской области, около станицы Отрадной, есть аулъ потомковъ этого князя.

А уборъ то приборъ на немъ, ровно жаръ горитъ,
На немъ шапочка-кабардиночка
Какъ на немъ сидитъ, ровно звѣздочка;
Наголо́ онъ несетъ саблю острую.
Какъ и шла наша армеюшка съ утра день,
Что со утра день до самаго вечера.
Подходила наша армеюшка къ силѣ вражьей,
Къ силѣ вражьей мусульманской,
Къ Темергойцамъ — собакамъ Бессемейцамъ.

* * *

Что сидитъ король на крутой горѣ.....
Сидючи то крѣпко призадумалось:
— «Ты кому, кому славный Берлинъ градъ достанешься?
Мнѣ не жаль то не жаль града Берлина.
Только жалко во градѣ три палатушки:
Что во перво́й палатушкѣ мой родимый батюшка,
А въ другой палатушкѣ родимая матушка,
А во третьей палатушкѣ — молодая жена,
Молодая жена съ малыми дѣтушками!»
Доставался Берлинъ градъ Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому — Петру Первому.

* * *

Не дале́че было, было да́лече,
Во чистомъ полѣ было.
Тамъ ходилъ то гулялъ *на* младой охотничекъ,
На младо́й гулешенекъ.
Захватили младца его жары жаркія,
Жары жаркія молодца, Петровскія.
Захватили младца дождички сильные,
Дожди сильные молодца, Покровскіе.

Захватили молодца морозушки лютые,
Снѣгушки глубокіе Рождественскіе,
Что морозушки лютые Крещенскіе.
Призамокъ то младецъ да онъ призаинеелъ,
Что *на* больше того младецъ приморозился.
Какъ ходилъ младецъ ко городу Муру.
Онъ кричалъ то своимъ громкимъ голосомъ —
Младецъ не докликался;
Часовые то спятъ все не проснутся;
Ужъ онъ свистомъ свистѣлъ — не досвистался,
А ретивымъ сердцемъ вздохнулъ—услыхала красная дѣвица,
Княжеская прежняя полюбовница;
Она будила побуживала своихъ нянюшекъ:
-- «Вы вставайте мои нянюшки, вставайте, мамушки,
Вы вставайте-ка мои слуги вѣрные,
Принимайте дружка мово́ за бѣлы руки,
Вы сажайте-ка его за бранный столъ;
Ты свѣти заря передъ мѣсяцемъ!»
Стояла красная дѣвица передъ молодцемъ,
Во правой то рукѣ она держитъ вина склянницу,
Во лѣвой то держитъ золотую чару;
Наливала она зеленого вина,
Подносила его дружку милому:
— «Выпей-ка, выпей-ка, дружочекъ мой милый,
Выкушай, ты моя зазнобушка!
Когда то когда меня замужъ возьмешь?
Когда мы съ тобой совѣнчаемся»?
— «Я тогда тебя замужъ возьму,
Когда выхожу поле чистое,
Когда выѣзжу лѣсушки дремучіе,
Тогда съ тобой совѣнчаемся!»

***

* * *

Не да́лече было вотъ было да́лече,
Было во чисто́мъ полѣ.
Тамъ пролегивала не широкая
Новая она дороженька.
Не широкая она новая дороженька,
Только чуть пробойная.
Никто то никто по этой дороженькѣ,
Никто по ней не проѣзживалъ.
Какъ проѣзживалъ по ней по этой дороженькѣ
Удалъ добрый молодецъ.
Что лошадушка подъ нимъ, подъ добрымъ молодцемъ,
Лошадушка подъ нимъ худымъ худа;
Что худымъ то худа подъ добрымъ молодцемъ,
Крѣпко она приморенная, она притомленая.
Захватила то младца темная ноченька,
Темная она полуночная;
Подъѣзжаетъ младецъ ко горькому кустику,
Ко горькому ему полыночку:
—«Богъ помощь тебѣ, горькій кустичекъ,
Ты горькій-ли мой полыночекъ!
Еще ты позволь-ка, позволь, горькій кустикъ,
Позволь ночку ночевати!»
—«Ты ночуй-переночуй, добрый молодецъ,
Ночуй ночку — не убойся!
На меня-то на меня, на горькаго кустичка,
На меня ты не надѣйся!
Какъ постелюшка тебѣ ковыль-травушка,
Изголовьице тебѣ — бѣлъ горючъ камень,
Одѣяльице тебѣ — темная ноченька,
Часовые тебѣ — *на* частыя звѣздочки,

Атаманушка тебѣ — свѣтелъ мѣсяцъ,
Путь-дороженька тебѣ — красное солнышко!»

* * *

Года было тысяча семьсотъ пятаго *),
Во тѣхъ числахъ іюня двадцать пятыихъ.....
Хвалился собака король Шведскій,
Хвалился онъ похвалялся,
Со многою силой собирался,
Хотѣлъ онъ двинуться въ Россію,
Подъ славный городъ подъ Платовъ.
Подкупалъ онъ себѣ русскаго Мазепу;
Русскій Мазепа ему не попрочилъ:
Повелъ его ни путемъ, ни дорогой,
Повелъ его топями да водами,
Морскимъ флотомъ, быстрыми рѣками.
Подходятъ они ко рѣчушкѣ ко Морзѣ,
Стали рѣчку Морзу перправлятися;
Переправившись, становилися;
Шанцы-батареи повытаскивали.
Секреты, бикеты **) въ полѣ ставили.
Что не далече было далече,
Тамъ пролегивала новая дороженька;
Какъ никто-то по ней не хаживалъ,
Никто по широкой не проѣзживалъ;
Только шелъ по ней бояринъ большой,
Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ;
Онъ и шелъ-то съ полками Московскими.
Какъ поймали то они *на* Шведскаго маіора,
Поймавши, его шельму связали;

---

*) Исторически не вѣрно—1709.
**) Пикеты.

Да связавши то его, они все спросили:
—«Ты скажи, маіоръ, всію правдицу,
Ты скажи, маіоръ, не утойся,
Много-ль у васъ во корпусѣ силушки?»
—«Во корпусѣ силушки четыре тысячи,
А во городѣ Платовѣ смѣты нѣту-ка!»

*
* *

Какъ не на морѣ было на морюшкѣ,
На морѣ было на синемъ.
Не бѣлой то лебедь по синю морю восплавывалъ,
Во темно́мъ то лѣсу самъ черно́й воронъ воскаркнулъ,
Въ зеленомъ то саду горькая кукушечка
Жалобнешенько она кукуетъ;
Не во теремѣ было—родимая маменька,
Мать по сыну слезно плакала:
—«Ой, да ты, дитя мое, мое дитятко,
Чадушко ты мое милое!
Почему же ты дитя, мое дитятко,
Почему ты рано состарилось?»
—«Какъ состарила меня, родимая маменька,
Молодая жена;
Состарили меня малыя дѣтушки,
Состарила меня служба царская,
Состарили меня частые походушки,
Все рѣдкія перемѣнушки!»

*
* *

Разбезсчастненькій служилъ король Прусскій;
На ворономъ конѣ король разъѣзжаетъ,
Ничегохонько про свою армеюшку, ничего король не вѣдаетъ:
Какъ разбили его славную армеюшку французы;

Во полонъ то взяли *на* славную его армеюшку;
Еще двухъ взяли думчатыхъ сенаторушекъ.
Ужъ повѣсилъ то король свою буйную головушку,
Все на правую ее на сторонушку;
Онъ потупилъ, король, свои очи ясные
Во матушку, король, во сырую землю.
Ужъ сталъ просить король Француза:
—«Вы дайте подайте мнѣ думчатыхъ сенаторушекъ.
На третьяго выдайте племянничка!»

* * *

Не зá моремъ было за морюшкомъ.
За моремъ было за Чернымъ,
Во славномъ было во городѣ,
Было во Царѣ-градѣ.....
Построенна тамъ новая высокая,
Новая она батареюшка;
На батареюшкѣ стоитъ вотъ черное знамечко,
Черное знамя оно турецкое;
Подъ знамечкомъ стоитъ раскрашеный стулъ.
На стулу сидитъ самъ паша турецкій Султанъ.
Передъ нимъ то стоитъ, стоитъ завоеваный
Что младой Гребенской казакъ;
Онъ не такъ-то стоитъ, самъ слезно плачетъ,
И просится онъ на родную свою сторонушку,
Во матушку во Россіюшку, на Терекъ Горыньевичъ.

* * *

Изъ горъ высокихъ не черныя тучи
Онѣ изъ горъ то подымались;
Не грозные громы изъ тучъ пріударили.
Князь Воронцовъ по своей армеюшкѣ разъѣзжаетъ,

Своихъ казаченьковъ князь увѣщеваетъ:
—«Казаки мои, казаченьки! Послужите вы, мои казаченьки,
Послужите вы Царю Бѣлому, Петру Первому,
Вы поймайте-ка того князя турецкаго,
Вы вяжите, свяжите ему руки бѣлыя,
Вы закуйте ему ноги рѣзвыя,
Приведите его къ Царю Бѣлому, Петру Первому.

* * *

Не за славною было за рѣчушкой, было за Ефратъ рѣкой,
На широкой то было на широкой площади,
Собиралися, соѣзжалися Гребенскіе славные казаки;
Они билися рубилися съ турками храбрыми.
Они билися рубилися день съ утра они до вечера,
Что осеннюю темную ноченьку ее до бѣлой зари.
Солучилось *) въ нашей армеюшкѣ, солучилось несчастье—
Убивали въ нашей армеюшкѣ двухъ лучшихъ нашихъ генералушекъ,
Какъ и третьяго убили въ нашей армеюшкѣ
Молодого-душу его хорунжаго.
Попадали его молодого хорунжаго прямо въ ретивое сердце,
Что его то добраго коня, черногриваго,
Его насквозь прострѣлили.
Его душечка-душа добрый конь
Бѣжалъ конь да онъ по армеюшкѣ.
Что у добра то коня кровь горючая
Она бѣжала все по копыточкамъ.

* * *

*) Солучилось — случилось.

*
* *

Во Крыму то было, было во Туречинѣ,
Во Стамбулѣ было во славномъ городѣ,
На широкой было на ровной площади,
Тамъ построена злодѣюшкой темна темница;
Безъ дверей тюрьма безъ окошекъ она,
Съ одной трубой дымчатой.
Засаженъ то въ тюрьмѣ разудалый добрый молодецъ,
Съ быстраго Терека Гребенской казакъ;
Онъ сидитъ то сидитъ ровно тридцать лѣтъ.
Случилось то Царю мимо тюрьмы ѣхати,
Удалось то младцу въ окно выглянуть:
—«Ой, ты батюшка, нашъ православный Царь!
Хочешь поить-кормить, батюшка,
Пой-корми меня;
А не хочешь поить-кормить,
Выпусти меня на волюшку,
Во матушку во Россіюшку,
На родимую мою сторонушку,
На Терекъ меня на Горыньевичъ!» *).

*
* *

Ужъ вы вѣтры, вѣтерочки, вы не дуйте, не бушуйте,
Сине море да вы не колышьте!
Сине море колышливо, бѣла рыбица роблива,
Красная дѣвица она тосклива.
Что за горе, что за скука —
Со милымъ дружкомъ разлука;

---

*) Въ предлагаемомъ сборникѣ помѣщено нѣсколько пѣсенъ, подобныхъ этой. Но онѣ далеко ни однѣ и тѣ-же. Мотивы у нихъ разные и въ различныхъ Гребенскихъ станицахъ поются онѣ различно.

Разлучаетъ насъ неволя — Петербургская сторона,
Московская она не широкая.

*
* *

Не ясенъ-то соколъ, высоко соколъ летаетъ,
То Прутской король по своей армеюшкѣ,
Король ѣздитъ разъѣзжаетъ.
Господушекъ своихъ король собираетъ:
— «Господа-ли вы, мои господушки!
Ничегохонько то вы, мои господушки,
Ничего то вы не знаете!
Какъ у насъ будетъ завтра большой праздничекъ,
Батюшка у насъ Петровъ день!
Всѣ наши царскія знаменушки
Будутъ они распущенны,
Всѣ духанушки наши будутъ растворены,
Всѣ наши казаченьки будутъ напоены,
Будутъ они домой распущены!»

*
* *

Не во пору порошица выпадала,
Ко бѣлой зарѣ порошица пропадала.
Не ржавчина это булатьеце выѣдала,
Не кручинушка-горе добраго молодца сокрушала;
Что сушитъ-то крушитъ добра молодца печаль-горе,
Что печаль-горе молодца, худа славушка;
Со худой-то славушки добрый молодецъ пропадаю *).

*
* *

Во святой-ли во Руси, въ кременной Москвѣ,
На часахъ-ли онъ стоялъ Гребенской казакъ;

---

*) Эта, едва-ли не самая старая, пѣсня, поется только въ Старогладковской станицѣ.

Крѣпко призадумался да онъ призаплакался.
Во правой его рукѣ — шашка острая,
Во лѣвой во рукѣ — строево ружье.
Какъ ударилъ то онъ ударилъ мать-сыру землю:
— «Разступись, разступись, матушка сыра земля,
Расколись да ты раздайся гробова доска,
Ужъ ты встань, подымись,
Родна матушка, наша Катеринушка,
У насъ то безъ тебя жить похужило; —
Всѣ казачьи полки на сраженье пошли,
Одинъ то полкъ караулъ занялъ.
Царя Бѣлаго полкъ, Петра Перваго». (10).

* * *

Кто-бы, братцы, намъ сказалъ про батюшку тихій Донъ,
Про Игнатушку, шельму измѣнщика? *).
На часахъ то онъ стоялъ, сдѣлалъ шельма измѣнушку:
Онъ укралъ то унесъ у Царя знамя бѣлое,
Онъ залѣзъ взобрался на вышку высокую,
Собралъ себѣ казачковъ со всѣхъ малыхъ лѣточекъ,
Перевозилъ переправлялся черезъ тихій Донъ.
На крутомъ бережочкѣ становились всѣ вокругъ него.
Наливалъ то онъ наливалъ своего вина лютаго,
Подносилъ то его всѣмъ своимъ казаченькамъ,
И повелъ то онъ ихъ на славну рѣку Дунай.

* * *

Не подъ славнымъ было подъ городомъ,
Подъ городомъ было подъ Винтеромъ.....
Собиралися соѣзжалися Гребенскіе казаки.

---

*) Игнатушка — Некрасовъ.

Они билися рубилися съ утра день до вечера,
Не осеннюю ее темную ноченьку до бѣлой зари.
Какъ у насъ то, въ нашей армеюшкѣ
Случилось оно несчастье:
Убили въ нашей армеюшкѣ младого урядника,
Попадали то его въ бѣлую грудь,
Добраго коня удалого молодца въ черну гриву.
Бѣжитъ то бѣжитъ она лошадушка по армеюшкѣ,
Что и кровь-то бѣжитъ у этой лошадушки,
Бѣжитъ она по копыточкамъ.

* * *

Не сизые орлы ко ясному соколу солеталися,
Узденя-то князья ко Мисостову сыну соѣзжалися.
Выѣзжали то они узденя-князья на высокій курганъ,
Свои шапочки-кабардиночки всѣ долой поскидывали.
Какъ садились то мои узденя-князья на черныя стулья—юхтовыя;
Надѣвали узденя-князья панцыри трехколечные,
Съ налокотниками позлащенными.
Они думали думу крѣпкую ее заединую:
Во которую во сторонушку на ударъ пойдемъ?
Какъ пойдемъ-ка мы, братцы, узденя-князья
Подъ Бѣлъ-городъ мы!
Какъ пойдемъ то и возьмемъ, узденя-князья,
Силу Марьевскую,
Возьмемъ-то ее, братцы, безъ свинцу, безъ пороху,
Безъ пушекъ безъ мартелушекъ;
Командирушекъ, бомбардирушекъ мы всѣхъ повырубимъ,
А пушечки-мартелушки *) во полонъ возьмемъ. (11).

* * *

*) Пушечки-мартелушки — мартиры.

*
* *

Не подъ городомъ было подъ Орѣховымъ,
Что не на морѣ было на синемъ морѣ,
Нагружалися тамъ три кораблика —
Они фуражемъ, сѣномъ, овсомъ, порохомъ.
Они день стоятъ и другой стоятъ,
Дожидаются себѣ повелѣньица государева.
Не дождавшися повелѣньица, во походъ пошли.

*
* *

Какъ по морю морю синему
Взволновалися, всколыхнулися
Во берегахъ крутыхъ волны быстрыя.
По волнамъ плыветъ, какъ стрѣла летитъ,
Золотой корабль съ бѣлымъ парусомъ.
На кормѣ то сидитъ, въ даль туманну глядитъ,
Призадумался добрый молодецъ;
Правя лодкою, говоритъ—говоритъ-рѣчитъ:
—«Понесите вы, волны бурныя
Мой корабль-лодку къ сторонѣ родной,
Къ отцу, матери родной, молодой женѣ!»
Вотъ пріѣхалъ онъ въ сторону родну,
И на радости они обнималися,
Обнималися, цѣловалися.
—«И зачѣмъ же ты по морю гулялъ,
Что кручина-тоска тебя носитъ тамъ?»
—«Я не самъ пошелъ и не самъ полетѣлъ,
Погнала то меня царска службица,
Что царя то службица Петра Третьяго».

*
* *

*
* *

Ты собака, ты собака, новый царевъ кабакъ!
Ты кружалище мое кружалище, ново государево!
Изводился добрый молодецъ ходить во царевъ кабакъ;
Онъ пропилъ-промоталъ все свое житье-бытье,
И еще болѣе того — богачество.
Какъ отецъ-то съ матерью отъ него отступился,
И родъ и племень отъ него отклонилися,
Друзья, братья, товарищи всѣ отказалися,
Не отказалась отъ него отъ добраго молодца
Одна молодая его жена.
Какъ взяла она взяла свое малое дитятко,
Взяла то его за правую руку;
Повела его дитятко во царевъ кабакъ;
Закладывала его, малое дитятко за 500 рублей,
Выкупала его молодая жена,
Она сбрую его ратную,

*
* *

Отчего это въ полѣ ковылъ-травушка загоралася?
Не отъ тучи, не отъ грома, не отъ вихорю,
Загоралася ковылъ-травушка отъ солнышка.
Добиралась до бѣлаго камешка;
Что на камешкѣ сидитъ младъ ясенъ соколъ;
Попалилъ онъ свои быстры крылышки,
Обжегъ то онъ свои рѣзвы ноженьки.
Прилетало къ соколу стадо вороновъ,
Что садились черны вороны вокругъ него,
Во глаза ему стали насмѣхатися:
Одѣвали они сокола вороною.
Какъ возговоритъ во кручинѣ
Младъ ясенъ то соколъ:

—«Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
Отрощу я свои крылья быстрыя,
Оживлю я свои ноги скорыя,
Я взовьюсь младъ ясенъ соколъ выше облака,
Я спущусь въ ваше стадо быстрѣй стрѣлы,
Перебью черныхъ я вороновъ до единаго.
Когда былъ Краснощековъ во невольицѣ —
Онъ вскричалъ-ли возопилъ громкимъ голосомъ:
—«Ой, вы, гой еси, друзья товарищи!
Не покиньте добра молодца при бѣдности!
Что ужъ скоро я прилечу то къ вамъ,
Замѣню я вашу смерть животомъ своимъ,
Животомъ своимъ, грудью бѣлою!»

* * *

Славный мой Дунаюшка, славный тихенькій Дунай.
Да сказали про тебя, славный мой Дунаюшекъ,
Ты свѣтлешенекъ, Дунай течешь!
А мутнѣе тебя во всемъ свѣтѣ нѣтъ.
Да отвѣтъ держалъ славный мой Дунай
Человѣческимъ громкимъ голосомъ,
Молодеческимъ умомъ-разумомъ:
—«Какъ же мнѣ славному Дунаюшку,
Мнѣ свѣтлешеньку то быть?
Съиспода меня земленые ключи бьютъ,
А посредь меня бѣла рыбица воду мутитъ,
А поверхъ меня три партіи перешли:
Первая партія — сила батюшки Царя,
Другая партія — Прутского сила короля,
Третья партія — паренъ дѣвицу перевезъ,
Соблазнилъ уговорилъ со тихаго Дона на Терекъ».

* * *

Не во матушкѣ было во Россіюшкѣ,
Во Россіюшкѣ было въ каменной Москвѣ.
Тутъ прослылись проявились два названные брата;
Они сковскіе *), все Московскіе два полковничка.
Со господами два полковничка они не знаются,
Съ генералушками крѣпкую думушку думали,
Они думали крѣпкую думушку со голутьбою:
—«Ты голутьба моя, голутьбица, голь несчастная!
Ты хватай-ка, моя голутьбица, коней добрыхъ своихъ,
Ты сѣдлай-ка ихъ, моя голутьбица, сѣдломъ черкесскимъ,
Мы поѣдемъ-ка, моя голутьбица, во чисто поле гулять,
Мы заѣдемъ-ка, моя голутьбица, на Куру рѣку!
Мы бывалоча на Куру рѣку часто ѣзживали,
Мы бывалоча на Курѣ рѣкѣ много ясыру брали,
Да того-ли было *на* ясыру *на* дѣвичьяго!»

* * *

Не дале́че было было да́лече,
Во чистомъ полѣ было.
Тамъ ходилъ то гулялъ добрый молодецъ,
Младъ Донской казакъ, младъ охотничекъ.
За плечами онъ носитъ винтовочку,
Долгомѣрную, семипядную, восьмибляшную;
Вмѣсто цѣлика у ней — брилліантъ камень,
А насѣчка у ней — позлаченая,
А подсошечка у ней — кизилова.
На винтовочкѣ написано, ровно напечатано:
На Иванъ то сударь Краснощековъ сынъ.
Онъ ни стежкой шелъ, ни дорожкою,
А тропиною все звѣриною.

---

*) Щеголеватые.

Вотъ навстрѣчу ему мать сѣра ланья со ланятами.
Какъ раскидываетъ онъ свою подсошечку,
Что подсошечку свою ее кизиловую:
—«Ты позволь-ка позволь, мать сѣра ланья,
По тебѣ стрѣлять и по дѣточкамъ!»
—«Ты меня убьешь, не шубу сошьешь,
А ланятъ моихъ убьешь. не опушишься!
Ужъ пойди-ка ты, пойди младъ Донской казакъ,
Младъ Донской казакъ, младъ охотничекъ,
Во зеленые луга, лѣса заповѣдные;
Тамъ ходитъ турчинъ со турчанкой;
Онъ ублажаетъ младую турчаночку,
Забавляетъ ее въ звонки гусельки;
Турчина ты изъ винтовки убьешь,
Младу турчанку за себя возьмешь!»

* * *

Туманушки, вы мои туманушки!
Вы откройтеся, вы мои туманушки,
Вы отъ синяго моря.
Еще откачнися-ка моя грусть-тоска и печаль
Отъ ретиваго сердца моего.
Мнѣ вечéръ то вечéръ доброму молодцу
Еще мнѣ малымъ малешенько спалось;
Во снѣ видѣлось доброму молодцу,
Во снѣ видѣлось мнѣ не хорошо:
Еще будто я то лежу раздобрый молодецъ,
Еще на чужой на дальней сторонѣ,
На чужой на дальней сторонушкѣ,
На Дунайской на дикой степи.
Еще почернѣло-то мое тѣло бѣлое
Чернѣе матушки, мать-сырой земли;

Сквозь частыхъ то моихъ ребрушекъ
Шелковая трава поросла;
Въ изголовьицѣ у добраго молодца
Чистъ-ракитовой кустикъ выросталъ;
Какъ на этомъ на кустикѣ
Молодой соловьюшекъ гнѣздо совивалъ;
Совивавши гнѣздо, дѣтей выводилъ.

*
* *

Ты змѣя то моя, змѣюшка,
Ты змѣя моя лютая!
По травѣ ползешь — подъ тобой близъ травка горитъ,
По водѣ плывешь — подъ тобой вода мутится.
Ты змѣя моя, красная дѣвица,
Довела ты меня добраго молодца до худой славы:
Какъ ведутъ то ведутъ раздобраго молодца,
Ведутъ его все наказывать;
Впереди идетъ сперва молодой палачъ,
По бокамъ идутъ друзья-товарищи,
Позади идетъ красна дѣвица.
— «Ты постой, подожди, шельма молодой палачъ,
Постой, шельма, меня не наказывай!
Ты возьми съ меня, шельма, молодой палачъ,
Возьми съ меня хоть 500 рублей,
Если мало тебѣ, возьми съ меня тысячу!»

*
* *

Не во матушкѣ было во Россіюшкѣ,
Во Россіюшкѣ было въ Тулѣ городѣ,
Жила то она красная дѣвица красивая,
Сама-то она чиреватая *).

---

*) Чиреватая — въ интересномъ положеніи.

Ты не смѣйся, батюшка, Волконскій князь!
Пьешь то ты гуляешь, ничего не знаешь и не вѣдаешь:
Молода твоя княгиня со ключникомъ живетъ.
Взяла то его Волконскаго князя *за* *) кручинушка;
Выходитъ то онъ на высокій балконъ,
Кричитъ то звенчитъ громкимъ голосомъ:
—«Ужъ вы слуги мои, слуги вѣрные,
Приведите вы его молодого ключника,
Ни честію, ни славою, за черныя кудерцы!»

* * *

Сторона моя, сторонушка, сторона моя чужа, невеселая.
Я не самъ зашелъ въ тебя, заѣхалъ,
Занесла меня сюда нужда крайняя,
Служба царская, она государева,
Государева — Александра Павловича.
Александръ Павловичъ во гробу лежитъ,
Передъ нимъ стоитъ казакъ часовой,
А въ ногахъ его красная дѣвица;
Она стоитъ — Царю рѣчи говоритъ:
—«Ты встань, возстань, Александръ Павловичъ,
Ты встань, посмотри на свою армію:
Твоя армія стоитъ пріубраная,
Пріубраная она, славно пріукрашеная —
Во парадахъ всѣ стоятъ!»

* * *

Не ясенъ соколъ по поднебесью летаетъ,
Добрый молодецъ по табору разъѣзжаетъ,

*) Частица «за», какъ и «на» употребляется для приданія большаго эффекта пѣснѣ.

Наголо́ то онъ возитъ свою остру саблю,
Острую ее булатную;
Онъ ищетъ себѣ такого человѣка,
Кто бы могъ достать со дна моря
Желтаго его песку.
Кто бы могъ вывесть изъ моей острой сабли
Эту ржавчину?
Кто бы могъ выгнуть мое острое кинжалище,
Острое мое булатное?
Кто бы могъ вскрыть мои груди бѣлыя,
Груди мои молодецкія?
Кто бы могъ вынуть изъ моихъ бѣлыхъ грудей
Сердце его со печенью?
Кто бы могъ узнать въ моемъ ретивомъ сердцѣ
Мою кручину?

* * *

Не бѣда ли на меня на яснаго сокола
Безъ временницы ко мнѣ пришла великая.
Полетѣлъ бы я соколъ, полетѣлъ бы младъ ясенъ,
На морскія на теплыя воды;
Сѣлъ бы я соколъ, сѣлъ бы я младъ ясенъ
Среди моря на бѣломъ горючемъ камешкѣ;
Какъ завидѣлъ-бы я соколъ, какъ завидѣлъ-бы младъ ясенъ
Среди моря стадо лебединое;
Какъ убилъ-бы я соколъ, убилъ-бы младъ ясенъ
Я изъ стадушка бѣлую лебедушку;
Наѣлся-бы я соколъ, наклевался бы младъ ясенъ
Лебединаго бы сладкаго мяса.
Не бѣда бы на меня на добраго молодца,
Не кандалецы на меня булатные,

Пошелъ бы я младецъ пошелъ бы я удалецъ
Я во чистое поле, поле широкое;
Поймалъ бы я молодецъ, поймалъ бы я удалецъ
Я своего душечку коня добраго;
Какъ внуздалъ бы я молодецъ,
Какъ внуздалъ бы удалецъ,
Я уздой новой тесмянной;
Осѣдлалъ бы я молодецъ, осѣдлалъ бы удалецъ
Я сѣдельцемъ новымъ черкесскiимъ;
Ужъ я сѣлъ бы молодецъ, да я сѣлъ бы удалецъ,
Я-бъ поѣхалъ молодецъ въ Питеръ славный городочекъ;
Я подъѣхалъ бы молодецъ, я подъѣхалъ бы удалецъ
Къ чернушечкѣ подъ красное окошко;
Разспросилъ я молодецъ, разспросилъ бы удалецъ
Про ее здоровье;
Разсказалъ бы я молодецъ, разсказалъ бы удалецъ
Про свое горе-несчастье. (12).

*
* *

Ты Россiя, ты Россiя, ты Россiйская земля!
Много нужды, много горя ты Россiя приняла.
Какъ Платовъ господинъ по армеюшкѣ разъѣзжалъ.
Ко Французу въ гости Платовъ заѣзжалъ;
Безъ допросу, безъ докладу во палатушки зашелъ.
Французъ на ноги вставалъ, Платова въ гости принималъ,
Во горницу провожалъ, за дубовые столы сажалъ,
Рюмку вина наливалъ, питей-ѣдеръ становилъ,
Все Платова угощалъ, изъ ума его повелъ:
—«Гдѣ бы мнѣ увидать Платова казака?
Какой воинъ, какой хитрый, всѣхъ французовъ побѣдилъ!

Платовъ отвѣтъ держалъ:
—«Платовъ казакъ точно я родимый его братъ!»

* * *

Какъ поѣхалъ нашъ Александръ свою армію смотрѣть,
Обѣщался нашъ Александръ къ Рождеству домой прибыть.
Ужъ всѣ праздничкп проходятъ, Александра дома нѣтъ,
Его маменька родная день заднюетъ, ночь не спитъ.
—«Ужъ я выйду на ту башню, которая выше всѣхъ,
Посмотрю я въ ту сторонку, гдѣ Александръ проѣзжалъ;
Гдѣ Александръ проѣзжалъ, тамъ и пыль столбомъ пылитъ.
Вотъ по бительской дорожкѣ молодой курьеръ бѣжитъ;
Я пойду и спрошу, ты отколь курьеръ бѣжишь?
Я спѣшу бѣжу, Александра я посолъ;
Александръ новый царь Аршавъ *) городъ проигралъ,
Тамъ и жизнь свою кончалъ.
Померъ, померъ нашъ Александръ
Въ каменной бѣлой Москвѣ во двѣнадцатомъ часу.
Вотъ двѣнадцать архіереевъ провожать его идутъ,
Попередъ его поютъ;
Какъ двѣнадцать генераловъ по бокамъ его идутъ,
Какъ двѣнадцать полковниковъ на плечахъ его несутъ,
Какъ двѣнадцать офицеровъ позади его идутъ,
Какъ двѣнадцать урядниковъ позади ихъ всѣхъ идутъ,
А двѣнадцать казаченьковъ позади коней ведутъ.

* * *

Какъ не сизые орлы ко ясному соколу солеталися,
Солеталися соѣзжалися князья-генералушки,
Соѣзжалися они только ко фельдмаршалу;
Они думали, братцы, крѣпкую думушку,

---

*) Варшава.

Они думали ее только заединую:
Какъ сочли то они сочли казачью службу,
Сочли то они ее за измѣнушку;
Какъ легка то легка казачія служба,
Легче ея во всѣмъ свѣтѣ нѣтъ;
Какъ никто за насъ за казаченьковъ,
Никто за насъ слова не замолвитъ.
Замолвилъ за насъ за казаченьковъ
Что одинъ ли князь онъ Тотлебенъ:
—«Господа ли вы, мои господушки,
Что и глупое ваше разсужденьице!
Я и самъ то служилъ съ Гребенскими со казаченьками,
Никакой то я отъ нихъ измѣнушки не видывалъ.
Казаки молодцы — они темную ноченьку
Напролетъ ее всю не спали,
До бѣлой до зориньки секретушки занимами!»

*
* *

Во Турецкой во невѣрной во сторонушкѣ
Не сизые орлы ко ясному соколу солеталися,
Генералушки ко фельдмаршалу они соѣзжалися,
Они думали крѣпкую думушку,
Крѣпкую ее заединую,
И Турецкую эту земелюшку они межевали;
Перемежевывали эту земелюшку не хвалили:
—«Не хорошая ты земелюшка, земля Турецкая,
Перевела ты, Турецкая земелюшка, лучшихъ нашихъ
На буйныхъ головушекъ,
Лучшихъ головушекъ нашихъ казачіихъ,
А *на* больше ты перевела буйныхъ головушекъ
Головушекъ нашихъ солдатскихъ.

*
* *

*
* *

Подъ городомъ было подъ Одессой,
Подъ стѣной было стѣной земляной.
Тамъ служили они царю два брата родимые:
Что и сотникъ служилъ служилъ съ есауломъ;
Какъ подъ городъ они подступали,
Землянную стѣну разбивали,
Молодую панню, шведскую княгиню,
Ее во полонъ брали;
Тутъ восплакалась молодая панния,
На шведская она княгиня.
Тогда братъ брату рѣчи говорилъ онъ:
—«Пріутѣшь, братъ, *на* шведскую панню,
Шведскую ее княгиню!»
—«Не плачь, не плачь, шведская панния,
Шведская княгиня;
Мы возьмемъ то тебя за братца родимаго,
Что за сродничка возьмемъ дорогого,
Назовемъ мы тебя сестрицей родимою!»

*
* *

Ни по морю по морю синему,
По синю морю по Хвалынскому,
Какъ бѣжали они возбѣгивали три стружечка:
Первый бѣжитъ стружечекъ, бѣжитъ атаманскій,
Второй то бѣжитъ стружечекъ — есаульскій,
Третій стружечекъ — веселый казачій.
Подбѣгивали эти стружечки до горы Змѣевой:
—«Богъ помощь тебѣ, крутая гора, горушка Змѣевая!
Ты позволь-ка, горушка Змѣевая, одну ночь ночевать,
Позволь молодцамъ осеннюю ее коротать!»

—«Вы ночуйте, ночуйте, добрые молодцы, не убойтесь,
На меня на крутую горушку не надѣйтесь,
Постелюшка вамъ, добрымъ молодцамъ, ковылъ-трава,
Изголовьице вамъ, добрымъ молодцамъ, бѣлъ горючъ камень,
Одѣялице вамъ, добрымъ молодцамъ, темная ноченька,
Часовые-то вамъ, добрымъ молодцамъ, часты звѣздочки,
Атаманушка вамъ — батюшка свѣтелъ мѣсячъ!»

* * *

Не батюшка своего сына журитъ-бранитъ,
Со двора его долой гонитъ:
—«Сойди, сойди, мой невѣжій сынъ,
Сойди со двора мово́ долой!
Я за то тебя гоню, мой невѣжій сынъ,
Что ты отца не слушаешься».
Государыня родимая матушка
Она слезно плакала:
—«Ты дитя мое дитятко, чадо милое,
Ты скажи, скажи, мое дитятко,
Ты скажи, когда домой придешь,
А меня мать навѣдаешь?»
—«Государыня, родимая матушка,
Ты пойди по край моря синяго,
Что по край Хвалынскаго,
Ты возьми, возьми, родимая матушка,
Желтаго песку во всю горсточку;
Ты посѣй-ка его, родимая матушка
Среди-ли своего двора;
Поливай ты его ни росой, ни водой,
А поливай ты его горючими слезами.

И когда этотъ песочекъ выростетъ,
Тогда я къ тебѣ, родимая матушка,
Домой приду, тебя мать навѣдаю».

*
* *

Подымалися гуси-лебеди;
За гусюшками летятъ
Сѣрыя утушки;
За утушками летитъ
Младъ сизой орелъ;
Кричитъ то орелъ зычитъ
Своимъ громкимъ голосомъ;
Во когтяхъ то орелъ несетъ
Тѣло бѣлое, молодецкое —
Руку правую съ дорогимъ перстенемъ,
Съ драгоцѣннымъ камешкомъ.
За орломъ то гонитъ
Младъ ясенъ соколъ;
Еще кричитъ соколъ зычитъ
Громкимъ своимъ голосомъ:
—«Ты постой-ка, орелъ,
Меня подожди сокола!
Я не бить то тебя буду,
Я спросить тебя хочу:
Еще ты *на* гдѣ орелъ
На гдѣ летывалъ?
Еще ты гдѣ тѣло бралъ?»
—«Еще у ключика я былъ у текучаго,
У колодца я орелъ былъ!»

*
* *

*
* *

Не травушка, не ковылушка въ полѣ шатается,
Какъ шатался волочился удалъ добрый молодецъ
Въ одной тоненькой полотняниинькой рубашечкѣ,
Что въ той ли кармазиновой черкесочкѣ.
У черкесочки рукавчики назадъ закинуты,
Камчаты полочки назадъ застегнуты,
Басурманскою ли кровью они забрызганы.
Онъ идетъ добрый молодецъ самъ шатается,
Да горючей слезой обливается,
Тугимъ лукомъ своимъ самъ опирается;
Позолотушка съ его золота лука долой летитъ.
Какъ никто то съ добрымъ молодцемъ не встрѣчается,
Повстрѣчалася съ нимъ родна матушка:
—«Ужъ ты чадо мое, чадо милое мое!
Ты зачѣмъ же, мое чадо, такъ напиваешься,
До сырой до земли ты все преклоняешься,
За травушку-ковылушку все хватаешься?»
Тутъ возговорилъ добрый молодецъ родной матушкѣ:
—«Я не самъ-то добрый молодецъ напивался,
Напоилъ меня турецкій царь тремя пойлами;
Что тремя то пойлами, тремя разными:
Какъ и первое его пойло—сабля острая,
Другое его пойло—копье мѣткое,
Третье его пойло—пуличка свинчатая».

*
* *

Какъ у насъ то было на тихомъ Дону,
Что у насъ то было въ зеленомъ саду,
Что подъ грушею было, грушею зеленою,
Подъ яблонью было, яблонью кудрявою,

На цвѣточкахъ было на лазоревыхъ,
На травушкѣ было на шелковенькой,
На кроватушкѣ было на тесовенькой,
На перинушкѣ было на пуховенькой—
Что мать сына воспородила,
Что бѣлою грудью мать сына вскормила,
Пеленала мать сына въ пеленочку камчату,
Что качала мать сына въ зыбочкѣ *) кипарисовой,
Берегла то мать сына онъ вѣтра отъ вихоря,
Берегла то мать сына отъ солнышка отъ краснаго,
Берегла мать сына отъ сильныхъ дождиковъ,
Не уберегла мать сына отъ службицы государевой.

* * *

Говорила родимая матушка сыну завсегда **):
Почему, сынокъ, ни бѣлъ, ни румянъ ходишь?
Отвѣтъ держатъ раздобрый молодецъ матушкѣ родимой:
—«Какъ я былъ то служилъ, раздобрый молодецъ,
На чужой дальней сторонѣ, во Крымской землѣ;
Полюбила меня красная дѣвица раздобраго молодца;
Какъ велѣла прійти вечеромъ позднымъ поздно;
Не дождавшись добрый молодецъ поры-время, самъ младецъ пошелъ.
Какъ увидѣлъ меня добра молодца Крымчанинъ изъ окна,
Какъ погналъ меня добра молодца вдоль по улицѣ;
Какъ поймалъ меня добра молодца среди свово́ двора,
Что поднялъ то меня добраго молодца выше буйной головы,

*) Зыбка — колыбель, люлька.
**) Всегда.

Какъ ударилъ меня добра молодца о сырую землю сердцемъ-животомъ,
Отъ того-то я добрый молодецъ ни бѣлъ, ни румянъ хожу».

*
* *

Что по край было моря синяго,
Моря Каспицкаго —
Тамъ стояло древечушко оно кипарисовое;
Корешочки у него крѣпкіе булатные;
Кожица у дерева лимонная;
Вѣточки у дерева хрустальныя;
На вершинушкѣ младъ ясенъ соколъ теплое гнѣздышко совивалъ,
Перекладушки клалъ хрустальные;
А усыпа́лъ теплое гнѣздышко мелкимъ жемчугомъ,
Выводилъ себѣ малыхъ дѣтушекъ,
Онъ на волюшку распускалъ ихъ.

*
* *

Ахъ ты, батюшка, славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ Донъ Ивановичъ!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
Какъ бывало ты все быстеръ течешь,
Ты быстеръ течешь, все чистешенекъ,
А теперь же Донъ все мутенъ течешь.
Помутился Донъ сверху до низу,
Рѣчь возговорилъ славный тихій Донъ:
-- «Ужъ и какъ то мнѣ все мутну не быть?
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ!»

Разрываются круты бережки,
Разсыпаются косы желтыя.

*
* *

Какъ при буйной то было при дороженькѣ,
Тамъ стоялъ выросталъ сыръ матеровый дубъ.
Корешочки у дуба чистые, они хрустальные,
Листочки у дуба тонки, они булатные;
Вершина у дуба она позлащеная,
На вершинѣ на дубу гнѣздо соколиное,
Что подъ дубомъ стойло коня добраго,
Коня добраго богатырскаго;
Какъ ни соколъ съ конемъ они позаспорили,
Ни о ста рубляхъ, они ни о тысячѣ,
Позаспорили они о своихъ головушкахъ.
Вотъ соколъ летитъ по поднебесью,
Какъ и конь то бѣжитъ — вся земля дрожитъ.

*
* *

Ужъ ты служба ли наша, наша службица,
Служба наша государева.
Надоѣла намъ служба намъ бѣднымъ казаченькамъ,
Служба ты намъ надокучила,
Добрыхъ коней, коней лошадушекъ ты призамучила;
Что и день то мы ходимъ бѣдные казаченьки,
Ходимъ то мы на пикетушкахъ;
Что и ночь то ходимъ бѣдные казаченьки,
Ходимъ по секретушкамъ.
Что ни змѣя то ли змѣя изъ подъ кустика просопѣла,
Не свинцовая пуля она изъ подъ камешка
Изъ подъ камешка она прозвенчѣла.

*
* *

*
* *

Въ горахъ было въ горахъ высокихъ,
Во ущельяхъ было во ущельяхъ глубокихъ,
Лежитъ молодецъ—онъ все убитый,
Онъ молодецъ то—молодой урядничекъ.
Какъ съ родной со сторонушки пташка прилетала,
Жалобно пѣсенку ему она пропѣла:
—«Ты возстань, возстань, добрый молодецъ!
Вотъ зима проходитъ, весна наступаетъ,
Твоя молода жена по саду гуляетъ,
По саду гуляетъ, мужа выбираетъ!»
Лежитъ молодецъ не даетъ отвѣта.
Со родимой со сторонушки пташка прилетѣла,
Она жалобно пѣсенку ему пропѣла:
Ты встань, возстань, добрый молодецъ,
Прошло лѣто, осень наступила,
Твоя молода жена весной по саду гуляла,
По саду гуляла, себѣ мужа выбирала,
А теперь глазами разводитъ—замужъ выходитъ,
Родимая твоя маменька слезно плачетъ,

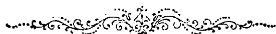
*
* *

Всю ночь то не спалъ Степанъ Даниловичъ.....
Съ москалемъ то онъ въ карты проигралъ;
Проигралъ-то онъ славный тихій Донъ;
Проигравши то онъ крѣпко призадумался,
Да онъ прикручинился;
Выходитъ то онъ на крашеный крылецъ,
Кричитъ то онъ зычитъ своимъ голосомъ:
—«Ужъ вы слуги мои, вы мои служители,
Вы Донскіе ли мои казаченьки!

Вы подайте мнѣ, мои казаченьки, вражьяго сына,
Какъ то ли сына молодого полковника;
Ужъ мы сядемъ съ нимъ въ легку лодочку,
Ужъ мы пустимся съ нимъ во сине море,
Да заѣдемъ мы съ ннмъ во Сибирскій край!» *).

* * *

Ни одна во полѣ дороженька пролегала;
Что никто по этой дороженькѣ,
Никто по ней не ходилъ, не ѣзживалъ.
Тутъ шли они прошли младые казаченьки;
Ничегохонько ничего младые казаченьки
Ничего то они въ полѣ не видали;
Только видѣли они, младые казаченьки,
Дубровушку ее зеленую:
—«Еще ты позволь-ка, позволь, зелена дубровушка,
Позволь коней разсѣдлати!
Еще ты позволька-ка, зелена дубровушка,
Коней наповати;
Еще ты позволь-ка, позволь, зелена дубровушка,
Коней выпасати.

*) Записана со словъ казака ст. Новогладковской Финогея Мальчушкина.

ОТДѢЛЪ II-й.

ВОЕННО-БЫТОВЫЯ.

ВОЕННО-БЫТОВЫЯ.

ОТДѢЛЪ II.

Дѣло Гребенцовъ 24-го Мая 1846 года при деревнѣ Акъ-Булатъ-Юртъ.

Темной ночью зазвонили
Сильно въ колоколъ большой;
Встрепенулася станица,
Нарушивъ ночной покой.

Жены бросились въ конюшни
Осѣдлать борзыхъ коней,
Чтобы дать мужьямъ возможность
Быть на мѣстѣ всѣхъ скорѣй.

И всѣ мчатся къ колокольнѣ.....
Молодые, старики.
А на Терекѣ далеко
Слышны отзвуки стрѣльбы.

Не успѣли всѣ собраться,
Уже Сусловъ прискакалъ,
И безъ строя понеслися,
Кто и какъ куда попалъ.

Двадцать верстъ ужъ проскакали
Длинной лентою живою;
Каждый хочетъ отличиться,
Чтобъ попасть въ переднiй строй.

Живо Терекъ переплыли
За станицей Щедриномъ,
И совсѣмъ вѣдь позабыли,
Что тутъ близко есть паромъ.

Акъ-Булатъ-Юртъ миновали,
Видимъ всадниковъ вдали,
Перестрѣлку завязали,
Они были таковы.
Тутъ-то мы, кто удалѣе,
Бьетъ ногайкой лошадей,
Отставай чья отстала,
Догоняй чей конь сильнѣй.
И всѣ кучей налетѣли
На засаду подлецовъ,
Пули вслѣдъ засвистѣли,
Огорошивъ молодцовъ.
Дѣлать нечего ужъ было,
Стали строиться въ карэ,
Все замолкло и застыло,
Каждый думалъ о себѣ.
Но Камковъ нашъ зычно крикнулъ:
—«Положите лошадей!»
Точно всѣ отъ сна очнулись,
Какъ-то стало веселѣй.
Полегли между конями,
Ружья вынувъ наголо́,
И удачно отражали
Мы злодѣя своего.
Такъ мы бились три часочка
Подъ напоромъ тысячъ двухъ,
Не отдавши ни кусочка
Нами занятой земли.
Камковъ, стоя и безъ шапки,
По серединѣ молодцовъ,
Всѣмъ кричалъ: «не бойтесь, братцы!
Не сломить имъ Гребенцовъ!»

Насъ же было меньше сотни,
Но дралися точно львы;
Сталъ патроновъ недостатокъ,
Шашки вынули ужъ мы.
Славный Сусловъ приказалъ намъ
Зарядить въ послѣдній разъ,
И въ упоръ стрѣлять злодѣевъ,
Чтобы знали они насъ.
Притаивъ мы всѣ дыханье,
Ждемъ отчаянный налетъ.....
Что же видимъ?... Отступленье.....
Оттолкнулся вражій сбродъ.
Оказалось, злые горцы
Услыхали дальній гулъ;
То спѣшили кабардинцы —
На подмогу Майдель шелъ.
Онъ ракетой вѣстовою
Намъ подалъ ужъ свой сигналъ,
И чеченцы всѣ толпою
Отодвинулись назадъ.
И мы всѣ перекрестились,
Дружно сдѣлавъ залпъ по нимъ,
Горцы въ бѣгство обратились,
Насъ оставили однихъ.
Много нашихъ тамъ побито,
Раны-жъ нечего считать,
Слава древняя добыта,
Горцы будутъ ее знать.
Вспомнимъ храбраго Камкова,
Вспомнимъ Суслова отца;
Мы у Гребня всѣ готовы
Служить правдой до конца. (12).

*
* *

Полнымъ сердцемъ торжествуя,
Богу славу воздаютъ;
Предъ Отцомъ-Царемъ ликуя,
Терцы весело поютъ.
Говорятъ всѣ, слава Богу,
Нынѣ также, какъ и встарь,
Нашу бранную тревогу
Не забылъ нашъ Государь.
Онъ своимъ Державнымъ словомъ
Самъ напомнилъ намъ Кавказъ,
Гдѣ съ пеленъ въ бою суровомъ
Жизнь воспитывалъ онъ въ насъ.
Гдѣ издревле наши дѣды
Прорубалися въ горахъ;
Съ громомъ битвы и побѣды
Шли впередъ за шагомъ шагъ.
Гдѣ въ скалахъ, въ лѣсахъ дремучихъ
Горцы съ нами споръ вели,
Но у насъ въ рядахъ могучихъ
Отступленья не нашли.
Смерть и раны презирая,
И въ свой смертный часъ и намъ
Свой завѣтъ передавали,
Чтобъ итти по ихъ слѣдамъ.
И въ Чечнѣ и Дагестанѣ,
Гдѣ лилася кровь отцовъ,
Доставалося по ранѣ
И на братьевъ удальцовъ.
Вѣдь Кавказъ добыть не шутка,
Храбрый тамъ тѣснился врагъ;

Приходилось часто жутко,
Крови стоилъ каждый шагъ.
Но забыты кровь и пламя,
Царь насъ милостью почтилъ,
И вотъ вѣрнымъ Терцамъ знамя
Изъ руки своей вручилъ.
Знамя Царское святое
Мы подымемъ высоко,
И завѣтъ нашъ въ ретивое
Врѣжемъ, братцы, глубоко.
Вѣрой, правдой достославно
Царскій тронъ оберегать,
Крестъ высоко православный
Надъ луною воздвигать.
Да склоняя взоръ свой къ Терцамъ,
Какъ отецъ къ своимъ сынамъ,
Царь возрадуется сердцемъ,
Сынъ спасибо скажетъ намъ. (13).

* * *

Съ Богомъ Терцы! не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья;
Бейте, рѣжьте, не жалѣя
Басурманина врага.
Тамъ далеко за Балканы
Русскій много разъ шагалъ;
Покоряя вражьи станы,
Гордыхъ турокъ побѣждалъ.
Такъ идемъ путемъ прадѣдовъ
Лавры славы добывать,
Смерть за вѣру, за Россію
Можно съ радостью принять.

День двѣнадцатый апрѣля
Будемъ помнить мы всегда—
Какъ нашъ Царь отецъ Державный
Брата къ намъ подвелъ тогда.
Ужъ онъ полонъ царской мочи
Съ отуманеннымъ челомъ:
—«Берегите, сказалъ, брата,
Будьте каждый молодцомъ.
«Если нужно будетъ въ дѣло
Николаю васъ пустить,
То идите въ дѣло смѣло,
Дѣдовъ славы не срамить!»
Съ Богомъ же, Терцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ друзья;
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина врага. (14).

***

Свѣтила заря поздно вечеромъ;
Посвѣти-ка ты, заря, пока взойдетъ
Батюшка свѣтелъ мѣсяцъ,
Чтобы видно было мнѣ молодцу
Итти мнѣ изъ неволюшки;
Изъ неволюшки итти,
Съ чужой дальней сторонушки—
Съ большой Чечни, съ большой Атаги.
Атагинцы-собаки собиралися съ Халкалинцами,
Халкалинцы-собаки собирались съ Алдадинцами;
Не лучшее мѣстечко выбирали;
Порыли себѣ шанцы глубокіе,
Подѣлали себѣ завалушки высокіе,
Не хотѣли пустить силу армеюшку.

Ужъ я самъ то маіоръ Зачетовъ
Напередъ пойду, братцы;
Свою острую шашечку наголо понесу,
И разобьемъ мы силу невѣрную,
Ту силу чеченскую. (15).

*
* *

Пыль клубится по дорогѣ
Темной длинной полосой,
Тамъ въ Червленной по тревогѣ
Скачетъ полкъ нашъ Гребенской.
Скачетъ мчится, точно буря,
Къ Гудермесу подскакалъ,
Гдѣ Казы-Мулла съ ордою
Въ десять тысячъ его ждалъ.
Полкъ не дрогнулъ, увидавши
Эту силу предъ собой;
Шашки вынулъ и помчался
На бой смертный съ той ордой.
Храбрый Волженскій полковникъ
Первымъ врѣзался въ орду,
И съ полкомъ онъ въ ней метался,
Точно будто бы въ чаду.
Всѣ рубились, на смерть бились
Удалые Гребенцы;
Храбрый Волженскій полковникъ
Кричалъ: «браво, молодцы!»
Орда дрогнула, бѣжала,
Мы помчалися за ней,
Но ждала насъ тамъ засада
Изъ отважныхъ всѣхъ людей.
Мы засаду ту разбили

И шли дальше все впередъ,
Но не знали что въ оврагѣ
Насъ другая бѣда ждетъ.
Вмигъ собралися чеченцы,
Всѣ отважные бойцы,
Вотъ отъ нихъ то пострадали
Тогда наши молодцы.
Залпъ раздался.... отвѣчали
Двумя пушками ему;
Бой отважный тутъ начался,
Гдѣ забыли мы жену,
Гдѣ забыли матерей,
Сестеръ, братьевъ и отцовъ,
Только помнили одно—
Вславу дѣдовъ Гребенцовъ.
Справа, слѣва, обходили
Храбрый полкъ нашъ Гребенской,
Тутъ Волженскаго убили,
Тутъ то кровь лилась рѣкой.
Враги думали, что можно
Всѣхъ въ могилу насъ сложить,
И что больше безпокоитъ
Мы не будемъ уже ихъ.
Но не такъ свершилось дѣло
Въ ту минуту съ Гребенцами:
Полкъ не дрогнулъ, пошелъ смѣло,
Искать путь себѣ началъ.
Полкъ рубился, на смерть бился
Съ тѣмъ безчисленнымъ врагомъ;
Врагъ отъ страху разступился,
Путь открылъ передъ полкомъ.
Полкъ примчался къ переправѣ,

Что за Терекомъ была,
Тамъ кричали намъ солдаты:
—«Честь и слава вамъ, ура!»
Переправясь черезъ Терекъ,
По станицамъ разбрелись—
Кто веселый, кто съ слезами,
Тамъ мать съ сыномъ обнялись.
Въ Червленной всрѣтивъ убитыхъ,
Такъ сказали матерья·
—Мы привыкли видѣть жертвы
За любимаго Царя.

* * *

Что не пыль кура курой
Все по весненой порой.....
Вотъ вторая батарея
Во походъ скоро идетъ.
Черезъ Терекъ переправлялись
На правую сторону;
Въ Маханъ-Юртѣ ночевали—
Генералъ Свистуновъ былъ;
Генералъ нашъ Свистуновъ,
Есаулъ нашъ Екушовъ,
Онъ по пушкамъ разъѣзжалъ
Три словечка намъ сказалъ:
—«У насъ пушки нарѣзныя,
Шашки остры, какъ булатъ;
Мы пойдемъ туда сражаться,
Полетимъ на смертный бой!»
Къ Маiуртупу подступали,
Показалися значки—
Тамъ гуляли казачки.

*
* *

Изъ подъ бугрика было, изъ подъ курганчика,
Бугра высока;
Тамъ пролеживала шляхъ-дороженька.
Не широкая была—всего три ступни;
Длиной то была шляхъ-дороженька—конца края нѣтъ.
Никто по этой дороженькѣ не прохаживалъ;
Тамъ шелъ прошелъ казачій полкъ;
За полкомъ то идетъ раздушечка, душа добрый конь;
Сѣдельце на немъ черкесское на боку виситъ;
Подпруженьки его тесьмянныя въ спину врѣзались;
Стременница его по копытцамъ бьютъ,
А поводьица его шелковые ноги спутали.

*
* *

Служба явлена въ походъ.....
Какъ со вечера добрый молодецъ коня своего ловитъ,
Ко полуночи сѣдельцемъ сѣдлаетъ,
Ко бѣлой зарѣ съ широка двора съѣзжаетъ.
Никто то добра молодца не проводитъ:
Ни батюшка, ни матушка, ни родъ его, ни племень;
Провожала его добра молодца молодая жена;
Провожала его, слезно плакала она,
Во слезахъ ему словечушко молвила:
—«Возвернись, воротись, родимый ты мой,
Воротись, мой соколикъ, родимый назадъ!»

*
* *

Славный, пышный, быстрый Терекъ,
Ты природныхъ здѣшнихъ мѣстъ;
Скоро выйду я на твой на берегъ,

Обращу свой печальный взоръ.
Сколько лѣтъ и зимъ проходитъ,
На тебя я, Терекъ, не гляжу,
Время, молодость моя уходитъ,
Во неволѣ я младецъ сижу.
Я сидѣлъ подъ клеветою
Молилъ Всевышняго Творца,
Чтобы правдою святою
Защитилъ бы меня молодца.
Я служилъ Царю душою
И свой берегъ охранялъ,
А теперь я очень смѣло
Помереть въ бою съ врагомъ готовъ.
Гдѣ жизнь моя была отрада,
Гдѣ я былъ въ младыхъ лѣтахъ,
Гдѣ душа моя была прохлада—
Увивалась на брегахъ.
Славный, пышный, большой Терекъ,
Прорви горы и лѣса;
Прорви горы, прорви этотъ берегъ,
Унеси меня, Терекъ, съ собой.

* * *

Какъ вечеръ мы, братцы, были пьяны,
А на утро нечѣмъ похмѣлиться.
Да мы сложимся, братцы, по денежкѣ, по копеечкѣ,
Да купимъ зелена вина полтора ведра.
Мы выйдемъ за станицу, разгуляемся,
За ту стѣну выйдемъ, за плетневую,
На ту гору выйдемъ на Покровскую;
Ужъ мы сядемъ, братцы, на большой курганъ,
Ужъ мы сядемъ во единый кругъ,

Мы выпьемъ, братцы, по чарочкѣ,
По чарочкѣ выпьемъ, по серебряной;
Мы вспомнимъ то, братцы, про домашнее бытье,
Мы вспомнимъ, братцы, про казачью службу.

* * *

Ночи темныя онѣ непроглядныя.....
Надоѣло мнѣ надокучило
На часахъ стоять караулъ держать.
Вы, друзья мои, товарищи,
Вы, орлы мои, сизокрылые,
Вы, соколики мои, поднебесные,
Кто изъ васъ, ребята, на Кумѣ бывалъ?
Кто изъ васъ, братцы, про Кубань слыхалъ?
Вызывался тутъ парень махонькій,
Казакъ лихой, парень малоденькій:
Ужъ я, братцы, на Кумѣ бывалъ,
И я, братцы, про Кубань слыхалъ,
Про верхи ея чистые;
Кубань рѣчушка—что нашъ Терекъ,
Да нашъ Терекъ почище будетъ!

* * *

Что не травушка не ковылушка
Ко сырой землѣ она клонится;
Царя Бѣлаго наша армеюшка
Стоитъ Богу она молится.
Помолившись наша армеюшка,
На ударъ она пошла
На ту силу на невѣрную,
На невѣрную на Турецкую.
Вдругъ несчастьеце въ нашей армеюшкѣ сучинилося:

Поранили въ нашей армеюшкѣ
На младого его полковничка,
Полковника его Камкова,
Что поранили его во правую руку.

* * *

Ты подымись, взайди солнце красное,
Ты взайди поутру раненько:
Обогрѣй меня добра молодца,
Стоя меня на бикетѣ;
На бикетѣ добра молодца,
На главномъ меня секретѣ.
Простоялъ я свои рѣзвы ноженьки,
Стоя на бикетѣ;
Просмотрѣлъ я свои очи ясные
За Сулакъ быстру рѣку

* * *

Не по стежечкѣ по дорожечкѣ,
По тропиночкѣ Государевой,
Тутъ шли прошли *на* три полка,
На три разныихъ.
Они знаменушки несутъ распущеныя,
А въ одномъ полку знаменушки во чахлахъ несутъ.
Напередъ то идетъ Салтыковъ князь;
Онъ идетъ то князь спотыкается,
На острую саблю опирается.
Встрѣчаетъ его родимая матушка:
«Да зачѣмъ же ты, родимое чадушко,
Напился ты пойла пьянаго?
Напоили меня, родимая маменька,
Что двумя то меня пойлами:

На первое пойлице—пуля быстрая,
На второе—сабля острая!» (*)

* * *

Ужъ ты поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое, степь широкая!
Ничего то, поле, ты не уродило;
Уродило ты, поле, чистъ-ракитовый кустъ.
Подъ этимъ кустомъ лежитъ добрый молодецъ;
Да не такъ то онъ лежитъ—крѣпко раненый;
Въ головахъ у него бѣлъ-горючъ камень,
Во рукахъ у него—сабля острая,
Во ногахъ то его ужъ онъ добрый конь:
—Ужъ ты, конь то конь, ты товарищъ мой.
Ты бѣжи, мой конь, въ землю Русскую,
Не давайся, мой конь, врагу Прусскому,
Понеси поклонъ моему батюшкѣ,
Ты родимой моей матушкѣ,
Молодой женѣ на словахъ скажи,
Что женила меня пуля быстрая,
Обручила меня сабля острая!

* * *

Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое, степь широкая!
Породило ты, поле, чистъ-ракитовый кустъ.
Подъ кустомъ то лежитъ добрый молодецъ;
Въ головахъ у него сбруя ратная;
На грудяхъ у него ружье чистое;
Во бѣлыхъ то рукахъ шашка острая,
Во рѣзвыхъ то во ногахъ добрый конь стоитъ.

(*) Записана со словъ казака Ст. Новогладковской Евтѣя Смирнова,

*
* *

Межъ Терекомъ и Сулакомъ поле распахано,
Не плугами—конскими копытами,
Не всхожими сѣменами поле засѣяно,
Засѣяно оно казачьими головами;
Заволочено оно конскими хвостами.
Никто по этому полю не проѣзживалъ,
Тамъ шелъ то прошелъ Волконскій князь.

*
* *

Тамъ за рѣчкой за быстрой казакъ то гулялъ;
Коня спасалъ, ковыль-травушку рвалъ,
Огонь раскладывалъ, свои стрѣлы ломалъ,
На огонь ихъ бросалъ;
Свои ранушки развязывалъ,
Друзьямъ-товарищамъ показывалъ:
Вы, друзья, братья, товарищи,
Посмотрите-ка мои ранушки:
Боевыя онѣ, кровавые;
Онѣ кровью зашли, къ моему сердцу пришли;
Когда я былъ малешенекъ и глупешенекъ,
Отецъ мать меня любили, на рукахъ меня носили.
А теперь я сталъ на возрастѣ,
На чужой сторонѣ горемыка служу.

*
* *

Не далече было, было во чистомъ полѣ,
Тамъ стояло древечушко тонко высоко,
Корнемъ глубоко, листомъ широко.
Подъ этимъ древушкомъ выросла трава,

На этой на травушкѣ разцвѣли цвѣты,
Разцвѣли цвѣты лазоревые;
На этихъ на цвѣтикахъ разбитъ шатеръ шелковый,
Во этомъ во шетричкѣ (*) разостланъ коверъ,
Коверъ моховой;
На этомъ на коврикѣ два стула стоятъ,
Два стула стоятъ, братцы, два точеные;
Два точеные, позлаченые;
На этихъ на стуликахъ два братца сидятъ,
Два родимые;
На младшій старшему рѣчи говоритъ:
—«Что же ты, мой братецъ, не веселъ сидишь, не радошенъ?
Или тебѣ, братецъ, служба не мила?
Или надоѣла тебѣ, братецъ, чужа сторона?»
—«На чужой сторонушкѣ, умѣючи жить,
Покорному быть, поклончивому;
Моя головушка не покорливая, и не поклончивая!»

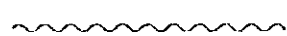

(*) Шетричекъ—шатеръ. Записана со словъ казака Ст. Червленной Матвѣя Казакина.

ОТДѢЛЪ III

ЛЮБОВНЫЯ и ОБРЯДОВЫЯ.

ОТДѢЛЪ III.

На что у насъ есть въ полѣ за травушка,
Во чистомъ полѣ за муравушка?
На этой то травушкѣ разцвѣли цвѣты,
Они все лазоревые;
Они день-атъ цвѣтутъ, а ночью алы стоятъ.
Въ терему я младешенька спать ложилась,
Никого я младешенька я не боялась;
Нехорошій то сонъ мнѣ привидѣлся:
Будто мой теремъ растворенъ стоитъ,
Будто мой милый предо мной стоитъ,
Онъ цѣлуетъ мои руки нѣжныя,
Обнимаетъ мои груди бѣлыя,
А я младешенька крѣпко испугалася.

*
* *

Что ни два кома въ полѣ забѣлѣлися,
Забѣлѣлися на синемъ морѣ
Вмѣстѣ лебедь со лебедушкой.
Тутъ отколь взялся младъ ясенъ соколъ,
Соколъ онъ по поднебесью;
Онъ ушибъ убилъ лебедь бѣлую;
Онъ перышки пустилъ по чистому полю;
Онъ пухъ пустилъ *на* младой соколъ по поднебесью;
Кровь то бросалъ во сине море;
Ужъ онъ косточки бросалъ во темные лѣса.
Тутъ расплакалась бѣлая лебедушка

По бѣлому она по лебедю;
Жалобно голосила бѣлая лебедушка
По бѣлому она по лебедю.

*
* *

Улица улица моя, травушка муравушка зелена.
Хожу я по травушкѣ не нахожуся,
На своего ли на милого не нагляжуся;
Почто вышла выходила коня выводила;
Сѣдломъ его засѣдлала, своего дружка милого
На коня его сажала, ему рѣчи говорила:
—«Ночуй ночуй, мой миленькій, хоть одну ночку со мной!»
—«Я бы радъ, душа, ночевать, да служба за мной!» (16)

*
* *

Я вечéръ то млада по рыночку гуляла,
Во ясныхъ то очахъ я своего любезнаго дружка
Въ глаза его не видала.
Знатно у мовó любезнаго дружка
Въ домѣ его нездоровье:
Призаперты у мовó дружка
Широкія его ворота;
Призатворены у мовó любезнаго дружка
Косящатыя окошки;
Призадернуты у мовó любезнаго дружка
Хрустальныя его стекольца
На черным ъ то сукномь у мовó дружка,
Чернымъ сукномъ погребцовымъ.

*
* *

Еще ни двѣ ласточки онѣ только двѣ касаточки

Вмѣстѣ въ полѣ солеталися;
Двѣ кумушки онѣ только подруженьки
Вмѣстѣ сходилися.
—Ужъ ты кумушка, ты моя подруженька,
Сестрица моя родимая;
Еще я хочу у тебя спросить
Одно тайное словечушко:
Еше что бытто (*) у мово любезнаго дружка
Въ домѣ его нездоровье—
Призаперты у мово́ любезнаго дружка
Широкія его ворота;
Призатворены у мово́ любезнаго дружка
Косящатыя его окошки;
Еще призавѣшены эти окошечки
Черным сукномъ погребцовымъ.

* * *

Скучно грустно сидѣть пташкѣ въ клѣткѣ—
Злая скука ее одолѣла;
Ради скуки она бѣдная свищетъ,
Всю свою неволюшку видитъ;
Видитъ волю она сквозь клѣтки,
Какъ рыбица, ходитъ она въ сѣткѣ,
Освободиться бѣдная не можетъ—
Она видитъ сѣтку, сѣтку крѣпку.
Сизыя крылышки свои приложила,
Знать по клѣточкѣ она летала,
Знать по щелочкамъ клевала.
Вспомни, бѣдный соловейко, гдѣ ты родился?
Приведи себѣ на память,

(*) Бытто—будто бы. Записана со словъ казака Ст. Новогладковской Трофима Иванова.

Съ кѣмъ гулялъ ты, веселился?
Имѣлъ пищу всяку сотворенну,
Сладкій медъ съ сытой; (*)
А теперь ты, бѣдный соловейко—
Ржаной сухарь съ водой;
Имѣлъ прежде мягкія перины,
А теперь спишь на голой рогожѣ.

* * *

Ужъ ты сердце мое, ты мое сердечушко,
Сердце мое крѣпкое,
Не изъ камешка сердце сдѣлано,
Изъ булата сердце сковано.
Никто мое сердечушко не провѣдуетъ;
Провѣдалъ его, мое сердечушко,
Раздушечка, душа добрый конь.
—Еще ты хозяинъ мой, ты мой хозяюшекъ,
Хозяинъ ты мой ласковый!
Не кидайся ты, не бросайся
Во больши чины, во знаменщики—
Во большихъ то чинахъ—служба тяжелешенька;
При кампаніи тебѣ—первая чарочка,
При сраженіи тебѣ—первая пуличка. (17)

* * *

Что не сизый голубь по воздуху летаетъ,
Не сизу свою голубушку онъ шукаетъ.
Добрый молодецъ по улицѣ гуляетъ,
Онъ во гусельки звончаты играетъ,
Онъ чужу жену хорошую разбужаетъ·

(*) Сыта—жидко разведенный медъ (арбузный, виноградный или пчелиный). Ѣдятъ ее на поминкахъ съ пшеничнымъ киселемъ.

—«Ужъ ты спишь ли, моя милая, спишь не слышишь?»
—«Я спать не сплю, любезный другъ, все слышу;
Какъ нелюбый мужъ лежитъ на правой рукѣ!»
—«Отвернись, моя любезная, отъ нелюба,
Я убью твоего мужа изъ лука туга!»
«Хоть убьешь, разлюбезный другъ, никакой корысти не получишь;
Хоть получишь, любезный другъ, злой напасти вѣкъ пропасти.»

* * *

Что ни по лугу было лужечку,
По зеленому было садочку;
Ходила млада гуляла тамъ вдовушка молодая;
Глядѣла смотрѣла на свои высокія хоромы:
—«Хоромы мои, хоромушки,
Развеселыя мои теремы;
Почто долго, мои хоромушки, непокрытыя стоите?
Или у васъ, мои хоромушки,
Хозяина у васъ въ домѣ нѣтъ?»
Отколь взялся мальчишечка,
Удалъ бравый молодецъ:
—«Скоро ли у васъ, мои хоромушки,
Хозяиномъ у васъ буду?».

* * *

Не туманъ то съ моря подымается,
Подымаются съ моря гуси лебеди.
Какъ одинъ то лебедь съ моря не подымется,
Онъ кричитъ то голоситъ ко своей лебедушкѣ:
—«Отзовись, откликнись, бѣлая лебедушка!
Гдѣ твое теплое гнѣздышко?

Еще гдѣ твои малы дѣтушки?»
-- «Какъ мое то гнѣздо на синемъ морѣ,
На синемъ морѣ, на островѣ;
Никто туда не залетывалъ,
Залетѣлъ то туда сизокрылый орелъ;
Онъ разбилъ разгромилъ мое теплое гнѣздышко,
Онъ разбилъ разорилъ моихъ малыхъ дѣтушекъ;
Онъ пушекъ то пустилъ по надъ небесью,
А перышки по синю морю;
Кровь то пила бѣла рыбица,
Пушекъ то брала красная дѣвица!»

* * *

Какъ у сѣраго селезня косичушки завивалися.
Не сами косичушки завивалися,
Завивала то ихъ сѣрая утица.
Завивши, сѣрая утица въ море уплыла;
Плывучи, сѣрая утица на камешкѣ сидѣла;
Сидючи, сѣрая утица громко воскликнула:
—Не сами у молодца кудри завивалися,
Завивала кудерцы красная дѣвица;
Не дивуйтесь, добрые люди, на мово́ сѣраго селезня;
Растошнешенько мнѣ молоденькой, мнѣ грустнешенько.

* * *

Со родимой со сторонушки вѣтерочки подуваютъ.
Какъ не ласточка къ доброму молодцу прилетѣла,
Нерадостныя вѣсти молодцу приносила:
Родимой твоей матушки въ живыхъ нѣтъ,
Твой родимый батюшка во гробу лежитъ,

Молодая твоя жена сидитъ у сосѣдей,
У сосѣдей сидитъ во пиру-бесѣдѣ,
Малыя дѣтушки твои сидятъ какъ сиротушки.

*
* *

Ужъ вы кудерцы мои, кудри молодецкія!
Съ радости то кудри завиваются,
Со печали черныя развиваются.
Не далече то было, было воздале́че,
Тамъ стоялъ то онъ высокій теремъ,
Съ окошечками теремъ со косящатыми,
Со стеколышками со хрустальными;
Въ терему то дѣвка Богу молилась;
Помолившись Богу, спать ложилась;
Нехорошій сонъ дѣвушка привидѣла:
Будто мой теремъ растворенъ стоитъ,
Будто мой милый у кроватушки стоитъ,
У кроватушки стоитъ, со мной рѣчи говоритъ.

*
* *

Сколь далече, мой милый, убираешься?
Во которую во сторонушку отправляешься?
Какъ со всѣми дѣвушками ты распростился,
Лишь со мной одной ты не простился;
Мимоѣздомъ ѣхалъ, ко мнѣ не заѣхалъ;
Или ты родимаго моего батюшку побоялся?
Или ты родимой матушки моей торонился? (*)
Или дѣвичьяго моего личика ты устыдился?
Какъ велѣлъ то велѣлъ мой милый пріубраться,
Надѣть свѣтлый бешметъ выйти за ворота,
Стать подъ бѣлую березу.

(*) Стѣснялся.

* * *

Свѣтъ ты, моя волюшка,
Свѣтъ ты, моя нѣгушка.
Свѣтъ ты моя дѣвичья красота!
Воля ты моя батюшкина,
Нѣгушка—родимой матушки,
А красота то ты моя дѣвичья;
Пойди ка ты, моя воля, во чистое поле,
А нѣга моя во темные лѣса,
А красота по красныъ дѣвушкамъ.
Ты ходи, воля, не захаживайся,
Ты гуляй, нѣга, не загуливайся,
А красота моя долго не красуйся.

* * *

Ну да что-жъ это за садикъ, за зелененкій такой?
Ну что жъ это за милый за хорошенькій такой?
Вложилъ мысли въ мое сердце, не могу его забыть,
Полюбила казаченька, начала о немъ тужить.
Прочи люди всѣ узнали и сосѣди говорятъ,
Меня дѣвицу ругаютъ, во глаза меня бранятъ:
Стыдно стыдно дѣвченочкѣ, стыдно по ночамъ ходить,
А еще того стыднѣе—стыдно молодца любить.
Дѣвченочка застыдилась, стала плакать и рыдать,
А молодцу жалко стало, сталъ ее онъ унимать:
«Не плачь, не плачь, дѣвченочка, не плачь, душечка моя,
Разгорится мое сердце, возьму замужъ за себя,
Разгорится ретивое, первѣнчаюсь я съ тобой!»
—»Я умру, жива не буду, на гробу я напишу,
Всѣмъ подружкамъ разскажу: подруженьки-сестрицы,
Не дѣлайте того, не любите никого:

Ни армяновъ, ни купцовъ, ни офицеровъ подлецовъ,
Полюбите вы, подружки, Гребенскіихъ казаковъ:
Гребенскіе казачки во всемъ войскѣ молодцы!

*
* *

Ты кручинушка, кручинушка моя,
Кручинушка несносная тоска!
Никому свою кручину не скажу,
На ретивомъ на сердечкѣ схороню;
Подъ окошкомъ сиротинушкой сижу,
Сквозь стеколышко на милаго гляжу:
— «Ужъ ты миленькій, пригоженькій ты мой,
Ужъ ты миленькій, лазоревый цвѣтокъ;
Ты когда то хаживалъ ко мнѣ,
Ты хаживалъ и любливалъ меня,
А теперь не сталъ ко мнѣ ходить,
Пересталъ меня любить!»

*
* *

Горѣла горѣлочка воску яраго свѣча;
Ждала ждала дѣвица удалого къ себѣ молодца;
Не дождавшись молодца, ложилася спать одна
Безъ милого безъ дружка.
Какъ на утренней зоринькѣ
Вдоль по улицѣ милый прошелъ,
Да любимую пѣсенку на свисточекъ просвисталъ:
«Да ты спишь-ли, дѣвица, на умѣ кого держишь?»
— «Я спать не сплю, молодецъ,
На умѣ тебя молодца держу;
Зачѣмъ, зачѣмъ, молодецъ,
Ты не во время ко мнѣ пришолъ?»
— «Затѣмъ, засѣмъ, дѣвица,

Я съ угрюмой женушкой на побраньицѣ былъ!»
—«Убей, убей, молодецъ, ты угрюмую свою жену!»
—«Глупая ты дѣвица, неразумны твои слова:
Мнѣ съ тобою, дѣвица, одну ночь ночевать,
А съ угрюмой женушкой весь вѣкъ вѣковать!»

*
* *

Ретивое мое сердце все во мнѣ изныло;
Ноетъ сердце изнываетъ къ тоскѣ прибываетъ.
Прибывай мое сердечко ко милу дружечку.
Зачѣмъ было говорить, что милъ ко мнѣ ласковъ,
Какъ соколикъ ясный.
Высоко соколъ летаетъ, меня покидаетъ.
Покидаетъ во кручинѣ, какъ корабль въ пучинѣ;
Покидаетъ меня въ горѣ, какъ корабль на морѣ.
Кораблечекъ на дно тонетъ, мое сердце ноетъ.
Подуй подуй, вѣтерочекъ, ко мнѣ во садочекъ:
У меня ли во садочкѣ дубчикъ кучерявый,
Мальчишечка бѣлъ кудрявый. (18)

*
* *

Просвѣти-ка ты, заря, до вечеру;
Ты до тѣхъ поръ свѣти,
Поколь батюшка свѣтелъ мѣсяцъ взайдетъ;
Чтобы льзя то ли можно молодцу
Итти вдоль по улицѣ,
Зайти ко сударушкѣ, ко красной ко дѣвушкѣ.

*
* *

Ужъ ты голубь мой, голубочекъ,
Сизокрылый ты мой, воркуночекъ;

Почто ты, голубочекъ, ко мнѣ въ гости не летаешь?
Или ты, мой голубочекъ, подворья моего не знаешь?
Прилетай ко мнѣ, голубь, со вечера поздненько,
Сядь, мой голубь, на мое спальнее окошко,
Прожалкуй, проворкуй мнѣ пѣсню жалобнешенько.

*
* *

Поле мое, поле чистое!
Лугами зелеными, цвѣтами лазоревыми
Садами зелеными ты, поле, покрыто.
Случилось молодцу мимо сада ѣхать, въ саду послушати;
Въ саду соловей громко пѣетъ,
Сидючи на чистъ-ракитовомъ кусту;
Что подъ тѣмъ кустомъ много было пито-ѣдено,
Съ сердечнымъ дружкомъ рѣчь была говорена!

*
* *

Проходи-ка ты, лѣто теплое, пройди поскорѣй;
Вы поблекнете въ полѣ алые цвѣты;
Пожелтѣйте всѣ листочки на деревьяхъ,
Не теките воды быстрыя ручьемъ;
Милъ-сердечный другъ отъѣзжаетъ отъ меня.
На кого-же въ горѣ покидаешь одную?
Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить,
Пришло время, начало седце крушить;
Что сушитъ крушитъ, я не знаю какъ и быть;
Съ воздыханьица груди бѣлыя болятъ,
Съ возрыданьица сердечушку тяжело.

*
* *

Ужъ ты улица, моя улица, славная Милліонская.

По тебѣ то я хожу, по славной по улицѣ,
Хожу младецъ прохлаждаюся;
Что чужой то женой похваляюся;
Что чужа то жена лебедь бѣлая;
Безъ бѣлилицъ у ней лицо бѣлое,
Безъ румянецъ у ней щечки алы,
Безъ шурмилицъ (*) у ней брови черны,
А моя то жена полынь горькая трава. (19)

* * *

Дѣвка по саду шла, по зеленому ходила млада гуляла,
Изъ правой руки, рукавчика, песочекъ она точила;
Источивши этотъ желтый песокъ, рѣчи говорила:
Еще ты когда, желтый песокъ, въ землю взойдешь,
Вотъ тогда то, разлюбезный другъ, ко мнѣ въ гости прійдешь;
Ужъ ты подь-поди, разлюбезный другъ,
Ты ко мнѣ на праву руку.

* * *

Ужъ ты ноченька, моя темная!
Ты дѣвченочка моя, дѣвонюшка размилая,
Ты скажи, дѣвонюша, съ кѣмъ ночку гуляла?
Съ кѣмъ долгую, ее темную, дѣвонюшка, коротала?
Я ждала своего разлюбезнаго дружка,
Я ждала его поджидала,
Я косящатое окошко затворить забыла.

* * *

Ходила дѣвонюшка она по песочку,
Искала дѣвонюшка всякаго слѣдочку,
Наколола ноженьку на былинку,

(*) Шурмила—фиксатуаръ.

Болитъ моя ноженька да не больно;
Любилъ меня миленькій да не долго;
Бросилъ кинулъ миленькій
На малое времечко, на одинъ часочекъ,
А часочекъ показался мнѣ за денечекъ,
А денечекъ показался мнѣ за недѣльку,
А недѣлька показалась за годочекъ;
Поѣхалъ мой миленькій въ иной городочекъ,
Прислалъ мнѣ миленькій шелковый платочекъ.

*
* *

Протекайте рѣки быстрыя да вы ручьемъ,
Проходи-ка, время скучное, да ты поскорѣй.
Пришло время, дѣвица начала сердцемъ болѣть.
Гуляла красная дѣвица въ зеленомъ саду;
Заблуждалась дѣвица во темномъ лѣсу,
Выблуждалась дѣвица къ крутому бережку,
Становилась дѣвица на желтомъ песку,
Разстилала дѣвица шелковый платокъ,
Становила она сладкой водки полуштофъ,
На закусочку—французскій бѣлый пирогъ,
На забавочку —яблочковъ пятокъ.

*
* *

Что-же ты, селезень, не веселъ сидишь?
Какъ-же мнѣ селезню веселому быть?
Вечѐръ поздно вечеромъ со мной утица была,
А нонче рано поутру подстрѣлена она.
Не жалко-бы подстрѣлена, если—это на водѣ,
А жалко подстрѣлена на шелковой на травѣ.
Что-же ты, молодецъ, не веселъ сидишь?

Какъ же мнѣ молодцу веселому быть?
Вечеръ поздно вечеромъ со мной дѣвица была,
А нонче рано поутру просватана она.
Не жалко-бы просватана если-бъ за меня,
А жалко просватана за злодѣя моего.

* * *

При городѣ было при долинѣ туманъ разстилается;
Между тѣмъ то туманомъ сизъ голубь летаетъ;
Онъ летаетъ да харкаетъ, голубку шукаетъ.
Раскушу я этотъ орѣшекъ, выну я сердечко—
Ретивое сердце ничего не знаетъ.
Не видало-ль, че слыхало-ль про мою голубку?
—Не видало, не слыхало, не знаю кака она!

* * *

Ужъ вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои!
По вамъ то я хожу, сѣнямъ, красуюсь;
На правой рукѣ яснаго сокола держу:
—«Полети, ясный соколикъ, куда я тебя пошлю;
Полети, мой соколикъ, въ Тифлисъ городъ;
Да ты сядь, мой соколикъ, на княжескій кабакъ;
Ты узнай, признай мово́ дружка милаго;
У него то есть двѣ примѣтушки:
На первая примѣтушка—лицо бѣлое,
На вторая примѣтушка—кудри черные!»

* * *

Еще не туманъ по полю, туманъ по чистому полю,
Туманъ устилается;
Сквозь туманушка краснаго солнышка не видно;

Только видна была на сыромъ дубу его вершина,
Подъ которой со любезнымъ дружкомъ,
Съ миленькимъ мы стояли;
Про все то, про все, мы со любезнымъ дружкомъ,
Про все съ милымъ говорили;
Одно тайненькое, задушевное словечушко
Сказать его позабыли.
—«Не женись, любезный другъ,
На вдовой вдовушкѣ—она постелюшку мягку
стелетъ,
Сама слезно плачетъ.
Жинись-ка ты, раздобрый молодецъ,
На красной на дѣвицѣ—
Она постелюшку мягку стелетъ,
Сама пѣсенки пѣетъ, тебя молодца вспоминаетъ.

*
* *

Ты соколикъ, мой соколикъ, соколъ ясный!
Онъ влетѣлъ соколъ во бесѣдушку,
Онъ схватилъ-то соколъ бѣлу лебедушку;
Что лебедушку, лебедь бѣлую, Домну Михѣевну.
Цвѣты мои, цвѣтешеньки, цвѣты мои подруженьки;
Провожайте меня, красную дѣвицу, послѣднiй разъ.
Разлука моя, разлукушка, разлучила ты меня, разлукушка,
Ты съ отцомъ моимъ-со матерью,
Со красой моей со дѣвичьей, со косой моей со русою;
Раздѣлилась краса моя дѣвичья на двѣ сторонушки,
Растрепалась краса моя дѣвичья на сырой землѣ. (20)

*
* *

Не люблю я, матушка, не люблю, сударушка,
Своего мужа его дурака.

Полюблю я, матушка, полюблю, сударушка,
Гребенского казака.
Казачекъ малоденькій, казачекъ хорошенькій,
Разудалый молодецъ, ходитъ по бережку,
Ходитъ по крутому, по желтому по песочеку;
Чешетъ свои кудерцы, чешетъ свои русые
Бѣлымъ рыбьимъ гребешкомъ;
Причесавши кудерцы, причесавши русые,
Вдоль по улицѣ молодецъ да онъ прошелъ.
Прошелъ милый улинку, прошелъ милый широку,
Ко сударушкѣ въ гости зашелъ.
—Сударушка-дѣвушка, лебедушка бѣлая,
Ты неправдою, шельма, живешь!

* * *

Не во славномъ городѣ Тифлисѣ дѣвка по саду шла,
По зеленому ходила млада гуляла;
Съ камешка на камешекъ дѣвка переступала;
Свои рѣзвы ноженьки она колола;
Она плакала красная дѣвица, плакала рыдала;
Свою буйную головушку она чесала,
Она русую косыньку свою заплетала,
Все шелковую кисточку она вплетала;
Она плакала красная дѣвушка, плакала рыдала;
Гнѣвъ то клала на родного батюшку, на него пеняла:
Отдаетъ меня батюшка, даетъ не за ровнюшку;
Не за ровнюшку, на чужу сторонушку,
За того ли сына, сына казачьяго,
За того ли князя, князя Волконскаго.

* * *

Ужъ вы, ноченьки мои, ночи темныя;
Вы темныя ноченьки, будьте свѣтлыя,
Чтобы льзя то было можно молодцу
Пройти вдоль по улицѣ, пройти вдоль по широкой,
Зайти ко сударушкѣ, ко красной ко дѣвушкѣ.
Ужъ я часъ-то стоялъ, ужъ я и другой стоялъ;
На третьемъ часу ужъ я сталъ посвистывать,
Изъ ума то красную дѣвушку сталъ вывѣдывать:
Ужъ ты спишь ли, милая, спишь не слышешь,
Ничегошенько, моя милая, ничего мнѣ неговоришь!
Пристыли мои ноженьки ко матушкѣ сырой землѣ,
Застала то меня заря утренняя!

*
* *

Мнѣ, матушка, тошненько, сударушка, грустненько;
Пить и ѣсть мнѣ не хочется, игра-гульбы на умъ не идутъ;
Сердечный другъ съ ума не идетъ, со крѣпкаго мовó разума;
Я выйду на красенъ крылецъ,
Посмотрю вдоль по улицѣ въ конецъ:
Всѣ друзья, братья, товарищи изъ похода идутъ,
А моего дружка коня ведутъ.
Въ торокахъ везутъ его рубашечку кровавую.
Велѣлъ миленькій, наказывалъ, честью-лестью уговаривалъ,
Велѣлъ выбанить рубашку ни на рѣчкѣ на Терекѣ,
Во горючихъ слезахъ сиротскіихъ.
Велѣлъ милый высушить рубашку не на вѣтрѣ на солнышкѣ,
На своихъ грудяхъ сиротскіихъ.

*
* *

Тутъ шли прошли у насъ со любезнымъ дружкомъ
Веселые наши денечки;
Миновали у насъ всѣ гульбы — прохлады;

Еще что любовь то дружба у насъ помрачилась;
Призасохъ то призавялъ у мово́ любезнаго дружка
Садочекъ его зеленый;
Въ саду вишеньки, *на* сладкія яблоньки,
Всѣ въ саду вишни посохли;
Еще тамъ соловьюшки, *на* мелкія пташечки,
Всѣ врозь они разлетѣлись;
Одинъ соловьюшекъ, *на* мелкая пташечка,
Одинъ въ саду оставался; (21)
Тонко звонко бѣдный соловьюшекъ пѣсню пѣетъ.

* * *

Я сегодняшнюю темную ноченьку мало сыпывала;
Подъ косящатымъ окошкомъ всю ночь просиживала;
Я шила вышивала тоненьку рубашку пано́чку своему;
Я по вороту вышивала двухъ сизыхъ орловъ;
По плечикамъ вышивала двухъ ясныхъ соколовъ;
По всей тоненькой рубашкѣ—*на* мелкихъ пташечекъ.
Ужъ я буживала побуживала пано́чка своего:
—«Ужъ ты встань, проснись, мой возлюбленный,
Еще ты, паночекъ, мой дорогой!»

* * *

Сударушка ты моя, отдалилась ты отъ меня,
Скучнешенько да мнѣ жить безъ тебя;
Тосковалъ то я цѣлу ночь,
Полюбилъ я казачію, шельму, дочь;
Я любить то ее не любилъ,
Зачастешенько въ гости къ ней ходилъ,
Я подарочки ей носилъ—сладки пряники на меду;
Безъ милой подружки жить не могу.

*
* *

Ужъ вы, кумушки, голубушки, подруженьки мои,
Вы прійдите посидите, побесѣдуйте у меня;
Попросите меня у батюшки въ зеленъ садъ погулять.
У батюшки во садикѣ черносливы, вишни разцвѣли;
У матушки—сладка ягода въ саду, виноградъ;
У мово мила дружка сладка яблонька въ саду растетъ;
На той яблонькѣ соловей громко поетъ.
—Ты не пой, соловьюшекъ, не пой, варваръ молодой;
Не давай тоски-назолушки сердечушку моему—
Ужъ и такъ мое сердечушко безъ огня во мнѣ горитъ;
Ужъ и такъ мое ретивое безъ полымя во мнѣ шумитъ;
Зазнобилъ мое сердечушко офицеръ бравый, молодой;
Зазнобилъ мое ретивое, самъ въ походъ скоро пошелъ.

*
* *

Вы повѣйте, вѣтры буйные,
Собиритесь тучи грозныя,
Прогремите вы, громы громкіе,
Вы прожгите молніи жаркія;
Упади ты, упади, бѣлъ-горючъ камень,
Ты пробей мать-сыру землю, гробову доску;
Подыми ты бѣлый саванъ:
—Ты встань, возстань, родимая маменька,
Прилети на широкій дворъ, во высокій теремъ;
Ты сядь на окошко, послушай своей чады пѣсенъ;
Какъ твоя то сирота она убивается,
Горючей то слезой она обливается.
Не для поры, матушка, бесѣдушка,
Для великаго благословеньица:
Провожать то меня есть кому,

А благословлять то меня будетъ не кому;
Провожать будутъ все чужіе люди,
А встрѣчать будутъ все незнамые. (22)

*
* *

Купчинушка молодой, купчинушка бѣлъ-кудрявый.
По городу купчинушка ѣздитъ-разъѣзжаетъ,
Дорогіе покупочки закупаетъ.
Какъ никто молодого купчинушку не признаетъ;
Признавала его добра молодца дѣвка-нѣмка.
Изъ косящатаго было окошка, изъ хрустальнаго стеколышка
Выходила его встрѣчать молодца дѣвушка:
—«Ты зачѣмъ, добрый молодецъ, зачѣмъ сюда заѣхалъ?»
—«Занесла меня добраго молодца
Нужда крайняя, она государева!»

*
* *

Какъ упалъ туманъ на сине море,
А злодѣйка-печаль въ ретивое сердце.
Не подняться туману съ синя моря долой,
Не выйти тоскѣ-кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ на небеси,
Во чистомъ полѣ огонекъ горитъ;
У огонька постланъ коверъ шелковый;
На коврѣ то лежитъ добрый молодецъ,
Будто хочетъ онъ молвить словечушко.
—Ты вставай, вставай, добрый молодецъ,
Ты сѣдлай коня своего добраго,
Ты ступай, ступай въ нашу сторону,
Къ роду племени, къ отцу, къ матери,
Къ молодой женѣ, къ малымъ дѣтушкамъ;
Да скажи, что женился ты на другой женѣ
И женила тебя пуля быстрая.

*
*   *

Еще не вечéръ-то я свовó милóго провожала его далеко;
Еще я до тѣхъ поръ его провожала, гдѣ скончалась съ милымъ любовь,
Гдѣ скончалась, съ милымъ разставалась,
По любови дружку сказала:
Еще ты какой скверный любитель,
Почто сдѣлалъ моему сердцу вредъ?
Еще ты разсыпалъ да ты жаръ по сердцу —
Изъ личика моего сталъ онъ выступать,
Стала дѣвица плакать и рыдать.
Ты о чемъ дѣвка плачешь, о чемъ красная слезы льешь?
Еще какъ же мнѣ дѣвкѣ не плакать,
Еще какъ же мнѣ красной слезы не лить?
Какъ одинъ былъ садикъ зеленый и тотъ сталъ засыхать,
Какъ одинъ то былъ дружочекъ миленькій,
И тотъ сталъ милый меня забывать.

*
*   *

Не ласточка, не касаточка въ полѣ она увивалася;
Увивалася красная дѣвушка у моей кроватушки;
Разбудила она красная дѣвица своего дружка милаго·
—«Да ты встань, проснись, раздушечка, ты отъ сна пробудись,
У твоихъ ли воротъ широкихъ стоятъ други-недруги,
Они въ рукахъ то держутъ по ножичку,
Все по ножичку держутъ, по булатному;
Они хотятъ тебя добраго молодца рубить рѣзати,
А меня хотятъ молодую на позоръ возвесть!»

*
*   *

Полно, милая моя, крушиться
Тайнымъ сердцемъ обо мнѣ,
Намъ пора съ тобой ясно открыться,
Сказать, милая, все тебѣ.
Время важное наше приходитъ,
Протекаютъ дорогіе дни,
Еще какъ пройдутъ они только минуютъ,
Да настанутъ горечны часы.
Еще разовьется она расплетется
У дѣвушки русая коса.
Красоты въ лицѣ моемъ не станетъ
Въ самый жаркій лѣтній день;
Безъ бѣлилъ мое лицо бѣло.
Безъ румянъ щеки алы.

* * *

Ни сестра то брата вотъ братца встрѣчала,
Еще за два повода коня принимала,
За дубовые столики молодца сажала,
Зелено вино братцу подносила:
—«Еще ты здоровъ-ли, мой братецъ родимый,
Еше ты сродничекъ мой приближенный?
Еше какъ хочу то у тебя спросить,
Какова-то тебѣ служба, служба государева?»
Какъ отвѣтъ-то держалъ мой братецъ родимый:
—«Зимова то служба—коню корму нѣту,
А мнѣ молодцу — кручина;
Веснова то служба—коню корму много. (23).
А мнѣ молодцу веселье.

* * *

*
* *

Да не свѣтлая, вотъ темная ноченька все свѣтитъ безъ
мѣсяца;
Не веселая наша пиръ-бесѣдушка безъ моего дружка ми-
лаго,
Какъ безъ миленькаго, безъ моего надежиньки,
Безъ моего-ли мила дружка.
Что стругалъ миленькій стружечки
Все изъ моего-то лѣсу крѣпкаго;
Еще стругалъ—сопалилъ мою душечку, ретивое сердце;
Еще вынималъ миленькій во мнѣ кручинушку,
Еще заставилъ меня миленькій горе мыкати.

*
* *

Гуляй, гуляй, дѣвушка, у батюшки во зеленомъ саду;
Еще къ тебѣ, дѣвица, соловьюшекъ прилеталъ,
Добрый молодецъ къ тебѣ въ гости приходилъ:
—«Пойдемъ, пойдемъ, дѣвица, въ чисто поле со мной
гулять,
Разобьемъ мы, дѣвица, полотняный бѣлый шатеръ
Мы возьмемъ, дѣвица, тесовую твою кровать!»
—«Ложись, молодецъ, въ головушкѣ тебѣ поищу!»
Уснулъ молодецъ у дѣвчонки на правой рукѣ,
На миткалевомъ бѣломъ рукавѣ.
Проснулся молодецъ — нѣтъ ни дѣвицы. ни коня;
Заставила меня дѣвица по чистому полю пѣшкомъ ходить,
Шелковую плеточку въ рукахъ носить.

*
* *

Вы не дуйте, не бушуйте. сильные вѣтерочки;
Не носите-ка вы на мою подворинку снѣгу бѣлаго.

Такъ-то моя широкая подворинка ранешенько она запу-
стѣла;
Зарастаетъ она, моя широкая подворинка,
Травушкой она да все муравушкой;
Зацвѣтаетъ моя широкая подворинка
Цвѣточками все лазоревыми.
Не ясенъ то соколъ ужъ онъ только со тепла гнѣзда,
Соколъ да онъ солетаетъ;
Съ широка двора удалъ добрый молодецъ
Да онъ соѣзжаетъ;
Никто-то добраго молодца, никто его провожать не идетъ:
Ни батюшка его, ни родная матушка,
Ни родъ его, ни племень.
Провожала то его добраго молодца его только молодая жена;
Еще у стременница у булатнаго
Всю ноченьку она простояла;
За два повода еще тесменные
Добра коня она продержала. (24).

*
* *

Со полуночи мой мужъ гулять ходитъ,
Ко бѣлой зарѣ домой онъ приходитъ.
Онъ стучитъ то гремитъ мой мужъ въ ворота:
—«Отворяй-ли млада, шельма, широкія,
Принимай-ка, жена, меня со добычею,
Со добычей-ли мужа отъ красной отъ дѣвицы!»
Отворяла-ли жена своему мужу ворота,
Принимала своего мужа его не съ пріятствомъ:
—«Ужъ ты сядь-ка, мой мужъ, муженечекъ,
Ужъ ты сядь-ка, мой мужъ, тебя я раздѣну,
Я раздѣну-ли мужа, я его разую!»

Разувала-ли мужа жена, ноги рѣзвыя его слезами обливала:
— «Ужъ вѣрно-ли, мой мужъ, муженечекъ, ты меня бросилъ?»

* * *

Ужъ вы куры мои, мои кочеточки.
Золотые ли вы мои гребешечки;
Вы не пойте куры утромъ рано на зарѣ,
Не будите моего гостя дорогого.
У меня младой мужишка гуляка, забіяка.
Онъ со вечеру кудри чешетъ,
Какъ съ полуночи ходитъ гуляетъ,
Ко бѣлой зарѣ ужъ онъ приходитъ,
Онъ стучитъ гремитъ въ окошко:
— «Ты встань, проснись, моя немилая,
Вся родня твоя постылая;
Ты разуй меня, раздѣнь помаленьку,
Положи ты меня на перинку,
Ты одѣнь меня одѣяльецемъ!»

* * *

Я не самъ то ко своей сударушкѣ ходилъ,
Я любезнаго къ ней дружка брата засылалъ.
Она вотъ моя сударушка ко мнѣ идетъ;
Мимо садика шла, въ окошечко стукнула,
Сквозь нѣмецкое хрустальное стекло
Она милому дружку ручку подала;
Безъ допросу, безъ докладу въ его горенку пошла,
Садилась-то она на тесовую его кровать,
Она стала дружка цѣловать-миловать,
Она стала его раздушечкой называть.

*
* *

Ужъ вы вздохи мои, вздохи тяжкіе, очень тяжелые!...
Ты вздохни, вздохни, моя сударушка, обо мнѣ.
Ужъ я самъ же, мой другъ, по тебѣ буду вздыхать.
Слышу-вижу — ты скоро уѣдешь, другъ мой отъ меня.
Хоть уѣду, моя сударушка, — во вѣкъ не забуду!
Въ Грузіи буду стоять, частыя письмеца буду писать.
Я частыя письмеца буду получать да мелкія строчки
слезами заливать,
Даренымъ платкомъ твоимъ буду утирать.
Утирай моя надежа, моего платка не жалѣй,
Когда Господь меня лучитъ, лучшій подарокъ привезу *).

*
* *

Ужъ ты молодость, моя молодость, ты дѣвичья красота;
Не чаяла, молодость, измыкать я тебя;
Чужа дальня сторона—отецъ, мать не своя.
Я у батюшки, у матушки едина дочь была,
У родимаго у братца воспонѣжилась;
Я безъ пива, безъ вина одинъ часокъ не была,
Безъ рыбушки ѣсть не сяду, безъ мила дружка не ѣмъ,
Безъ милаго дружка не лягу, безъ надежи не усну,
Хоть уснется мнѣ младой, во снѣ видится милой,
Будто это мой милой съ дальней службы пришелъ,
Вдоль по улицѣ онъ прошелъ.

*
* *

*) Записана со словъ казака станицы Новогладковской Евтѣя Смирнова.

*
* *

Весь денечекъ въ саду я дѣвица пробыла,
Весь денечекъ дѣвица дружка мила прождала;
Не дождавшися дружочка, я изъ садика пошла,
Бѣлое личико свое я слезами облила;
Во слезахъ я дѣвица пути-дорожки не нашла.
Вотъ навстрѣчу мнѣ дѣвицѣ идетъ миленькій дружокъ,
Не дошелъ онъ до меня, низко кланялся:
—«Ты здорова-ли дѣвица, моя красавица, радость моя?»
—«Здорова миленькій, безсовѣстны твои глаза;
Слышу я дѣвица, ты смѣешься надо мной.
Я сама-то дѣвица тебѣ насмѣшку эту отсмѣю:
Я не лучшаго твоего товарища полюблю,
А тебя-ли, мой милый, на вѣки погублю!»

*
* *

Ужъ вы кудри мои, кудри русые, молодецкіе!
Съ радости то кудри завиваются,
По могучимъ плечамъ разщепляются;
Со кручинушки мои кудри развиваются.
Ты коса, моя косынька, коса моя русая!
Немножечко еще косѣ красоваться:
Хочетъ меня родимый батюшка замужъ отдать,
А я, красная дѣвица, стала плакать и рыдать;
Родимая матушка стала тѣшить меня:
—«Не плачь, не плачь, красная дѣвица—
Отдамъ я тебя со приданнымъ большимъ—
Золотую коробочку со всякимъ добромъ,
Старую старушечку во ключницы,
А красную дѣвушку во постельницы». (26).

*
* *

*
* *

Березонька ты моя, березонька, береза кудрявая.
А со корня, березонька, еще шеллеватая *),
А со вершинушки все кудреватая.
Любила березонька при холодѣ стояти,
Съ буйными вѣтерочками изволила бушевати.
Дѣвица красавица у матушки любила посидѣти,
И во садикѣ любила погуляти;
Садовые яблочки изволила сорывати,
Ко своему ко милому во корпусъ посылати.
Онъ то лѣтомъ ходитъ по походушкамъ,
А зимою то стоитъ по квартирушкамъ.
Ты квартирушка моя зимовая, а хозяюшка вдова молодая.
Становится на квартиру ко вдовушкѣ.
Становится молодой полковничекъ,
И проситъ ли у вдовушки того овса-сѣна;
—«Овесъ то сѣно я не косила, а тебя полковника
На квартиру то я все не просила!»
—«Дай мнѣ, вдовушка, постель бѣлую, пуховую!»
—«Я тридцать лѣтъ вдовушка сиротою
И этой напасти у себя не видѣла!»
—«Ни въ одной ли церкви мы съ тобой вѣнчались,
Золотымъ колечушкомъ съ тобой обручались?»

*
* *

Вспомнимъ, вспомнимъ, моя любезная,
Нашу прежнюю любовь;
Какъ мы съ тобой, милая, погуливали,
Осеннія ночи мы не сыпывали,
Мы тайныя съ тобой секретныя рѣчи говаривали —

*) Шеллеватая—хорошо подчищенная снизу.

Тебѣ, мой другъ, не жениться, а мнѣ замужъ не итти.
Въ чистомъ полѣ, широкомъ раздольѣ разбитъ бѣлъ шатеръ.
Въ томъ шатрѣ бѣломъ полотняномъ въ цимбалушки бьютъ —
Знатно, знатно, мою любезную сговариваютъ.
Сговоривши мою любезную, къ вѣнчанью ведутъ.
Женихъ беретъ за рученьку, дружкó беретъ за другую,
Третій стоитъ — его сердце болитъ.
Любилъ, любилъ, а самъ не взялъ,
Кормилъ всякимъ вкусомъ *).
Прочилъ, берегъ для себя, но досталась моя любезная
Иному шельмѣ, не мнѣ, все злодѣю моему.

* * *

Говорила я своему милому, отецкому сыну:
Не ходи, милый, къ окошку, не тори стежку-дорожку,
Не прокладывай слѣдочку къ зеленому садочку.
Въ саду батюшка родной гуляетъ — слѣды разбираетъ.
Примилого дружка слѣды доведутъ меня до бѣды,
До обидушки все большія, до славушки все худыя.
Худа славушка обуяла, да любовь съ милымъ большая,
Кроватушка нова тесовая построена она на разлучномъ мѣстѣ;
Построена была эта кроватушка изъ безсчастнаго дерева,
Что изъ горькой тополи она была, изъ осины,
Что изъ самой то изъ ея вершины,
Никогда эта кроватушка пуста не стояла,
Миткалевое одѣяльеце въ ногахъ не лежало.

* * *

---

*) Всякимъ вкусомъ — всякимъ кушаньемъ.

*
* *

Еще пріятель ты мой, пріятелюшка, миленькій дружочекъ.
Еще позабылъ ты, мой милый, сердечный другъ,
Всю любовь нашу, пріятство.
Что шутя то любя, своему дружку миленькому,
Шутя, ему говорила;
Еще на гнѣвъ то его, своего дружка миленькаго,
На гнѣвъ его наводила;
—«Ты не ѣздій-ка ты, мой милый, сердечный другъ,
На низъ по Кубани.
Не доѣзживай ты, мой милый, сердечный другъ,
До мелкаго броду;
Что до мелкаго броду, мой милый, сердечный другъ,
До каменнаго мосту;
Какъ у каменнаго мосту, мой милый, сердечный другъ,
Лежитъ грудь побита;
Еще пропадетъ твоя, мой милый, сердечный другъ,
Головушка она понапрасну;
Наваляется оно твое тѣло бѣлое
Оно по чистому полю;
Расклюютъ то твою буйную головушку
Черные вороны;
Еще растерзаютъ то твое тѣло бѣлое
Они звѣри лютые;
Еще разнесутъ то твои черные волосы
Вѣтры буйные по чистому полю.

*
* *

Какъ у сыра-то дуба нѣтъ отростьевъ у него,
А у милого дружка нѣтъ друзей пріятелей.
Собиваетъ меня миленькій еще со кроватушки,

Еще со пуховинькой милый со перинушки,
Со высокихъ ли меня съ изголовьицъ.
Ужъ пойду я млада во зеленый садъ,
Я нарву-ли, нащиплю хмѣлю яраго,
Наварю-ли я, настою пива пьянаго,
Собиру-ли я, созову ее пиръ бесѣдушку;
Я за батюшкой, за нимъ посла пошлю,
А за матушкою слугу вѣрнаго,
За милымъ дружкомъ дѣвица сама пойду;
Я возьму его за правую руку и поведу
Во высокъ свой теремъ; посажу
Его за дубовый столъ; напою, угощу
Его пивомъ пьянымъ.

* * *

Еще ты тоска, злая кручина, грусть великая, тоска-печаль;
Еще я со той тоски кручины въ зеленой пойду я садъ гулять:
Не увижу-ли своего милого, сердечнаго дружка своего.
Увидавши своего милого, касатушка, къ нему бросилась;
На шеюшку дружку бросилась, грудь слезами залила.
Во слезахъ-то дружку говорила, говорила ему въ глаза:
—«Почто, миленькій, ко мнѣ не ходишь и слѣдочка не кладешь.
Или нашелъ лучше, или нашелъ краше ты меня?»
Ты, судьба моя, судьба презлая, до чего, судьба, ты довела?
Еще ты во гробъ меня, судьба, ссылаешь,
Ни въ чемъ радости мнѣ не даешь.

* * *

*
* *

Не во славномъ мѣстечкѣ, подъ Бѣлой горой,
Тамъ стояли казачьи бѣлыя палатушки;
Во тѣхъ бѣлыихъ палаткахъ—Гребенскіе казаки.
Они день-атъ во бикетѣ, а ночь во секретѣ;
Не обувши, все разувши, басо́мши *), позябли;
Всѣ потлѣли, погорѣли казачьи квартиры;
Одинъ, одинъ остается зеленый садочекъ;
Въ томъ зеленомъ садочкѣ груша садовая,
Груша, груша садовая —панння молодая;
Панння, панння молодая съ Гребенцомъ гуляла,
Панння съ Гребенцомъ гуляла, во глаза ругала:
—«Ты разбейся сынъ Гребичъ **), господинъ полковникъ,
Распусти ты всю Россію по всей моей Польшѣ,
Какъ по всей ли моей Польшѣ, по городу Варшавѣ!»

*
* *

Грусть, досада, печаль одолѣла, не могу ее снести;
Куда служба отзываетъ, туда долженъ я итти;
Долженъ, долженъ непремѣнно сказать, «милая прости!»
Ты прощай, прощай, моя милая, прощай жизнь, радость моя!
Жить въ походѣ —это неволя молодому казаку.
Не желалъ-бы больше счастья — сизы крылышки себѣ;
Я взвился-бы, полетѣлъ-бы къ раздушечкѣ въ зеленъ садъ;
Я взвился-бы, опустился предъ сударушкой своей;
Ужъ я сѣлъ-бы, посидѣлъ на ея правомъ плечѣ;
Посмотрѣлъ-бы, поглядѣлъ-бы на ея бѣло лицо;
Цѣловалъ-бы миловалъ-бы ее въ сахарны уста.

---

*) Басомши — босые.
**) Гребичъ — Гребенецъ.

*
*   *

Ужъ ты, душечка, душа добрый конь;
Не ходи-ка, душа, да ты на Дунай рѣку,
Изъ которонькой она красная дѣвица умывалася,
Еще что *на* бѣлыми бѣлилами она бѣлилася,
Что *на* алыми румянами она румянилася,
Что *на* черными шурмилами она шурмилася,
Еще во свѣтленькое зеркальце она смотрѣлася,
На свою-то красу красная дѣвица она диновалася:
-- «Еще ты краса, моя красоточка, краса моя дѣвичья!»
Доставалася она краса красной дѣвушки мужу старому.

*
*   *

Дорогое наше пиво пьяное, дорогая наша пиръ-бесѣдушке,
Что бесѣда она смиренная.
Во бесѣдѣ то сидятъ все люди добрые, они все хорошіе;
Какъ у нихъ то рѣчь зашла про матушку каменну Москву:
Отчего это каменна Москва загоралася?
Ни отъ вѣтровъ ни отъ буйныхъ,
Загоралась каменна Москва отъ молодой вдовушки,
Пороховыми выходами;
Уронила она молодая вдовушка свѣчу она воску яраго;
Вотъ отъ того-то каменна Москва, отъ того она загоралася.

*
*   *

Черезъ садикъ дороженька лежала,
Черезъ новый широкая лежала.
Мимо ѣхалъ Федоръ сударь на конѣ,
Мимо ѣхалъ Михайловичъ на добрымъ.
Привязалъ коня къ сырому дубу яровому,
А самъ пошелъ къ окошечку слушати.

Ему слышалось — кукушечка кукуетъ,
Ему слышалось — горюшечка горюетъ.
Молодая сваха цвѣты алы рвала,
Поля косу плела, плакала,
Прокофьевна заплетала, рыдала:
— «Какъ мнѣ жаль то, жаль родимаго батюшку,
А еще того жалчѣе родимую матушку!»

* * *

Когда то было русско поле, а теперь стала неволя —
Сушитъ-крушитъ молодчика молодого, неженатаго холостого.
Было у братца три сестрицы, три сестрицы желанницы *).
Самая старшая идетъ — коня ведетъ,
А средняя идетъ — сѣдло несетъ,
Са́ма меньшая идетъ — слезно плачетъ;
Слезно плачетъ, причитываетъ:
— «Ужъ ты, братецъ нашъ, ты одинъ у насъ,
Почто-же, братецъ, покидаешь насъ?»
— «Пойди, сестра, до Дунаю,
Набери, сестра, песку съ краю,
Да посѣй, сестра, на камешкѣ;
Вставай, сестра, ранешенько, поливай, сестра, частешенько.
Нѣту дождю, нѣту всходу, нѣту братца изъ походу;
Нѣту грома, нѣту града, нѣту брата изъ отряда;
Нѣту листьевъ, нѣту цвѣту, нѣту брата во всемъ свѣтѣ!»

* * *

Сколько мнѣ было досадно на улицу не итти;
Снялась бы съ горя полетѣла, кого вѣрно я люблю.
Люблю своего дружка милого, какъ мать свое дитя;
А онъ, шельма, не вѣритъ, что я такъ его люблю.

---

*) Желанницы — жалѣвшія.

Катитеся, горючія слезы, катитеся изъ глазъ!
Прелестная была дѣвченка, прелестная хороша!
Никто такъ въ полѣ не страдаетъ, какъ милый на войнѣ;
Пули быстрой не боится, а самъ-то весь онъ въ крови.
Не черна туча пронеслася, то военный громъ гремѣлъ.

* * *

Я то сегодняшній младъ этотъ денечекъ
Въ тоскѣ, горѣ пробывалъ.
Моя любезная сударушка письмецо ко мнѣ писала:
—«Полно, миленькій, намъ съ тобой браниться,
Время со мной помириться!»
—«Я браниться съ тобой не бранюся,
Мириться съ тобой не буду;
Я тогда съ тобой примирюсь, когда жизни своей лишусь;
Какъ закроются мои очи ясные черными бровями,
Какъ положатъ меня младого младенька въ дубовую гробницу,
Какъ закроютъ меня младого младенька бѣлою меня кисеею;
Какъ засыпятъ меня младого младенька черною меня землею.

* * *

Денечекъ милый проходитъ, ве́черъ милый вечерѣетъ.;
Посла милый присылаетъ, и самъ за нимъ пріѣзжаетъ:
—«Дома-ль дома, моя милая, радость дорогая?»
Ужъ не я ли млада младенька на ножку леге́нька?
Я на ноженьку леге́нька, съ постели вставала,
Дружку двери отворяла:
—«Ты, дружочекъ мой милый, орелъ сизокрылый!
Ты далече-ль, милый, ѣдешь, куда отъѣзжаешь?»
—«Ужъ я ѣду, отъѣзжаю въ иной славный городочекъ,
На единый на часочекъ!»

*
* *

Еще сегодняшнюю темную ноченьку младешенька она проходила.
На правой то рукѣ краснаго сокола проносила;
Еще я младенька всю ночь мало спала;
Ко бѣлой зарѣ, младешенька, чудокъ призаснула;
Спальное окошечко свое запереть забыла;
Упустивши яснаго сокола, его не поймаю;
Я кричала ему голосомъ—мой миленькій не слышитъ,
Я махала ему рученькой—мой миленькій не видитъ,
Тяжело я младешенька вздохнула—мой миленькій оглянулся.
—«Ты постой еще, разлюбезный другъ, еще на часочекъ,
Мы пойдемъ съ тобой во Торжечекъ;
Да мы купимъ съ тобой листъ бумаги,
Я тебя сниму на портретикъ,
Прибью тебя, любезный другъ, въ спальнѣ на стѣнѣ:
Когда взгрузнется *) моему сердечку, сниму поцѣлую».

*
* *

Долина моя, долинушка, долина моя широкая.
По этой по долинѣ туманъ разстилается,
Изъ подъ этого туманика заря занимается,
Изъ подъ этой ясной зориньки солнце выкатается
На зеленые луга; на этихъ на лугахъ—трава-рощица,
На травѣ-рощицѣ цвѣты расцвѣтали;
По тѣмъ цвѣтикамъ дѣвушки гуляли,
Цвѣты сорывали, вѣнки завивали.

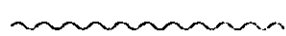

*) Взгрузнется — грустно станетъ.

ОТДѢЛЪ IV-й.

СКОМОРОШНЫЯ.

ОТДѢЛЪ IV.

Ты подуй, подуй, верховая погода,
Чтобы наши похожи *) воротились,
Старогладковской станицѣ поклонились,
Въ Кордюковской станицѣ погуляти,
Молодыхъ музыкантовъ собирати;
Молодые музыканты музыкушку играютъ,
Не меня ли красну дѣвку ублажаютъ.
Перельстился **) мой батюшка на богатства —
Что на тѣ было высокія хоромы,
Что на тѣ было хрустальныя стеколки.
Что ни панья по сѣничкамъ гуляла,
Что ни панья по пану воздыхала,
Ни свекорка невѣстку утѣшала:
— «Ты не плачь, моя панья дорогая,
Не тужи, моя любимая невѣстка!»

*
* *

Нельзя, нельзя дѣвчонкѣ по саду гулять,
Во зеленомъ саду гулять, алы цвѣты рвать.
Аленькій цвѣточекъ ясный мой милый прекрасный.
Прилетѣлъ ко мнѣ голубчикъ изъ полка хорунжій;
Онъ садился, опускался надъ моимъ окошкомъ;
Надъ моимъ яснымъ окошкомъ противъ моей спальни;
Онъ сизуетъ, голубуетъ ***) дѣвчоночку будитъ.

---

*) Похожи—казаки, ушедшіе въ походъ.
**) Перельстился—прельстился.
***) Голубуетъ—воркуетъ.

Дѣвченочка услыхала, къ окну подбѣжала;
Къ окошечку подбѣгала, голубя пугала.
Я думала голубочекъ, мой милый дружочекъ;
Окошечко отпирала, милаго впускала,
За бѣлы руки принимала, за столикъ сажала,
Я за столичекъ сажала, чайкомъ угощала;
Я чаечкомъ угостила, про любовь спросила;
Похвалялся мой миленькій черными бровями,
А я ему дѣвчоночка мягкими грудями;
Мягкими грудями, прежними друзьями.
На то милый осердился, пошелъ не простился;
Ногой топнулъ, дверью хлопнулъ, зеркальце упало,
Оно чистаго хрусталика громко зазвенѣло.
Услыхала моя мать вь особой комнаткѣ;
Присылаетъ ко мнѣ мать вѣрную служанку,
Свою вѣрную служанку, мою грубіянку.
Грубіянка приходила она рѣчи говорила:
—«Что у тебя, дѣвчоночка, громко зазвенѣло?»
—«Кошка, шельма, наблудила—съ подловки вскочила,
Она съ подловки вскочила, зеркальце уронила.
Зеркало чистаго хрусталика громко зазвенѣло!»
—«Что у тебя, дѣвчонка, на столѣ мокренько?»
—«Дѣвки были, чай пили—онѣ намочили!»
—«Что у тебя, дѣвчоночка, постель не убрата?»
—«Дѣвки были, ночевали, постель не убрали!»
—«Что у тебя, дѣвчоночка, на стѣнѣ за шапка?»
—«Шапка черная пуховая мово́ размилого,
Мово́, мово́ размило́го, дружка дорогого!»

*
* *

Долина долинушка, раздолье широкое.
По той по долинушкѣ ходилъ гулялъ молодецъ—

Не радошенъ, не веселъ, сударушку не нашелъ;
Сударушку не нашелъ, самъ заплакалъ и пошелъ.
Повѣсилъ головушку на правую сторонушку,
Потупилъ очи ясные въ мать-сыру землю,
Въ мать-сырую землю, во мать матерую.
— «Дитя мое, дитятко, чадо мое милое,
Почто, мое дитятко, не радошенъ ходишь?»
— «Ты мать моя, маменька, мать моя, судариня,
Да какъ же мнѣ, молодцу, веселому быть,
Веселому быть, чему радоваться?
Сушитъ-крушитъ молодца чужая сторонка,
Чужая сторонушка, за рѣчкой слободушка.
Въ той слободушкѣ жила-была вдовушка,
У вдовушки дѣвушка, зовутъ Фенюшкой —
Она меня изсушила, она меня сокрушила,
Она мнѣ говорила, она мнѣ отвѣчала,
На мое сердечушко печали давала;
Выньте душу, выньте сердце, изъ безсчастной изъ меня,
Положите душу-сердце на серебряный подносъ,
Понесите душу-сердце ко милому дружку впередъ:
Пускай миленькій потужитъ, погорюетъ обо мнѣ,
Пусть потужитъ, погорюетъ, разбезсовѣстный такой. (27).

*
* *

Да не пó горамъ, горамъ, горамъ высокимъ,
Распускались цвѣты алы, лазоревые.
Я пойду ли во садочекъ, сорву аленькій цвѣточекъ;
Правой рученькой сорву, алой лентой перевью,
Съ поцѣлуемъ обойму, крѣпко къ сердцу прижму;
Крѣпко къ сердцу прижму, надежой назову:
—Надежинька ты моя, вѣрно-ль любишь ты меня?
Кабы тебя не любилъ, гулять съ тобой не ходилъ;

Алы цвѣтки не рвали-бы и вѣночки не плели.
Подумаю, погадаю, за что меня милый любитъ,
За что меня милый любитъ, за что почитаетъ.
Не я дѣвка, не я красна, не я черноброва,
Только я красна дѣвица съ личика бѣленька,
Я со личика бѣленька, съ очей веселенька;
Съ очей веселенька, хожу шипитленько;
Хожу шипитленько, хожу щеголенько.
У моего ли у милого три сада зелены:
Во первомъ во садочкѣ расла трава-мята,
За то меня милый любитъ, что я не богата.
Во другіимъ во садочкѣ расла трава-просо,
За то меня милый любитъ, что я сердцемъ проста.
Во третіимъ во садочкѣ расла трава-лебеда,
За то меня милый любитъ, что я дѣвка молода.
У богатой, у проклятой двѣ ноченьки ночевать,
У бѣдненькой, у скудненькой одну ночь ночевать, на ручкѣ пролежать.

*
* *

Я разсѣю свое горе по чистому полю,
Уродися мое горе — ни рожь, ни пшеница,
Что ни рожь, ни пшеница, трава мурава;
Ни травушка-муравушка, алые цвѣточки,
Да всѣ цвѣты алы, одинъ всѣхъ алѣе да онъ розовѣе;
Какъ всѣ друзья милы, одинъ всѣхъ милѣе.
Онъ не долго гость гостюетъ, одну ночь ночуетъ;
Одну ноченьку ночуетъ и ту протоскуетъ.
Подъ окошкомъ спать ложился, свѣту дожидался:
—Почто долго свѣту нѣту, бѣлаго разсвѣту?
Онъ другое отворяетъ, онъ коня сѣдлаетъ;
Онъ третіе отворяетъ, со двора съѣзжаетъ;

—Ты прощай, моя милая, радость дорогая!
Я не скоро къ тебѣ буду — тебя позабуду!
Запрягай, милый, карету, сяду я поѣду;
Запрягай. милый, другую — сяду я въ любую, (28).
Запрягай, милый, третью — сядетъ кучеръ съ плетью.

* * *

Что ни пання по сѣнюшкамъ ходила,
Что́ ни пання по пану воздыхала;
Ни свекорка невѣстку утѣшала:
Ты не плачь моя пання дорогая,
Не тужи моя любимая невѣстка.
Какъ и Богъ то дастъ пану здоровья,
Привезетъ тебѣ *на* дорогой подарокъ —
Свѣтъ шитровскую дѣвку полонянку,
Во зеленой во дараивой фуфайкѣ,
Въ полушелковомъ платочкѣ съ каймами.
Что съ монистами со тѣми со хрустальными.
Ужъ я выйду младешенька на крылечекъ,
Посмотрю я младешенька вдоль по Волгѣ.
Завиднѣлись есаульскіе лужочки;
На первыимъ есаульскіимъ лужочкѣ
Какъ везутъ мово́ пана убито́го;
На другіимъ есаульскіимъ лужочкѣ
Везутъ его платье кровавое;
Какъ на третьемъ есаульскіимъ лужочкѣ
Ведутъ ли его коня вороного.
Въ торокахъ везутъ *на* дорогой подарокъ —
Свѣтъ шитровскую дѣвку полонянку,
Во тоненькой во бѣленькой рубашечкѣ,
Во зеленой во дараивой фуфайкѣ,
Въ полушелковомъ платочкѣ съ кистями,

Во серебряныхъ монистахъ, во хрустальныхъ,
Ты примешь мой подарокъ со слезами. (29).

*
* *

Да изъ поля, да изъ поля, изъ поля изъ чистаго.
Да изъ моря, да изъ моря, изъ моря изъ синяго;
Да тутъ течетъ, тутъ течетъ рѣчка быстрая.
Да и чѣмъ будемъ, братцы, рѣчку затынять?
Кто-же, кто-же его, душа сударушка?
Красна дѣвушка душа, любезна Аришечка.

*
* *

Ты грушица, грушица моя,
Грушица зелена садова.
Какъ подъ грушей свѣтлица стоитъ,
Во свѣтлицѣ дѣвушка сидитъ,
Да разумны рѣчи говоритъ:
—«Нонче вѣдь такія времена —
Сушатъ женъ хорошіе мужья,
А дѣвушекъ дальніе друзья;
Ближній другъ — свиданье завсегда.
Гдѣ-бъ его мнѣ, шельму, увидать,
Да въ глаза ему злодѣю попенять;
Обѣщалъ меня онъ до вѣку любить,
До вѣку, до смертнаго часа,
А теперь покинулъ онъ меня.
Съ горя да съ кручины молода
Я пойду въ зеленые луга,
Я сорву со травушки цвѣтовъ,
На головушку совью себѣ вѣнокъ.
Выйду-ль я на Терекъ на песокъ,
Я спущу съ головушки вѣнокъ.

Тонетъ-ли не тонетъ мой вѣнокъ?
Тужитъ-ли не тужитъ мой дружокъ
На чужой на дальней сторонѣ,
Во матушкѣ въ каменной Москвѣ,
Во матушкѣ во Россіюшкѣ?
Сталъ по Тереку вѣночекъ мой всплывать,
Сталъ меня милый вспоминать
Во матушкѣ въ каменной Москвѣ,
Во матушкѣ во Россіюшкѣ.

* * *

Какъ у насъ на столѣ, на дубовомъ столѣ
Налитой купель зеленóго вина,
Да плавала чара серебряная.
Кто же за чару примется?
Примется, не примется Попилъ господинъ,
Попилъ господинъ душа' Трифиличъ;
Подносилъ чару сударушкѣ своей,
Подносилъ чару Савельевнѣ:
—«Ты выпей-ка, выпей-ка, сударушка моя,
Ты выкушай, выкушай Савельевна!»
—«Попилъ господинъ, пить не хочется,
Трифиличъ родной мнѣ не можется!
Еще кто бы мой сонъ разсудилъ,
Кто бы еще на словахъ его сказалъ?»

* * *

Какъ у насъ на дворѣ, на широкомъ дворѣ,
Да выросла травушка шелковая,
Шелковая да полушелковая.
Ходитъ по травушкѣ сизый павлинъ,
Сизый павлинъ онъ со павушкою.

Сизый павлинъ—Евтѣй господинъ,
Сизый павлинъ—Анисьевичъ;
Сизая павушка—Аришечка,
Сизая павушка—Ананьевна;
Сизыя косицы, что дѣти у нихъ,
Шелкова травушка—дѣти при нихъ.

* * *

Я пойду млада по солнышку,
Набиру хмѣлю по зернышку,
Наварю я пива пьянаго,
Напою я мужа стараго,
Положу его среди двора,
Прикрою его соломкою,
Придавлю его дубинкою,
Что дубиною тяжелою.
Ужъ я выйду на улицу,
Закричу я громкимъ голосомъ:
—Ужъ вы люди, мои люди, люди вольные,
Вы сосѣдушки приближенные!
—Не видали-ль вы, отколь туча шла?
Не слыхали—отколь громъ-атъ гремѣлъ?
Убилъ мужа мово́ стараго, ревниваго,
Ревниваго мужа, хлопотливаго.

* * *

Прошло лѣто, прошла осень, прошла красная весна;
Наступаетъ злое время, мать холодная зима.
Да всѣ рѣчушки застыли и протоки не текутъ;
Да всѣ пташечки замолкли, соловьюшки не поютъ;
Одна пташечка запѣла, полетѣла въ темный лѣсъ;
Она сѣла на кусточекъ, стала рѣчи говорить:

—Не женитеся, ребята, холостому лучше жить —
Холостой ходитъ гуляетъ, какъ соколъ въ полѣ летаетъ;
Женатому триклятому ни въ чемъ воли ему нѣтъ:
Куда хочешь проходится, туда и жена съ дѣтьми тащится.

* * *

Въ саду дѣвушки гуляли, со травы цвѣточки рвали,
Вѣночки плели всякая себѣ.
На вѣнкахъ онѣ гадали, вѣнки въ воду побрасали,
Чей вѣночекъ восплыветъ, ту и милый вспомянетъ.
Дѣвка росту небольшого громкимъ голосомъ кричитъ:
—Мой вѣночекъ тонетъ, тонетъ, мое сердце болитъ, ноетъ,
Мой вѣночекъ потонулъ, меня милый обманулъ.
Вокругъ дѣвушки сбѣжались, Полю утѣшать старались:
—Перестань, Поля, тужить, можно лучшаго нажить,
Полюбить можно другого, казака молодого,
Съ черными бровями, со ясными очами.

* * *

Калину съ малиной вода поняла,
Во ту пору маменька меня родила;
Не выучи разуму, замужъ отдала.
Не жди меня, матушка, черезъ три годочка,
На четвертомъ годикѣ прилечу я пташкой,
Сяду я у батюшки въ зеленомъ саду
На сладкую яблоньку, на отхожую вѣточку,
Горькою кукушечкой буду куковати,
Слезами горючими садикъ затопляти.
Не матушка по сѣнюшкамъ похаживала,
Всѣхъ нянюшекъ-мамушекъ побуживала:
—Невѣстушки, голубушки, вставайте рано!
Что это за пташка у насъ въ саду?

Что это за вольная во зеленыимъ?
Не мое ли чадушко съ чужой стороны,
Не мое ли дитятко отъ чужихъ людей?
Чужая сторонушка прискучливая,
Горькою горчичкою усѣянная;
Чужа родна матушка не жалостливая,
Чужой родной батюшка онъ журма журитъ. (30).

*
* *

Да стелется вьется
По лужкамъ трава зеленая.
Цѣлуетъ-милуетъ Федоръ Аксинью
Цѣлуетъ-милуетъ Степановичъ;
Не тебя ли я люблю, мою Аксиньюшку,
Не тебя ли я перельщаю красотой своей молодецкой,
Не глазами ли черными, не бровями получерными?

*
* *

По двору, двору, по широкому двору,
Ходитъ онъ гуляетъ сударь Евтѣй господинъ,
Сударь Евтѣй господинъ, душа Анисьевичъ;
Кличетъ выкликаетъ онъ сударушку свою,
Онъ сударушку свою, душу Аринушку:
—«Ты пойди, пойди, душа Аринушка сюда,
Ужъ пойди сюда, душа Ананьевна:
Я тебя то люблю за походочку твою,
За походочку твою, за полеточку,
За ласковый разговоръ, твой веселый поцѣлуй.
Слово молодца утѣшитъ, поцѣлуемъ веселитъ;
Ужъ ты рѣчи говоришь, какъ лебедушка кричишь,

Ты по двору идешь, ровно павушка плывешь,
Ровно павушка плывешь, ровно сизенькая!»

*
* *

Люблю я казаченька, люблю молодого,
Люблю молодого изъ полка своего.
Пріѣхалъ урядничекъ ко Степочкѣ въ гости;
Недавно пріѣхалъ, опять уѣзжаетъ.
Его разлюбезная все плачетъ рыдаетъ,
Молодого урядника на ночь оставляетъ:
—«Заночуй, урядничекъ, хоть ночку со мною!»
—«Я-бъ радъ ночевати, боюся проспати;
Будутъ меня урядника товарищи ждати;
Когда заночую, буди меня рано, чтобъ не развсвѣтало,
Чтобы мои товарищи коней не сѣдлали,
Чтобы музыканты музыку не играли!»
Проспалъ я урядничекъ до бѣлаго свѣту,
Проспалъ я молоденькій до краснаго солнца;
Проспалъ я урядничекъ коня вороного,
Коня вороного и сѣдельце ново;
На сѣдельцѣ попона зеленаго шелку,
А самъ я урядничекъ Гребенского полку,
Гребенского полка, Червленной станицы. (31).

*
* *

Да мы сядемте, ребята, да мы сядемъ, господа.
Споемъ пѣсню про себя, про Прусского короля.
У Прусского короля чужа сила не своя,
Половина нанята, золотой казной дана,
Сороктысячная, полутысячная.
Въ чистомъ полѣ при долинѣ, во зеленыимъ лугу
Стоитъ армія въ кругу, полковничекъ при полку,

Куритъ трубку табаку.
Онъ не для того куритъ, чтобы пьяному не быть,
Чтобы смѣло поступать.
—Поступай, моя дѣвица, все со праваго крыла,
Все со праваго крыла, со восточной стороны.

*
* *

Продалъ братъ сестрицу,
Ни за рубль, ни за два,
За серебрянаго коня,
Душу сестру промѣнялъ.

*
* *

Посажу я калинушку на крутъ бережочекъ.
Ты стой, расти, калинушка, расти не шатайся,
Живи, моя сударушка, живи не печалься;
Придетъ тоска-кручинушка, пойди разгуляйся;
Пойди, пойди, разгуляйся, съ милымъ повидайся!
Почто рѣчка мутно бѣжишь, иль погоду чуешь?
Почто, Маша, слезно плачешь, иль маменька била?
—Меня маменька не била—сами слезы льются,
Сами, сами слезы льются, никакъ не уймутся;
Отъ мово́ ли отъ милого долго вѣстей нѣту;
Прислалъ милый поклонъ вѣрный—коня вороного,
Коня, коня вороного, сѣдельце ново,
На сѣдельцѣ попона зеленаго шелку.
—Ты дѣвица, красавица, душа мое сердце,
Загадаю я загадку, изволь отгадати:
Ты напой коня мово́ середь синя моря,
Что середь синя моря на камешкѣ стоя.
Загадаю я другую, отгадай любую:
Чтобы коникъ мой напился, коверъ не мочился.

Загадаю я загадку, изволь отгадати:
—Сострой, милы, мнѣ хоромы, бѣлы снѣговыя,
Еще бѣлы снѣговыя, тонки высокія,
Чтобъ зимою были теплы, а лѣтомъ холодны;
Загадаю я другую, отгадай любую:
—Сшей ты, милый, черевички съ кленоваго листу,
А дратву-то сдѣлай, милый, съ дождевой капли,
Чтобы дратва не рвалася, башмакъ не поролся!

* * *

Гуляй, гуляй, дѣвушка, поколь у батюшки, у родимой матушки —
Ой люли, ой люли, у родимой матушки.
Въ чужи люди отдадутъ, такой воли не дадутъ —
Ой люли, ой люли, и т. д.
Такой воли не дадутъ, такой нѣги не будетъ —
Ой люли, ой люли, и т. д.
Долина, долинушка, раздолье широкое —
Ой люли, ой люли, и т. д.
По этой долинушкѣ ходилъ гулялъ молодецъ —
Ой люли, ой люли, и т. д.
Не радошенъ, не веселъ, сударушку не нашелъ—
Ой люли, ой люли, и т. д.
Повѣсилъ головушку на правую сторонушку —
Ой люли, ой люли, и т. д.
Потупилъ очи ясные въ мать сырую землю —
Ой люли, ой люли, и т. д.
Повернулся онъ къ востоку, увидалъ сударушку —
Ой люли. ой люли, и т. д.
Сударушка перевернулась, ему руку подала —
Ой люли, ой люли, ему руку подала. (32).

* * *

*
* *

Пора, пора гостю съ двора, время убираться;
Пора-время убираться, къ двору подвигаться.
Тутъ несчастный гость ѣдетъ—не долго гостюетъ;
Онъ не долго гость гостюетъ, одну ночь ночуетъ;
Одну ноченьку ночуетъ и ту протоскуетъ.
Подъ окошкомъ спать ложится, свѣту дожидаетъ—
Почто долго свѣту нѣту, бѣлаго разсвѣту? (33).

*
* *

Ужъ вы мысли, мои мысли, мысли молодецкія!
Вы скажите, мои мысли, про мое несчастье!
Еще долго-ли, сударушка, за тобой ходить,
За тобой мнѣ ходить, милости просить?
Изобилъ я черевички за дѣвушкой ходючи,
Износилъ я зеленъ кафтанъ по заборамъ лазючи,
Износилъ я черну шапку подъ капелью стоючи.
Капелюшка какъ-капъ, сердечушко токъ-токъ,
Капелюшка истекаетъ, сердечушко изнываетъ;
Сердечушко изныраетъ, сердечный другъ покидаетъ;
За бѣлы руки принимаетъ, въ горницу провожаетъ,
За дубовый столъ сажаетъ, скатерть бранну разстилаетъ,
Съ малиной пирогъ ставитъ, чару чаю наливаетъ,
Красну дѣвку приглашаетъ:
—Ужь ты пей, дѣвка, чай, забывай тоску-печаль!
Дѣвка чаю испила, тоску-печаль забыла.

*
* *

Я по цвѣтикамъ ходила, я по аленькимъ;
Я по аленькимъ, по лазоревенькимъ.

Не нашла цвѣта алóго супротивъ милóго.
Мой милый душа хорошъ, чернобровый душа пригожъ,
Чернобровъ душа пригожъ, мнѣ подарочекъ принесъ;
Подарочекъ дорогой — съ руки перстень золотой;
Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь;
Не хочу перстень носить, лучше скинуть положить.
Буду такъ дружка любить, на кроватушку ходить,
На кроватушку тесовую, на перинушку пуховую.
Какъ во этотъ во часокъ мой миленькій выѣзжалъ:
—Сколь далече, мой милый, убираешься,
Во которую сторонку снаряжаешься?
Ты козловые сапожки обуваешь,
Меня красну дѣвку покидаешь.

* * *

Меня вся семья не любитъ, свекоръ журбою журитъ.
Одинъ миленькій любилъ, онъ не долго со мной жилъ,
Самъ на линію *) вступилъ, бѣлилъ, румянъ купилъ,
Набѣлиться мнѣ велѣлъ:
—«Набѣлись-ка, мой свѣтъ, ровно алый цвѣтъ,
Набѣлись, жавроночекъ, ровно аленькій цвѣточекъ;
Походи-ка ты въ красѣ, поколь я живу въ Москвѣ!»

* * *

Разбесчастный добрый молодецъ душа,
Безталанная головушка твоя.
Ни въ чемъ молодцу счастья нѣту-ка,
Ни во лодочкахъ, ни въ корабличкахъ,
Ни въ торговлѣ, ни въ товарищахъ.

---

*) На линію—на службу.

Сосылаютъ молодца съ корабля долой:
—Ты сойди, сойди, молодецъ, долой,
Изъ тебя-ли изъ безсчастнаго сине море взволновалось;
Въ рѣкѣ волны разыгрались,
Кораблички разбѣжались!
Мы причалимъ кораблики къ тому кусту ракитову,
Ко тому-ли ко песку, ко песку разсыпчатому;
Ужъ мы вырѣжемъ по жребію,
Кинемъ, бросимъ во сине море,
Что счастливому поверхъ воды,
Разбезсчастному на ключъ, на дно.

*
* *

Протекли рѣчки проточины, горючія мои слезы;
Горючія мои слезы покатилися изъ глазъ.
—Отойдите прочь, злодѣи, мнѣ теперь не до васъ!
Пришелъ милый, пригрозилъ, несчастьецемъ наградилъ.
—Ты стой, милый, не грози, полюбовницу не жди!
Когда я была твоя, тогда слушалась тебя,
А теперь я не твоя и не слушаюсь тебя;
Не твоя, воля моя, воля батюшкина,
Нѣга матушкина.
Я у батюшки жила, дочь единая была,
Куда иду не спрошусь, отколь приду не скажусь;
У чужого батюшки, куда идешь просишься,
Отколь придешь, скажешься!

*
* *

На горушкѣ ковылушка стелется плетется,
У насъ съ тобой, любезный другъ, житье не ведется.
Во лѣсочкахъ комарочки сильно уродились,

Да мы всѣ удивились, что сильно уродились;
Со вечера ко дѣвушкѣ прилеталъ голубчикъ,
Да онъ сизенькій голубчикъ, мой милый дружочекъ;
Онъ жалкуетъ и воркуетъ надъ моимъ окошкомъ:
—Встань дѣвица, встань красная, встань моя радость!
Да я дѣвица вставала, двери отворяла,
Еще двери отворяла, милаго впускала.
Вошелъ милый въ горинку, сталъ онъ плясати,
Махнулъ милый черной шапкой, зеркальце упало;
Несчастьеце мое стало — маменька узнала.
Присылаетъ ко мнѣ мать вѣрную служанку:
—Сударипя-бариня, что тутъ солучилось?
—И нянюшка, и мамушка. вѣрная служанка,
Скажи кошка блудливая на стѣну пригнула,
Она на стѣну пригнула, зеркальце разбила.

* * *

Какъ у насъ на улицѣ, какъ у насъ на широкой;
Ой люли, ой люли, какъ у насъ на широкой.
Тамъ гуляли дѣвушки, шутили молодушки;
Ой люли, ой люли, и т. д.
Промежду молодушекъ удалъ добрый молодецъ;
Ой люли, ой люли, и т. д.
Да онъ пишетъ грамату по бѣлому бархату;
Ой люли, ой люли, и т. д.
Отсылаетъ грамату къ родимому батюшкѣ;
Ой люли, ой люли, и т. д.
Родимый мой батюшка жениться мнѣ хочется;
Ой люли, ой люли, и т. д.
Женись, женись, дитятко, женись мое милое,
Возьми себѣ невѣстушку *на* красную дѣвушку;
Ой люли, ой люли, и т. д.

Возьми себѣ невѣстушку ближнюю сосѣдушку, Арину;
Будетъ мнѣ пособница, она и работница;
Ой люли, ой люли, и т. д.

*
* *

Что не въ саду садочкѣ, въ зеленомъ саду виноградничкѣ,
Хорошо во садочкѣ, въ саду соловей поетъ.
Что поетъ ли онъ поетъ, громко посвистываетъ,
Къ моему то горю ко несчастьицу;
Не въ зеленомъ саду теремъ растворенъ;
Что во новенькомъ, во новенькомъ во теремѣ
Подъ косящатымъ было подъ окошечкомъ,
Подъ хрустальнымъ было подъ стеклышкомъ,
Тамъ сидѣла душечка *на* красная дѣвушка,
Что купеческая родная сестрица,
Молодеческая прежняя полюбовница.

*
* *

Какъ вечéръ я на почтовый дворъ ходилъ,
Получилъ письмо отъ сударушки своей.
Пишетъ, пишетъ раскрасавица письмо:
—Приди, миленькій, я очень больна,
Я трудно больна въ постелюшку слегла;
Три недѣли во постели лежала,
На четвертой во зеленый садъ пошла,
Гдѣ мы съ миленькимъ гуляли во саду,
Во зеленомъ саду, подъ вишневымъ кустомъ.
На томъ мѣстѣ и травушка не растетъ,
На травушкѣ алы цвѣты не цвѣтутъ,
На цвѣтикахъ мелки пташки не поютъ,
Пташка птичка перелетывала,
Частешенько перепархивала. (34).

***

Полно Полюшкѣ по улицѣ ходить,
Перестань, Поля, хорунжаго любить.
Ты хорунжій голубчикъ, свѣтикъ мой,
Молодой парень, зазнобушка моя!
По тебѣ мнѣ мало можется и въ станицѣ жить не хочется.
Я станицу заложу, заложу, тебя, моя сударушка, снаряжу;
Я пойду младецъ въ Моздокъ городъ гулять,
Своей Полюшкѣ товару закупать;
Куплю Полѣ платье лазоревое;
Платье лазоревое отъ солнышка бѣжитъ,
Голубой-атъ цвѣтъ марается.
Я куплю тебѣ зеленую парчу!
Не хочу парчу, въ ногахъ ее стопчу!
Я по золоту, по серебру хожу, одного тебя молодчика люблю,
Молоденькаго, кудреватаго, хорошаго.

***

Я весь день, весь день по садичку гуляла,
Я вялу, вялу капусту поливала.
Между грядочекъ колечко потеряла,
За колечко меня маменька ругала,
За серебряно судариня журила.
Я, маменька, виновата, виновата,
Судариня, виновата, виновата.
Нелюбимая подружка находила
Своему милу дружочку подарила.
Невозможно моему сердцу безъ печали быть,
А кто кого вѣрно любитъ, нельзя не тужить.

Полюбила я своего дружка — лучше его нѣтъ,
Стала разставаться, не милъ бѣлый свѣтъ.
Съ горя, со кручины пойду млада въ лѣсъ;
Пойду млада въ лѣсъ разгуляюсь,
Съ милымъ дружкомъ повидаюсь.
Во лѣсу то пользы нѣтъ, листочки шумятъ,
Всяки деревечушки печальны стоятъ,
Печальны стоятъ, печаль говорятъ.
Ужъ мнѣ красной дѣвицѣ всю ночь не спать,
Федора Михайловича въ походъ провожать,
Ему молодцу чапракъ вышивать.

* * *

Дубчикъ, дубчикъ, мой дубочекъ, дубчикъ кучерявый,
Дѣтинушка бѣлъ-кудрявый, словами пріятный;
Слова твои ласковыя, хорошія думки;
Любилъ парень дѣвчоночку, какъ голубь голубку;
Полетѣла голубица во чистое поле,
Летаючи говорила — «вотъ горе мнѣ, горе!»
Я не знаю молоденька съ чего сердце бьется,
Я слыхала черезъ людей, что сукинъ сынъ смѣется:
—Смѣйся, смѣйся, злодѣй-варваръ, за смѣхъ тебѣ будетъ;
За смѣхъ тебѣ шельмѣ будетъ, а смерти не будетъ.
Будешь лежать на кроваткѣ водицы просити —
Не угодно-ль душѣ твоей кваскомъ похмѣлиться?
Во саду-ли, въ огородѣ дѣвушки гуляли,
Они ростомъ не велички, лицомъ круглолички;
У дѣвушекъ на личикахъ румянцы играютъ,
Женатому проклятому сердце разжигаютъ,
Холостому молодчику назолы *) даваютъ.

---

*) Назолы—печаль, досада.

Расколися сырой дубъ на четыре грани,
А кто любитъ чужихъ женъ, того душа въ раѣ.
Кто дѣвушку полюбитъ, грѣхамъ избавленье,
Кто вдовушку полюбитъ, душѣ на спасенье,
Кто старушку обойметъ, лихорадка затрясетъ

* * *

Что на свѣтѣ люди, люди живутъ,
На люди люди угаждываютъ *),
На свекоровъ унoравливаютъ.
У меня у младой свекорушка люта,
Что люта, шельма, несносная;
Посылаетъ и туда меня, сюда,
Что туда, сюда, невѣдомо куда.
Посылаетъ въ темный погребъ за питьемъ,
Что за тѣмъ питьемъ за зеленымъ виномъ;
Во погребѣ много пива и вина, сладка водочка анисовая,
Тесова кровать расписаная,
Расписана, распечатана, на картинкѣ нарисована.
На кроватушкѣ перина пуховая,
На перинушкѣ изголовье высоко,
На изголовьѣ удалъ добрый молодецъ,
Что Попилъ Трифиличъ душа.
Противъ молодца красна дѣвица стоитъ,
Разумныя ему рѣчи говоритъ:
— Не слушая мать-отца, распотѣшу молодца,
Я за то его потѣшу, что одинъ сынъ у отца.

* * *

---

*) На людей люди угождаютъ.

*
* *

Ты заря моя, зоринька, заря утренняя, вечерняя!
Высоко заря восхаживала—выше лѣсу, выше темнаго, выше садика зеленаго.
Не по улицѣ по улицѣ, вдоль по улицѣ широкой,
Тутъ бѣжитъ, бѣжитъ дѣтинушка,
Что дѣтинушка да онъ казачій сынъ;
Что казачій сынъ — Попилъ Трифиличъ душа.
Онъ бѣжитъ то не встряхнется, черны кудри не шелохнутся;
Увидала его матушка, увидала его родная съ высокаго терема.
—Ты куда, куда, казачій сынъ, бѣжишь?
Я бѣгу, бѣгу ко дѣвицѣ къ Аринкѣ.
Не видишь-ли, мое дитятко, отвязался твой добрый конь,
Отъ столба, столба дубоваго, отъ колечушка серебрянаго,
Отъ другого ли злаченаго;
Побѣжалъ ли онъ на зеленый лугъ.

*
* *

Я не думала сегодня угорѣть,
Пришелъ вечеръ голова стала болѣть.
Закипѣли самовары на столѣ,
Зашумѣли всѣ угары въ головѣ.
Что ранéнько, ранéнько на дворѣ;
Чикотала ласточка на дворѣ,
На бѣлыимъ на камешкѣ сидючи,
Во сине море глядючи.
Мой батюшка по бережку ходитъ,
Мой родимый по крутому ходитъ.
У батюшки жалости не стало,

Не снялъ меня со бѣлаго камешка,
Со бѣлаго еще со горючаго,
Со горючаго со разсыпчатаго.
Какъ скажу я про рѣчушку, про быструю воду;
Въ этой рѣчкѣ зеленый садикъ растетъ,
Въ этомъ садикѣ немножечко людей —
Что *на* восемь полковничковъ,
На девятый — добрый молодецъ,
На десятый — красна дѣвица душа,
Супроть милаго на стулѣ сидѣла,
Холостому стаканъ меду подносила,
Что женатому зеленаго вина.
Мой миленькій не пьетъ — нѣжится,
Со стаканомъ меду пляшетъ;
Изъ стакана медъ плескается,
По подносу разливается.

* * *

Отдаетъ меня батюшка замужъ,
Что за малаго ребенка недоростка.
Я не знаю съ недоросткомъ какъ и быть,
Я не знаю недоростка куда дѣть:
Съ краю положити — уронити,
Въ середочку положити — ушибити,
А къ стѣночкѣ положити — удавити.
Повезу я недоростка въ чисто поле,
Какъ сниму я съ недоростка шелковый поясъ,
Сниму я съ подростка черну шапку,
Повѣшу черну шапку на березу,
Завяжу я подросточку очи ясны,
Распрощусь я съ подросточкомъ и уѣду.

*
* *

Какъ у нашей Дунюшки *на* три думушки:
Какъ первая думушка—изъ подъ камешка,
Вторая думушка—изъ подъ бѣленькаго,
Что третья думушка—течетъ рѣчушка;
Какъ на этой рѣчушкѣ Дуня мылася,
Дуня мылася, она и бѣлилася.
Набѣлившись, Дуня на гору пошла;
Со горы то Дуня его видѣла:
Молодой-атъ казакъ коня поилъ;
Напоивши коня у бѣлаго камешка,
Привязавши коня, сталъ кинжалъ точить.
Наточивши кинжалъ, ко двору пошелъ;
Вошелъ милый въ горинку, сталъ жену губить.
Не жена предъ мужемъ извинялась,
Во рѣзвыя ноги поклонялась:
—Ужъ ты мужъ-ли мой, молодой ты мой мужъ!
Не губи-ка ты меня все со вечеру,
Погуби ты меня со полуночи,
Когда малыя дѣтки спать улягутся,
Когда ближніе сосѣди угомонятся.
Не послушалъ мужъ жену, сталъ со вечеру губить—
Всѣ малыя дѣтушки всплакались,
Всѣ ближніе сосѣди сбѣгались.

*
* *

Что въ Червленной жила-была вдовушка;
У вдовушки дочь хорошая росла:
Лицо бѣло, подъ румяной, какъ заря,
У этой Дуни только русая коса.
Къ этой Дунѣ офицерикъ сталъ ходить,

Сталъ Дунящѣ таки рѣчи говоритъ:
Возьми, Дуня, рублей двѣсти отъ меня,
Если мало, куплю дрожки и коня,
Когда мало, куплю домикъ для тебя,
Только, Дуня, согласись любить меня.
Дуня роза, Дуня умная была,
Она ему такой отвѣтъ отдала:
Я казачка, я простая для тебя,
Честь велика дорогая для меня. (35).

* * *

У воротъ дѣвка со молодцемъ стоитъ,
Въ фуфаичкѣ пережимается, дрожитъ,
А молодцу таки рѣчи говоритъ,
Таки рѣчи, не напрасны словеса.
Разсердился сердечный другъ на меня,
Онъ хватаетъ свово́ добраго коня,
Соѣзжаетъ со широкаго двора:
—Прости, мапушка, сударушка моя,
По тебѣ мнѣ мало можется,
Въ Каргалинкѣ жить не хочется;
Кордюковскіе ребята хороши,
Подѣлали за рѣчушкой шалаши;
Они манятъ съ собой дѣвку въ шалашъ,
Они манятъ Аришу поманиваютъ,
Замужъ ее уговариваютъ.
—Вы маните, не маните вы меня,
Придетъ время, я сама замужъ пойду,
За чисто́го, за чисто́го за Попишу,
Кудреватаго, за холостого неженатаго. (36).

* * *

***

Весна воздухомъ прелестна, гуляй съ дѣвками чудесно
Въ особыхъ мѣстахъ, въ зеленыхъ лугахъ,
Гдѣ цвѣты цвѣли лазоревы.
Одна дѣвка рветъ цвѣточки,
А другая вьетъ вѣночки, смотритъ во лѣсокъ.
—«Пойдемъ милый во лѣсокъ на единый на часокъ,
Сядемъ посидимъ;
Ужъ мы сядемъ посидимъ, другъ на друга поглядимъ,
До самой ночи.
Темна ноченька настанетъ, на насъ платье сухо станетъ,
Мы пойдемъ домой ни дорожкой, стороной съ дѣвкой молодой!»
—«Ты дѣвица хороша, за тобой моихъ два гроша,
Пожалуйста дай;
Не отдашь ты этихъ денегъ, буду любить другихъ дѣвокъ,
Ты будешь скучать;
Буду любить другихъ дѣвокъ, ты будешь тужить, горевать!»
—«Я тужила, горевала, спотыкнулась и упала,
Упала, ляжу до самой ночи!»
—«Лежи, моя милая, лежи въ грязи — мѣсто доброе,
Очень хорошо;
Скоро ноченька настанетъ, на насъ платье сухо станетъ,
Мы пойдемъ домой ни дорогой, стороной съ дѣвкой молодой!»

***

При рѣчушкѣ хороводы, при протокѣ быстромъ,
Тамъ дѣвушки ходили, души красныя гуляли.
Изъ всѣхъ дѣвушекъ гуляла, свѣтъ Ариша хороша,
Чистотою, добротою превосходнѣй, лучше всѣхъ.

При гульбицѣ на кровати почиваетъ паренекъ;
Какъ заслышалъ голосъ дѣвичій, самъ скорешенько вставалъ,
Рѣзвы ноги обувалъ;
Онъ умылся, убрался, ко дѣвушкѣ собрался.
Не дошедши близко къ дѣвкѣ, сталъ счастливой поздравлять,
Праву руку цѣловать;
—За какую ты услугу, милъ, цѣлуешь праву руку?
Контора, конторушка, контора государева!
Конторушка растворилась, красна дѣвица вошла;
Она низко поклонилась на всѣ стороны чела,
Писаречку молодому поклонъ низкій отдала,
Черной бровью повела, изъ конторы вонъ пошла.
Прочернило сквозь бумаги мои нужныя дѣла,
Мнѣ сударушка мила;
Дѣтинушка догадался, самъ за дѣвушкой пошелъ;
Онъ догналъ красну дѣвицу среди ея пути,
Середи ея пути, на дорожкѣ столбовой;
Онъ сталъ дѣвицу выспрашивати, изъ ума сталъ увѣдывать:
—Ты скажи, скажи, дѣвица, съ кой поры любишь меня?
Я съ той поры тебя люблю, какъ гуляли во саду;
Я яблочекъ сорвала, тебя, милый, поняла,
Я сахарный раскусила, тебя, мой другъ, полюбила.

* * *

Ты горинка, горинка новая,
Да тутъ дѣвка дворянка молодая.
Да полно по горинкѣ ходити,
Полно по милому тужити,

Какъ же мнѣ по немъ не тужити?
Вб́ вѣки такого не нажити,
Вб́ вѣки до смертнаго часочка,
А теперь покинулъ другъ меня.
На чужой онъ на дальней сторонѣ,
Во матушкѣ въ каменной Москвѣ.

* * *

Парень холостъ, не женатъ, по саду гуляетъ,
Всю травушку примялъ, муравушку притопталъ.
Замѣчаетъ милъ сердечный, гдѣ окошки низки,
Переулки узки; гдѣ было бы постоять, сударушку цѣловать.
Стоялъ бы я подолѣ, самъ живу не воленъ;
Вошелъ бы я во горинку, дѣвушекъ не смѣю *),
Промолвилъ бы словечушко, вѣрно не умѣю.
Съ тоски съ грусти дѣвчоночка пала грудью на кровать,
Стала плакать и рыдать;
Дѣвка ходитъ по горницѣ, тужитъ, плачетъ по молодцу:
Я желаю тебя любить, но не смѣю говорить.

* * *

Въ селѣ было Саксонскомъ, при деревнѣ на лугу,
Разыгрались, расплясались красны дѣвицы въ кругу.
Разыгравшись, расплясавшись, подруженьки стали слушать.
Вы не знаете, подружки, разговору моего:
Пріѣзжалъ ко мнѣ дѣтинушка изъ Питера гулять,
Меня дѣвку облищать **).
Серебра много дарилъ, больше золота сулилъ.

---

*) Стѣсняюсь.
**) Обольщать.

—«Мы поѣдемъ, душа Маша, во пиръ пировать!»
Я тутъ живу крестьянка, а тамъ стану госпожа,
Тамъ я стану привыкать, по деревнѣ тосковать!»

*
* *

Я весь день, весь день капусту поливала,
Между грядочекъ колечко потеряла.
За колечко меня маменька ругала,
За серебряно судариня журила.
Не милая подружка находила,
Своему милому дружку подарила.
—Я, маменька, виновата, виновата,
Судариня, виновата, виновата.
Вы не дуйте-ка, низовыя погоды,
Вы подуйте-ка, верховыя погоды,
Чтобы наши похожи воротились.
Чтобъ Щедринской станицѣ поклонились!

*
* *

Давайте веселиться, давайте вино пить,
Не грѣхъ его напиться, на то оно дано.
Я душечку имѣю и въ горести терплю,
Сказать того не смѣю, и все я терплю.
Вечéръ на рынкѣ веселу пѣсню пѣлъ,
Встрѣчается моя душечка даетъ кольцо она:
—Носи мое колечко, носи и не теряй,
Считай мое колечко пока своимъ, считай!

*
* *

Мнѣ не можется, гулять хочется;
Я украдуся, нагуляюся;
Я сапожки—на ножки, синь кафтанчикъ на плечи.

Заиграемъ мы въ струну, струну серебряную;
Вы послушайте, ребята, что струна то говоритъ:
Намъ жениться, развратиться,
Красну дѣвицу взять, на ручкахъ ее держать;
Чаемъ, кофеемъ поить, калачемъ ее кормить.
За рѣчкой за рѣкой, за быстрой слободой,
Жила-была вдовушка; у вдовушки дѣвушка по имени Фенюшка —
Она меня изсушила, она меня изкрушила.
Тутъ играли дѣвушки, шутили молодушки;
Между этихъ дѣвушекъ гулялъ добрый молодецъ,
Попилъ Трифиличъ душа.
Онъ пишетъ грамату по черному бархату,
Съ чужой сторонушки ко родному батюшкѣ.
Родимая моя матушка, жениться хочу;
Возьму себѣ школьницу-полковницу.
—Школьница-полковница тебѣ не помошница, а мнѣ не пособница;
Возьми, мое дитятко, ближнюю сосѣдушку,
Арину Савельевну съ большимъ со приданнымъ.

* * *

Все бы я по горинкѣ ходила,
Не въ трубу-бы, не въ трубу-бы я трубила;
Все бы я съ милымъ рѣчь говорила.
—Ты молодчикъ, ты молодчикъ чернобровый,
Не садись ты супроть меня, люди скажутъ любишь меня.
Если любишь меня, другъ откажися —
Ужъ я роду, ужъ я роду не простого,
Не простого я, княжескаго.
Княжескій сынъ во гусельки играетъ,

Самъ въ своей горницѣ распѣваетъ,
Распѣваетъ, поздравляетъ красну дѣвицу:
—Будь же ты, дѣвица, за мной!

*
* *

Посылаетъ Ваню мать зеленое жнитво жать.
Не въ охоту Ванѣ жать... Онъ со этой Ваня скуки
Всѣ порѣзалъ себѣ руки, и тотчасъ кровь полила.
Сударушка увидала, платкомъ руки обвязала,
И тотчасъ кровь уняла.
Работнички усмѣхнулись, отецъ съ матерью оглянулись:
—Ты ступай, Ваня, домой!
Ваня скоро торопился, за дубовый столъ садился,
И началъ перо чинить;
Чинитъ Ваня перо остро, пишетъ Ваня письмо просто,
И селенье проклинаетъ:
—Распроклятое селенье, Каргалинковска деревня *),
Сибире́мъ можно назвать.
Они ночью мало спятъ, другъ за дружкой торопятся,
Поскорѣй хотятъ убраться, поколь тучка не явилась.

*
* *

Да мнѣ скучно такого, я не знаю отчего.
Далеко моя сударушка отсюда живетъ.
Ужъ мнѣ не кого послать, мнѣ сударушку прислать;
Малаго послать, малъ не знаетъ что сказать,
Мнѣ стараго послать, не дойдетъ онъ до нея,
Если ровнюшку послать, ровня самъ ее любитъ.

*) Каргалиновская станица — въ 7 вер. отъ ст. Кордюковской, а отъ Дубовской въ 8 вер.

Наглядѣться на нее, насмотрѣться на нее.
Ужъ я выйду молодецъ на красенъ свой на крылецъ,
Посмотрю я молодецъ вдоль по улицѣ въ конецъ —
Вотъ моя сударушка сама ко мнѣ идетъ;
Подъ полою долевою сладку водочку несетъ.
Я самъ водочку не пью, сударушкѣ поднесу,
Поцѣлую, обойму и во весь народъ объявлю,
Что хорошую люблю, въ зеленъ садикъ поведу, подъ грушею посажу.
Подъ грушею, грушею, грушею зеленою
Стоитъ младецъ со дѣвицей, держитъ гусли подъ полой.
Заиграйте мои гусли, я вамъ пѣсенку спою
Про женитьбу про свою. (37).

* * *

Что не по сѣнямъ по сѣнюшкамъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ;
Ходила похаживала, гуляла погуливала
Молода душа боярыня; будила она побуживала
Своего ли она дружка милаго:
—Ты встань, проснись, мой милый другъ,
Пробудись, душа, отецкій сынъ!
Отвязался твой добрый конь отъ столба дубоваго,
Отъ колечушка серебрянаго, отъ другого позлаченаго.
Какъ вечеръ у насъ бѣда стряслась —
Сѣрая утица со двора сошла
Со малыми со дѣтушками;
Со малыми со глупыми;
Очутилася моя утушка во Питерѣ,
У боярина сына казачьяго. (38).

* * *

*
* *

Не при полѣ калинушка —
На калинѣ соловей бѣдный сидитъ,
Горьку ягоду калинушку клюетъ,
Онъ малиною закусываетъ.
Прилетали къ соловью соколы,
Они взяли соловья съ собой.
Полетѣли во зеленый садъ гулять;
Какъ заставили его пѣсни пѣть:
—При кручинѣ утѣшай молодца,
При печали — красну дѣвицу душу,
Чтобы дѣвица любила молодца,
При людяхъ его надеждою звала,
Безъ людей сердцемъ-душечкою!
Ужъ ты душечка, разлапушка моя,
Идешь-ли ты, радость, замужъ за меня?
Я иду, иду, не думаю итти,
Слышу, радость, дурну славу про тебя,
Про тебя-ли удалого молодца.
Онъ по бережку похаживаетъ,
Тугой лукъ онъ натягиваетъ,
Калену стрѣлу накладываетъ:
—Полети, моя каленая стрѣла,
За рѣку, рѣку, на ту сторону;
Убей, моя каленая стрѣла,
Сѣру утушку на крутомъ бережку,
Красну дѣвицу въ высокомъ терему!

*
* *

Воля, воля, воля, волюшка!
Кому воля, кому воли нѣтъ гулять.

Воля, воля краснымъ дѣвушкамъ гулять,
А молодушкамъ нѣтъ волюшки,
Нѣтъ волюшки, мужья не велятъ,
Не велятъ и не приказываютъ.
Наша воля миновалася гулять;
Красота съ лица скатилася,
Черной грязью помаралася.
Да что это за милый другъ,
Еше что это за душечка моя?
Часто ходишь мимо моего двора,
Мимо моего высокаго терема.
Милый ходишь, не навѣдаешь меня,
Ты не спросишь про здоровье про мое,
Ты не скажешь про несчастье про свое,
Ты здорова-ли, сударушка, живешь?
Сударушка живешь, можешь-ли,
Любезная, гулять хочешь-ли?
Сударушка, я не смѣю подойти,
Къ твоему двору слѣдочка проложить.
Къ вечеру прійти — отецъ-мать не спитъ,
Во полночь прійти — жалѣю разбудить,
На зарѣ прійти — худыхъ людей боюсь;
Худы люди замѣчаютъ и глядятъ,
Меня молодца ругаютъ и бранятъ.
—Ты ругальницевъ не слушай никогда,
Полюби-ка любезнаго своего!
Я при миломъ весела и бодра,
Безъ мила дружка печальна я всегда. (39).

*
* *

Тутъ шли прошли ребята молодые,
А за ними идутъ матушки родныя.

Во слезахъ пути-дороженьки не вижутъ (видятъ),
Со рыданьица словечка не промолвятъ.
Говорили ребята молодые:
Вы не плачьте, наши матушки родныя,
Не топите мать-сыру землю слезами.
Что никто-то маіора не проводитъ;
Провожала маіора красна дѣвка,
Говорила маіору таки рѣчи:
—Коли-бъ я была младенька, лебеденька,
Коли-бъ были у младешеньки сизы крылья,
Взвилась-бы я младешенька, полетѣла,
Всѣ казачіи-бъ отряды посмотрѣла,
Молодого-бы маіора поглядѣла.
Молой маіоръ въ палатушкѣ гуляетъ,
Музыкантушекъ своихъ собираетъ.
Музыкантушки музыкушку играютъ,
Молодого маіора забавляютъ;
Не меня-ли красну дѣвку перельшаютъ.
Перельстился мой батюшка на богатства—
Что на тѣ было высокія хоромы,
Что на тѣ было косящатыя окошки,
Что на тѣ было хрустальныя стеколки.

*
* *

Цѣлуются милуются въ одинъ часъ,
У меня ли слезы катятся изъ глазъ;
Слезы катятся по бѣлому лицу,
По моей ли по румянной по щекѣ,
По моей ли по серебряной сергѣ.
Хороводы не утѣшатъ моихъ слезъ,
Я со тѣхъ со слезъ пойду я въ темный лѣсъ,
Гдѣ мы съ милымъ гуляли во саду,

Во зеленомъ саду подъ вишневымъ кустомъ.
На томъ мѣстѣ и травушка не растетъ,
На травушкѣ алы цвѣты не цвѣтутъ,
На цвѣтикахъ мелки пташки не поютъ.

*
* *

Ужъ ты пташечка, вольна пташка,
Перепелочка, сине море перелетывала;
Частешенько перепархивала;
Да садилася пташечка среди моря
Она все на камешкѣ;
Она слушала пѣсенки.
По красѣ дѣвушка плакала,
По зарѣ пташечка слушала,
Да стараго мужа чаяла.
Старый мужъ не пускаетъ ни куда;
Хоть пуститъ, самъ въ окошечко глядитъ:
Не идетъ ли моя милая домой,
Не несетъ ли мнѣ подарокъ дорогой,
Подарочекъ — сладкій прянычекъ. (40).

*
* *

Сходитъ Катюшка со двора,
Сходитъ Андреевна съ широка.
Сломила у грушиньки вершинку:
Ты стой расти, грушица, безъ верха,
Живи, моя маменька, безъ меня,
Безъ моей ли безъ буйной головы,
Безъ моей ли безъ дѣвичьей красоты,
Безъ моей безъ русой безъ косы. (41).

*
* *

ИСПОВѢДЬ КАЗАКА СТАНИЦЫ ЧЕРВЛЕННОЙ ФРОЛОВА.

Я знаю самъ, что умираю
Позорной смертію надняхъ....
О! други, сжальтесь, умоляю,
Простите преступника въ грѣхахъ.
Вотъ необдуманность какая
Меня заставила страдать!
Я долженъ съ горестью вздыхать,
Теперь вамъ правду всю сказать:
Давно въ груди моей пылала
Къ злодѣйству огненная страсть,
Къ тому-жъ съ младенчества напасть
Великая меня встрѣчала.
Я, заблужденьемъ руководимый,
Безъ цѣли слѣдовалъ ему,
Во мнѣ былъ духъ неукротимый,
Онъ противодѣйствовалъ всему.
Съ рѣшимостью моей враждебной
Я алкалъ вольности искать,
Надеждой въ томъ предубѣжденный —
Бѣжать въ Чечню и проживать.
Меня чеченцы тамъ приняли
Въ наѣзды всадникомъ лихимъ,
И потому съ собою брали
На воровство къ моимъ роднымъ.

Я былъ въ довѣренности полной,
Старался извергамъ служить;
При ихъ привѣтливости скромной
Не сталъ я одинъ тужить.
Тогда съ моими кунаками
Я самъ ужъ бѣгалъ воровать,
И перестрѣлку съ казаками
Началъ на Терекѣ давать.
Мое желанье тутъ свершилось,
Я бралъ и скотъ и лошадей,
А гдѣ оказія случалась,
Тамъ билъ, и рѣзалъ и людей.
Хоть совѣсть мучила порою
На нашихъ руки подымать,
Но я былъ между ордою,
Нельзя пощады оказать
Кто попадался, тотъ несчастный
Отъ рукъ злодѣйскихъ пострадалъ,
Ему былъ рокъ тогда ужасный,
И онъ напрасно умолялъ.
Ни жалости, ни сожалѣнья,
Никто въ душѣ не ощущалъ,
Былъ каждый внѣ умиленья,
Себя убійствомъ утѣшалъ.
Сидимъ бывало надъ рѣкою
И вечера съ заботой ждемъ;
Чуть освѣтится брегъ луною,
Тотчасъ мы въ Терекъ и плывемъ.
Когда удачно переплыли,
То въ степь къ ногаямъ въ табуны,
По парѣ лошадей хватаемъ,
Назадъ мы на день въ буруны.

О насъ вся линія узнала;
Куда бросались мы, вездѣ
Предосторожно насъ встрѣчали,
Нельзя было перейти нигдѣ.
Одинъ тогда я не устрашился
Чрезъ Терекъ смѣло переплыть,
Было въ садахъ уже укрылся,
Но вдругъ въ набатъ начали бить.
Я въ степь съ отважностью пустился,
И на пути поймалъ коня,
Потомъ отъ глазъ я всѣхъ скрылся,
Догнать нельзя было меня.
Потомъ ужъ, чувствуя усталость,
Хотѣлъ немного отдохнуть,
Но наказалъ Творецъ за шалость,
Я долженъ былъ крѣпко заснуть.
Затѣмъ, куда мой духъ дѣвался?
Очнулся, былъ уже въ рукахъ,
Тогда я съ вольностью разстался
И вотъ сижу теперь въ цѣпяхъ.
Вчера мнѣ поздно вечеромъ
Объявленъ смертный приговоръ,
А завтра надъ моей главой
Свершится роковой позоръ.
Мой трупъ съ насмѣшками зароютъ,
Съ презрѣньемъ въ землю, снявъ съ столба,
Какъ буря надъ главой завоетъ,
Въ народѣ зашумитъ молва.
Какъ жилъ, какъ умеръ,
И какъ достойно за дѣло казнь онъ получилъ,
Его законъ благопристойно
И не напрасно осудилъ.

Увы, никто не пожалѣетъ.
Никто слезы не уронитъ,
Ни отецъ, ни мать, а жена не смѣетъ
Ко мнѣ при смерти подойти.
Прощай, страдалецъ одинокій,
Казакъ удалый Гребенской,
Молись, ужъ близокъ рокъ жестокій
Позорной казни надъ тобой.
О, Боже, Боже! какъ ночь темна,
По каземату холодъ вѣетъ,
Тускнѣетъ на небѣ луна,
И ночь часъ отъ часу темнѣетъ.
Скорѣй бы свѣтъ — недаромъ страхъ
Меня таинственный смущаетъ,
То слезы градомъ на глазахъ,
То сердце бьется, замираетъ.
Иди Фроловъ! въ послѣдній разъ
Ты долженъ съ жизнію проститься,
Насталъ ужъ твой смертельный часъ —
Сегодня казнь твоя свершится.
Прощайся, узникъ, поскорѣй,
Ужъ вотъ готово воздаянье,
Взгляни на плачущихъ людей,
Всѣ ждутъ увидѣть наказанье.
И бѣдный узникъ вотъ идетъ;
Завидѣвъ столбъ, вблизи стоящій,
Онъ сталъ къ нему.....
Удара ждетъ.....
Вотъ сдѣлали одинъ ужъ залпъ,
Палъ трупъ безжизненный, дрожащій,
Народъ стоитъ въ слезахъ лишь стонетъ
Надъ свѣжей узника могилой. (42)

***

ГРЕБЕНИЧКА и ТЕРЕКЪ ГОРЫНЬЕВИЧЪ.

Затужилась дѣвица, что дружокъ не идетъ
Изъ походу дальняго, онъ вѣсти не шлетъ.
Ужъ разцвѣлъ и садикъ и на розѣ цвѣтъ,
А милого друга изъ походу нѣтъ.
Ходитъ тужитъ дѣвица въ садочкѣ одна;
Плачетъ все и смотритъ на тропу она.
Заросла и тропка, что дружокъ пробилъ
Чрезъ садъ зеленый, когда къ ней ходилъ.
Пыль взвивалась за Терекомъ, то казаки идутъ
Изъ походу дальняго и пѣсни поютъ.
Побѣжала дѣвица навстрѣчу дружку,
Ищетъ его, ищетъ по всему полку.
Зарыдала дѣвица горькою слезой,
Когда ей сказали, убитъ милый твой.
Съ той минуты дѣвицы никто не видалъ,
И куда дѣвалась, никто и не зналъ.
Говорили только люди межъ собой,
Что ея одежду нашли надъ рѣкой.
По бережку Терека Червленочка идетъ
И горючи слезыньки она тихо льетъ.
Льетъ и молитъ Бога искренней слезой,
Чтобы милый живъ-здоровъ пришелъ къ ней домой.
Долго, долго тамъ Червленочка ходила,
И объ миломъ о своемъ Бога все молила.
Потомъ сѣла на высокій бережокъ
И плела тамъ бѣло-розовый вѣнокъ.
И пустивши тамъ вѣночекъ по водѣ,
Она встала поклонилася рѣкѣ,

И сказала: прими, Терекъ, мой вѣнокъ,
И скажи, живъ ли милый мой дружокъ.
Живъ ли, живъ ли и какъ любитъ онъ меня,
Такъ ли точно, какъ любилъ меня всегда.
—Твой дружокъ, Терекъ дѣвицѣ сказалъ,
—Нынѣ годикъ, какъ любить тебя не сталъ.
Онъ женился на красавицѣ другой,
И нашелъ въ ней себѣ вѣчный онъ покой.
Съ ней онъ друженъ и ей вѣренъ навсегда,
И разстаться съ ней не можетъ никогда.
Если хочешь видѣть друга своего,
То послушай ты совѣта моего.
Чѣмъ напрасно слезы лить теперь свои.
Лучше броситься въ объятія мои.
Ты найдешь тамъ жизнь другую и покой,
Точно также нашелъ ихъ милый твой.
Тамъ увидишь друга милаго своего,
И обнимешь разцѣлуешь въ уста сахарны его.
Слезой горькой Червленочка залилась
И въ объятья Горынича отдалась. (43).

* * *

Я во садикъ собиралась головку чесала,
Въ косу длинную свою ленту заплетала.
Я холодною водой личико умывала,
Спускомъ матушки своей щеки притирала.
Я шириночку свою въ загибѣ расправляла,
И атласный мой кафтанъ млада надѣвала.
Я съ подчернью петли цѣпью застегала,
Широкіе рукава длиннѣй выпускала.
Я кораллы съ жемчугомъ на шею вздѣвала,
И припоички на нихъ ручкой расправляла.

Чулки стрѣльчаты свои да я надѣвала,
И въ чевяки дороги ножки обувала.
Я рабочее бѣлье сама собирала,
Старо платьеце свое въ узелокъ вязала.
Я мотыженьку свою сама наточила,
Никого то я объ томъ млада не просила.
Во садочекъ я пошла скорою ходою,
Я не чуяла млада земли подъ собою.
Я рабочій узелокъ въ подмышкѣ держала,
Отъ мотыженьки своей устали не знала.
Во садочекъ я пришла, платьеце скорѣй сняла,
И рабочій свой нарядъ млада надѣвала.
Я батистовымъ платочкомъ личко закрывала,
Виноградные листки къ щечкамъ прилѣпляла.
Я мотыженьку брала травушку полола,—
Все сударика ждала, дружочка милого.
Сердце чуяло мое, вѣщунья злодѣйка,
Не увидитъ онъ меня, моя соловейка.
Слышу выстрѣлы вдали, сердце такъ заныло,—
—Боже, живъ ли дорогой? въ глазахъ зарябило.
Я вернулася домой позднею порою.....
Поплатился дорогой своей головою. (44).

*
* *

Ну, потрагивай, понукай гнѣдка,
Пока солнышко стоитъ на небѣ,
Чтобъ доѣхать намъ домой засвѣтло,
Гнѣдка выкупать, дворъ метлой смахнуть;
Чтобы завтра встать раньше утречкомъ
И, умывшися, итти въ Божій храмъ.
Не люблю на смерть, кто въ воскресный день
Работать начнетъ, точно въ будничный.

Вѣдь же сказано въ книгахъ Божіихъ:
Работай шесть дней, седьмой Богови.
Ну, потрагивай, понукай гнѣдка,
Пока солнышко стоитъ на небѣ.
Отдохнемъ завтра, пустимъ на волю,
Чтобы цѣлый день въ лугу бражничалъ.
Ухъ! съ трудомъ я нонче выдулся,
Пилъ воды столько, что сказать нельзя!
Эко жаръ то былъ, день деньской пекло,
Будто варомъ все обдало кругомъ.
Хоть бы вѣтеръ чуть пахнулъ по полю,
Освѣжилъ бы онъ степь застывшую.
А то мертво все, не шелохнется,
И кузнецъ даже не чирикаетъ.
Нонче врядъ ли я скосилъ два конца:
Нѣтъ возможности одинъ разъ пройти.
Ну да самъ суди, тутъ кака косьба,
Когда льется потъ проливнымъ дождемъ.
Коли-бъ намъ сюда ночи сѣверны,
То косилъ тогда-бъ день и ночь себѣ.
А тутъ днемъ жара, ночи темныя,
Да спѣши домой съѣхать засвѣтло,
А не то абрекъ ружьемъ крымскимъ
Угоститъ дружка по пріятельски.
Да когда же мы вольной пташкою
Ночевать будемъ тамъ, гдѣ слюбится.
Надоѣла жизнь, жизнь тревожная,
Для хозяйствушки непригожая.
Ну, потрагивай, понукай гнѣдка,
Пока солнышко стоитъ на небѣ.
Скинь папахъ то свой, освѣжи лицо—
Вѣтерокъ подулъ—не надышешься.

Стой! не слышешь ты? кажись, выстрѣлы
Отдаютъ будто въ Арнаутскомъ.
Посмотри впередъ: вьется пыль столбомъ,
Да и слышется колоколъ гудитъ.
Кто скачетъ къ намъ на гнѣдомъ конѣ,
Видно вѣсть везетъ про тревогушку.
Эй, батюшка, подъѣзжай-ка къ намъ!
Что ты скачешь такъ, не тревога-ли?
Даю міру знать: горцевъ партія
Переправилась черезъ Терекъ рѣку,
Возлѣ самаго Арнаутскаго.
Да забылъ сказать, нашъ Татаринцевъ
Долго жить велѣлъ, вспоминать его;
Сложилъ буйную добрый молодецъ;
Самъ троихъ убилъ да и кончился;
Да и что сказать, дай Богъ каждому
Умереть какъ онъ, съ честью славою;
Даже бороду, Тайну Божію,
Умираючи, закусилъ въ зубахъ;
Чай ужъ душечку его на небо
Взяли Ангелы златокрылые;
Ну, простите-же, поскачу скорѣй,
Разнесу вездѣ вѣсть нерадостну.
Вотъ и знай живи, и загадывай
Завтра что съ тобой къ утру станется!
Хорошо-бы если умереть также,
Какъ Татаринцевъ, удалецъ Гребня!
А то, можетъ быть, схватятъ соннаго,

Аль одинъ будешь ѣхать по лѣсу,
И пройдетъ кинжалъ грудь казацкую.
    Обберетъ тебя рука вражія! Ну, потрагивай,
    Понукай гнѣдка, пока солнышко стоитъ на небѣ.

КОНЕЦЪ.

Примѣчанія къ пѣснямъ.

Историческія. Въ историческій отдѣлъ входятъ 96 пѣсенъ, которыя писаны въ хронологическомъ порядкѣ, за малымъ исключеніемъ. Старинныя пѣсни рѣдко кто уже знаетъ —все забывается; если и знаютъ нѣкоторые станичные пѣвуны-старики, то они ихъ хорошо вспоминаютъ при питьѣ чихиря въ «бесѣдѣ», въ остальное время онѣ, обыкновенно, забываются, а потому собираніе какъ старинныхъ, а такъ вообще всѣхъ пѣсенъ, сопряжено было для меня съ нѣкоторыми препятствіями. Записывать приходилось только во время «бесѣдъ», потому пѣсни тогда вспоминаются; кромѣ того казакъ или казачка не могутъ передать пѣсни на словахъ по порядку, а всегда поютъ. Такимъ образомъ, сборъ пѣсенъ съ моей стороны, обыкновенно, ограничивался 2 или 3 въ одинъ вечеръ; рѣдко когда цыфра эта доходила до 5. При записываніи этихъ пѣсенъ много мнѣ помогъ отставной Есаулъ ст. Щедринской И. Д. Скороходовъ и урядникъ этой-же станицы Ѳ. П. Пономаревъ; станицы Червленной казакъ Гавріилъ Рогожинъ, онъ же Чупчукъ и «бабука Акимовна» Багдашкина сообщили мнѣ 2 былины—про Александра Македонскаго и Илью Муромца (Муровича). Изъ дру-

гихъ лицъ, помогшихъ мнѣ, считаю нужнымъ припомнить «бабуку Вѣрку» Курносову и А. М. Филиппову ст. Червленной, «тетку Леонтьевну» Гаурову ст. Щедринской и молодого казака ст. Новогладковской Трофима Иванова.

---

1) Эта и слѣдующая былины записаны мною со словъ Гаврiила Рогожина и «бабуки Акимовны» Багдашкиной. Частица «*на*», которую очень часто придется встрѣчать въ пѣсняхъ, употребляется Гребенцами для приданiя большаго эффекта пѣснѣ. Строго опредѣленнаго значенiя она не имѣетъ, а потому опущенiе ея нисколько не тратитъ смысла пѣсни.

2) Эта и предыдущая былины продиктованы мнѣ И. Д. Скороходовымъ, пѣвшимъ вмѣстѣ со старикомъ, 85 л. пѣвцомъ Агѣемъ Рябовымъ, (въ ст. Щедринской).

3) Записана эта пѣсня со словъ «бабуки Вѣрки» Курносовой. Событiе это помнятъ многiе старики.

4) Эти двѣ пѣсни, одинаковыя по смыслу, но разныя по мотивамъ, характеризуютъ намъ Гребенскихъ казаковъ въ первое время послѣ водворенiя на Кавказѣ, когда они въ первый разъ засылали пословъ къ Iоанну Грозному. Преданiе гласитъ, а пѣсня повторяетъ, что Iоаннъ Грозный не только простилъ побѣгъ Гребенцовъ съ Червленнаго Яра, но даже пожаловалъ ихъ Терекомъ со протоками. Первый варiатъ мною за-

писанъ со словъ Коллежскаго Рег. П. М. Канаткина ст. Червленной.

5) Эта и предыдущая пѣсни записаны мною со словъ «тетки Леонтьевны» Гауровой.

6) Эта пѣсня, прославляющая походъ Ермака въ Сибирь, записана мною со словъ хорунжаго Ф. М. Кирѣева ст. Кордюковской.

7) По бѣгствѣ изъ Червленнаго Яра, гласитъ преданіе, одна шайка казаковъ спустилась внизъ по Дону и завоевала «Азовый» городъ. Эта пѣсня соединяется съ воспоминаніемъ объ этомъ эпизодѣ.

8) Пѣсня относится къ покушенію захватить Стеньку Разина и отправить въ Москву осѣдлыми Донскими казаками.

☆) Эта пѣсня поется при пусканіи караблей по Тереку въ Духовъ день въ ст. Червленной, Щедринской; при пусканіи вѣнковъ въ Новогладковской и при пусканіи кораблей въ Старогладковской и Кордюкахъ. Въ двухъ послѣднихъ станицахъ поется другой варіантъ этой пѣсни, здѣсь же помѣщаемый. Записана со словъ Гавріила Рогожина.

9) Эта и двѣ предыдущія пѣсни записаны мною со словъ урядника ст. Щедринской Ѳ. П. Пономарева.

☆☆) Эта пѣсня, очень богатая мотивомъ, продиктована мнѣ станицы Новогладковской казакомъ Т. Ивановымъ. Въ Червленной, Новогладковской, Старогладковской и Кордюковской станицахъ поется этотъ варіантъ, въ Щединѣ же «Не косицами». Хотя оба варіанта и одинако-

вы по смыслу, но по мотивамъ почти никакого нѣтъ сходства.

10) Пѣсенъ, подобныхъ этой, въ сборникѣ много, но ихъ не надо смѣшивать: онѣ всѣ сильно разнятся одна отъ другой, какъ по мотивамъ, такъ по смысламъ и эпохамъ, къ которымъ онѣ относятся.

11) Эта пѣсня записана со словъ урядника Ѳ. П. Пономарева. Дѣйствующее лицо въ пѣснѣ *Мисостовъ* сынъ, прозваннымъ такъ чеченцами, есть никто иной какъ дѣдъ И. Е. Фролова, подполковника ст. Червленной.

Военно-Бытовыя. Военно-бытовыми пѣснями похвалиться не смѣю, ибо ихъ совсѣмъ Гребенцы мало имѣютъ, и то онѣ большею частью искусственныя. Большинство ихъ соединяется съ историческими. При составленіи этого отдѣла мнѣ помогъ тотъже И. Д. Скороходовъ, Ѳ. П. Пономаревъ, Т. Ивановъ и М. Казакинъ.

12) Дѣло подъ Акъ-Булатъ-Юртомъ или «Сусловское дѣло» памятно еще многимъ Гребенцамъ, которые съ увлеченіемъ разсказываютъ подробности этого по истинѣ геройскаго дѣла.

13) Эта пѣсня обязана своимъ происхожденіемъ Генералъ-Лейтенанту И. Ив. Сафонову.

14) Авторъ этой пѣсни станицы Червленной П. Т. полковникъ Кулебякинъ.

15) Записана со словъ казака С. Гогина.

Любовныя и обрядовыя. Пѣсни этого отдѣла характеризуютъ въ одномъ случаѣ ухаживаніе парней за дѣвушками, а въ другомъ случаѣ представляютъ намъ характеристику обрядовъ, которые сопровождаются обыкновенно пѣніемъ. Много помогли мнѣ при записываніи этихъ пѣсенъ — жена Войскового Старшины Д. Ив. Тюшекова, затѣмъ казаки станицы Новогладковской—Т. Ивановъ, П. Лимановъ, П. Крутовъ, Е. Богдашкинъ и Е. Смирновъ; ст. Кордюковской—И. Любовъ; Старогладковской—И. Ергушовъ; Червленной—Т. Багдашкинъ; Щедринской—А. Егоринъ.

16) Эта и предыдущая пѣсни записаны со словъ Е. Смирнова.

17) Эту пѣсню продиктовалъ мнѣ А. Егоринъ.

18) Когда дѣвушка выходитъ замужъ за нелюба парня, то на вечеринкахъ поютъ эту пѣсню.

19) Эта пѣсня особенно любима Кордюковцами. Записана со словъ казака Т. Иванова.

20) Свадебная пѣсня—поется въ ст. Червленной, Новогладковской, Старогладковской въ то время, когда невѣсту везутъ вѣнчать въ часовню. Записана со словъ казака Т. Багдашкина.

21) Записана со словъ казака Т. Иванова.

22) Эта пѣсня поется на вечеринкахъ сиротѣ—невѣстѣ.

23) При пріѣздѣ мужа, брата или, вообще, ближняго родственника молодыя «бабочки» или дѣвушки поютъ эту пѣсню.

24) Поютъ при провожаніи. Диктовалъ Хорунжій Ф. М. Кирѣевъ.

25) Поютъ подруги «молодой» послѣ вѣнчанія

на обратномъ пути. Записана со словъ казака ст. Червленной М. Казакина.

26) Въ «углу» (дѣвичникѣ), когда отдаваемая замужъ дѣвушка начинаетъ плакать, тогда подруги ея поютъ эту пѣсню. Изъ мужщинъ, кромѣ отца, никто не присутствуетъ на «углу». Всѣ подруги въ эту ночь ночуютъ съ невѣстой, дабы избавить ее отъ напасти дьявольской. Со словъ казака Т. Багдашкина.

Скоморошнымъ. Подъ скоморошными пѣснями Гребенцы разумѣютъ всѣ веселыя пѣсни, которыя поются при ударахъ въ тазъ. Подъ пѣніе этихъ пѣсенъ пляшутъ, что гораздо легче и лучше, чѣмъ подъ гармонію. Въ Червленной станицѣ скоморошныя пѣсни мало поются, а ихъ замѣняетъ гармонія. Конечно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ необходимо пѣть (на свадьбахъ) онѣ поются, но въ ст. Новогладковской и Кордюковской рѣдко вы услышите гармонію; обыкновенно пляшутъ подъ какую либо скоморошную пѣсню. Записывалъ со словъ казаковъ—Е. Смирнова, Т. Иванова, Е. Багдашкина, Ф. Мальчушкина, Т. Багдашкина, И. Любова, И. Ергушова и ст. Щедринской Н. Діокина.

27) Эти первыя три пѣсни записаны мною со словъ казака И. Любова.

28) Поется въ ст. Червленной при «обыгрываніи».

29) Въ ст. Новогладковской на вечеринкахъ поютъ эту пѣсню. Продиктована казакомъ Т. Ивановымъ.

30) Эта и предыдущія пять пѣсенъ продикто-

ваны мнѣ казакомъ ст. Новогладковской П. Крутовымъ; причемъ «калину съ малиной вода поняла» поютъ дѣвушкѣ, которую выдаютъ замужъ на чужую сторону, въ другую станицу во время «угла».

31) Эта и двѣ предыдущія пѣсни записаны со словъ казаковъ ст. Червленной—Т. Багдашкина и М. Казакина.

32) Поется въ «углу», но большею частью предъ отправленіемъ невѣсты къ вѣнцу. Записана со словъ казака Е. Смирнова.

33) Въ «*бесѣдѣ*», когда подходитъ время расходиться по домамъ, поютъ эту пѣсню.

34) Эту пѣсню поютъ во время пусканія вѣнковъ въ ст. Червленной и Новогладковской. Кромѣ того поютъ небольшіе стихи, въ которыхъ дѣвушки верхней станицы просятъ принять вѣнки дѣвушекъ слѣдующей нижней станицы. Въ ст. Червленной поютъ:

Поплыви мой вѣнокъ
Во Щедринъ городокъ;
Вы Щединскія *дѣвóчки*,
Вы берите наши вѣночки.

Удареніе въ словѣ «*дѣвóчки*» дѣлается всегда надъ «О», какъ и при разговорѣ. Въ Новогладковской станицѣ поютъ:

Поплыви мой вѣнокъ,
Что во Старый городокъ;
Вы Старогладковски дѣвóчки,
Вы берите наши вѣночки.
и т. д.

Опечатки.

На стр.	Напечатано.	Читать.
— 8	груди царскія	царскія.
— 11	паавославный	православный.
— 12	соколикъ на сѣдлъ	сѣдлѣ.
— 21	вонъ пошемъ	пошелъ.
— 25	со волги	Волги,
— 28	губераю	губерню.
— 30	не измѣня	измѣняя.
— 52	мартиры	мортиры.
— 65	мѣсячъ	мѣсяцъ.
— 68	держатъ	держалъ.
— 72	съ ннмъ	нимъ.
— 82	вславу	славу.
— 96	кампаніи	компаніи.
— 108	малоденькій	молоденькій.
— 125	пиръ-бесѣдушке	бесѣдушка.
— 131	не плачъ	неплачь.
— 137	далъней	дальней.
— 144	какъ-капъ	капъ-капъ.
Примѣч. III стр.	спусталась	спустилась.

35) Эта пѣсня составлена отст. генер. Б. одной вдовушкѣ, за дочерью которой онъ ухаживалъ безнадежно. Продиктована казакомъ Т. Ивановымъ.

36) Поется эта пѣсня на вечеринкахъ въ ст. Новогладковской. Слышалъ отъ казака Е. Багдашкина.

37) Эта пѣсня и 8 предыдущихъ записаны мною со словъ Щедринскихъ «бабочекъ»—С. Р.; Д. Д.; С. А.; Т. К.; В. П.

38) Предъ отправленіемъ къ вѣнцу невѣсты поютъ эту пѣсню въ ст. Новогладковской. Со словъ казака П. Лиманова.

39) Поется въ ст. Старогладковской во время «угла». Записана со словъ казака Е. Смирнова.

40) Въ ст. Новогладковской эту пѣсню поютъ предъ отправленіемъ невѣсты къ вѣнцу. Диктовалъ П. Лимановъ.

41) Записана со словъ казака Е. Багдашкина.

42) Эта пѣсня не отличается художественною отдѣлкою, тробовать которой мы не въ правѣ, ибо она создана простымъ казакомъ ст. Червленной Фроловымъ, погибшимъ позорной смертью въ 50 г. на станичной площади за переходъ къ чеченцамъ.

43) Эта пѣсня принадлежитъ перу отс. ген. Б.,

44) Эта пѣсня—характеристика Гребенички, отправляющейся убирать садъ во время волненія горцевъ.

45) Безпокойная жизнь Гребенцовъ во время борьбы съ горцами изображена въ этой пѣснѣ.

Ф. С. ПАНКРАТОВЪ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.